

ЗВИЛ

(НОВОГРАДВОЛЫНСК)

Перевод, составление, предисловие и комментарии Леонида Когана

От переводчика

Звил. Так на языке идиш звучит название нашего города. Это и название мемориальной книги, опубликованной почти полвека назад в Тель-Авиве уроженцами Звягеля и округи. Покинув родину после первой мировой войны, многие из них активно включились в построение еврейского государства на Святой Земле. После второй мировой войны они создали Звягельское землячество в Израиле, поставившее перед собой в качестве главной цели увековечение памяти о еврейской общине города, которая, по их убеждению, прекратила своё существование в результате фашистского геноцида. Активную помощь в создании книги оказывала также группа земляков, эмигрировавших в США. Редколлегия, в которую входили Азриль Ури (главный редактор), Мордехай Бонэ, Йонатан Шлаен и Натан Ливнэ, проделала титанический труд, собирая по крупицам материал для будущей книги: воспоминания старожилов, фотографии, немногие уцелевшие документы. По памяти был составлен схематический план города.

Первая часть книги объёмом 232 с. написана в 1957 г. на идиш, который прежде был разговорным языком евреев от Биробиджана до Варшавы и от Монреаля до Буэнос-Айреса. Вторая часть (356 с.) написана пятью годами позже на иврите – государственном языке Израиля. Обе части вышли из печати в общем переплёте в 1962 г. Мемориальная книга «Звил (Новоградволынский)» представляет собой коллективный труд нескольких десятков авторов. Большинство статей и очерков, за исключением раздела на иврите «Человек и его дом», приводятся в параллельных текстах. Воспоминания охватывают, главным образом, конец XIX – начало XX в., хотя некоторые события уходят корнями в более далёкое прошлое. Это книга об истории звягельских евреев, которые в то время были наиболее многочисленной этнической группой (11119 чел. из 21317 жителей в 1913 г.) и играли заметную роль в экономической, духовной и общественно-политической жизни города. Перед читателем предстают образы выдающихся раввинов (цадики Звягельской династии, Шая Бару, Йоэль Сорин), писателей и поэтов (М.-З.Фейерберг, Ш.-Ц.Зецер, Ш.Миллер, И.Ламдан), учёных и общественных деятелей (И.Равребе, Я.-Й.Вол, А.Ческис, Э.Ротенберг). Вместе с тем в книге широко представлены также люди из простонародья (ремесленники, торговцы, клезмеры), чьи высокие моральные качества оставили глубокий отпечаток в памяти потомков. О воспитании в семье, своих родственниках, соседях, друзьях рассказывают авторы раздела «Человек и его дом». Кроме Звягеля, в книге также есть описания окружающих его местечек – Барановки, Рогачева, Каменного Брода, Пулина, Полонного, Городницы, зарисовки из жизни сельских евреев. Напечатан отрывок из романа Ш.Миллера «Дор га-мидбор», действие которого происходит сначала в с.Березовке возле Звягеля, а затем и в самом Звягеле. Отдельные разделы посвящены наиболее трагическим событиям в истории евреев Звягеля и округи – погромам 1919 г. и Катастрофе 1941 г., а раздел «Герои освободительной войны» – сыновьям наших земляков, погибших в войне за независимость Израиля. Несмотря на то, что главной темой книги является история еврейской общины, в ней содержится также бесценная информация о всеобщей истории города.

Следует отметить, что многие из приводимых в книге фактов подтверждаются как архивными документами, так и более поздними устными воспоминаниями звягельских старожилов. Вместе с тем, кое-где обнаруживаются неточности в датах и последовательности событий. Трагические события первой половины XX в., пережитые авторами книги, отразились на их мировоззрении. Вдумчивый анализ событий уступил место эмоциям. Оказавшись в плену стереотипов, некоторые из них допускают

необоснованные выпады в адрес руководства Директории и рядовых украинцев, обвиняя всех без разбора в совершении погромов и пособничестве нацистам. Эти досадные моменты не умаляют значения книги «Звил» как своеобразного памятника пятивековой истории еврейской общины. После долгих лет забвения эта книга, впервые публикуемая в русском переводе, становится доступной для широкого круга читателей, интересующихся историей родного края.

Обложка мемориальной книги «Звил», изданной в 1962 г.

Содержание		
	<i>Вступление</i>	9
М.Рыбалов	<i>Из письма</i>	11
	<i>Добро пожаловать!</i>	12
	<i>Картосхема Центральной и Восточной Волыни</i>	15
	<i>План города, составленный Йонатаном Шлаеном</i>	16
I Входя в город		
А.Ури (Маляр)	<i>Звягель (Новоградволыньск)</i>	18
Дов Бернштейн	<i>Синагоги. Банки</i>	40
Йонатан Шлаен	<i>Тальновская синагога</i>	43
Белла Барац-Клигман	<i>Воспоминания</i>	53
Б.Адири	<i>Мой город Звягель</i>	57
Ш.-Ц.Зецер	<i>Мысли и картины</i>	59
Б.Меламед	<i>Звягельская молодёжь и её участие в культурном движении</i>	63
д-р Яков Леви	<i>Звягель и его близкие окрестности</i>	65
II Местечки вокруг Звягеля		
Гирш Розенфельд	<i>Рогачёв</i>	79
Гари Бронфман	<i>Моё местечко Рогачёв</i>	89
Мойше Шмуэли	<i>Моё родное местечко Барановка</i>	91
Арье Блувштейн	<i>Барановка</i>	101
Яфа Перельмутер	<i>Моё местечко Барановка</i>	103
Етэ Гофман	<i>Моё местечко Каменный Брод и завод Зусмана</i>	105
Мина Смолер	<i>Моё местечко Каменный Брод</i>	107
Бениамин Кац	<i>Городница</i>	110
Б.В.	<i>Городница</i>	113
Яков Бен-Дов	<i>Пулин</i>	116
Мойше Нобельман	<i>Моё опустошённое местечко</i>	118
Элиягу Крейнерман	<i>Полонное</i>	120
III Знатоки еврейского закона и общественные деятели		
Мордехай Бонэ (Бибер)	<i>Тора, хасидизм и Гаскала</i>	123
М.-Ш.Гешури	<i>Звягель – город хасидизма</i>	126
А.Ури	<i>Популярные личности в Звягеле</i>	129
раввин Цви-Негор Купчик	<i>Раввин Симха Купчик</i>	145

раввин Рахмиил Комин	<i>Раввин р.Йозель Сорин Даровитый, р.Зеев-шойхет</i>	148
Элиягу Садэ-Лаван	<i>Мой дед, раввин р.Мойше Шмуль</i>	150
Й.Шлаен	<i>Рэб Алтер-даен</i>	152
Авраам Бару	<i>Раввин р.Шая Бару</i>	154
М.Бонэ	<i>Рэб Шая-Фишл-даен и другие</i>	157
Й.Шлаен	<i>Айзик Арбетман</i>	165
А.Ури	<i>Эли Ротенберг</i>	171
Й.Шлаен	<i>Зельман Беруль</i>	175
IV Человек и его дом		
А.Ури	<i>Отчий дом</i>	177
Нахум Бибер	<i>Культура отчего дома</i>	181
М.Бонэ	<i>Дома на городских улицах</i>	184
Хана Шлаен-Слоним	<i>Отец</i>	190
Д.Бернштейн	<i>Мой отец р.Мойше Бернштейн</i>	195
Бетя Длугач	<i>Мой отец р.Мойше Длугач</i>	196
Нэхума Арбетман	<i>Мой отец Айзик Арбетман</i>	197
Б.Адири	<i>Мой брат Шмуль</i>	198
Х.Шлаен-Слоним	<i>Ицхак Шлаен-Штерн</i>	200
Сара Аргов	<i>Бенцион Аргов</i>	203
Айзик Гофман	<i>Рэб Бенцион Гофман</i>	206
Н.Ливнэ	<i>Ошер Березенбойм</i>	208
М. Адир-Рудницкий	<i>Яков бен Меир</i>	209
А.-З. Бен-Ишай	<i>От Звягеля до Иерусалима</i>	211
И.Ц.	<i>Сруль Цифанский</i>	216
Х.Шлаен-Слоним	<i>Рахиль Бронфишум-Маляр</i>	217
М.Бонэ	<i>Бениамин Гольдман</i>	219
Й.Шлаен	<i>Шлёмкэ Гуз</i>	220
М.Бонэ	<i>Рэб Дов Анцелевич»</i>	223
Й.Шлаен	<i>Д-р А.-М.Гофман-Ман</i>	225
М.Бонэ	<i>Сура – старшая дочь раввина</i>	227
Х.Шлаен-Слоним	<i>Бэбця Ульман</i>	228
М.Бонэ	<i>Рэб Борух Трёмбовольский</i>	230
М.Бонэ	<i>Братья Пиня и Лейбиш Вайсберг</i>	231
Н.Ливнэ	<i>Город в тумане, Семья (стихи)</i>	232

V Писатели и поэты

Ш.-Ц.Зецер	<i>М.-З.Фейерберг и его эпоха</i>	236
Исраэль Берман	<i>Фейерберг на даче в Славуте</i>	245
М.Бонэ	<i>Фейерберг как мыслитель и прорицатель</i>	249
Яков Фихман	<i>Фейерберг (стихотворение)</i>	251
Я.-Й. Вол	<i>Ш.-Ц.Зецер</i>	252
д-р А.Мукдони	<i>Ш.-Ц.Зецер – отшельник</i>	255
Ш.Лещинский	<i>Ш.-Ц.Зецер</i>	258
проф. Ш.Галкин	<i>Я.-Й.Вол</i>	260
М.Бонэ	<i>Ицхак Бибер</i>	262
Г. Кресель	<i>Кое-что об Ицхаке Бибере</i>	264
Ш.-З.Шазар	<i>Ихил Равребе</i>	266
Дов Кривицкий	<i>Ихил Равребе</i>	273
Йоханан Тверский	<i>Менахем Рибалов</i>	275
М.Бонэ	<i>Некоронованный посол</i>	278
Й.Тверский	<i>Ицхок Ламдан</i>	279
А.Ури	<i>Ицхок Ламдан (встречи)</i>	285
Ицхок Ламдан	<i>В отражённом свете (стихотворение).</i>	288
М.Бонэ	<i>Д-р Яков Леви</i>	290
М.Бонэ	<i>В память о Шмуле Шлаене</i>	294
Ш.Лернер	<i>Ш.Миллер</i>	297
Яков Глатштейн	<i>Шмуль Миллер</i>	299
Э.Шрайер	<i>„Дор га-мидбор“ Ш.Миллера</i>	300
Ш.Миллер	<i>Звягель и его окрестность (фрагменты из „Дор га-мидбор“)</i>	302
Мендель Ман	<i>Я.-И.Сигал</i>	333
Я.-И.Сигал	<i>Звон (стихотворение)</i>	335
VI Резня 1919 года		
Пинхас Медведик	<i>Звягель в 1918-19 гг.</i>	336
Зельман бен Ошер Сафьян	<i>События в Звягеле</i>	339
Менаше Сегал	<i>Погромы в Звягеле в 1919 г.</i>	342
М.Бонэ	<i>Погромы в Звягеле в 5679 г.</i>	347
Дов Анцелевич	<i>Погромы в Звягеле в 1919 г.</i>	352
Белла Ставит	<i>Хуна-грузчик и Кашук</i>	354
Марим	<i>Бегство из Звягеля в 1919 г.</i>	357

Клейнфельд-Зукин

Б.Длугач	<i>Как мы спаслись в 1919 г. во время погрома. Медсестра Соня</i>	359
Б.Хаклаит	<i>Воспоминания</i>	361
П.Мармер	<i>Новоградволыньск-Звягель</i>	362
А.Й.В.	<i>Каменный Брод</i>	364

VII Катастрофа и после неё

Мойше Гильденман	<i>Звягель в 1920-1945 годах</i>	366
М.Бонэ	<i>Звягель в упадке</i>	375
А.Ури	<i>Нацисты в Звягеле (по рассказу Хаи Розенштейн-Пиркис)</i>	377
М.Ман	<i>Звягель</i>	381
А.Блувштейн	<i>Уничтожение евреев Барановки</i>	383
	<i>В Житомирской области (из газеты „Форвертс“)</i>	384
М.Каганович	<i>Партизанская рота дяди Миши</i>	385
М.Гильденман	<i>Нападение на немецкий батальон</i>	389
А.Ури	<i>Рассказ партизана Симхи Гильденмана</i>	392

VIII Герои освободительной войны

Яков Рэйцман	<i>Менахем Рэйцман</i>	395
	<i>Исроэль Гурвиц о М.Рэйцмане</i>	398
	<i>Из дневника Менахема</i>	399
Давид Каспи	<i>Элиэзер-Липа Каспи (Зильберман)</i>	402
	<i>Йосиф Духно</i>	404
Зеэв Вайсман	<i>Йегоше Вайсман</i>	405

Мендель Бибер	<i>Раввин и председатель суда в Звягеле 200 лет назад</i>	407
	<i>Корреспонденции из русско-еврейской газеты «Рассвет»</i>	408
М.Бонэ	<i>Сионисты под арестом и на скамье подсудимых в царской России</i>	410
	<i>Историческое описание сиротского дома №4</i>	412
М.Бонэ	<i>Послесловие</i>	415
Шмуль Каплан	<i>К выходу в свет книги</i>	430
	<i>Пояснения к именам и терминам</i>	431

Вступление

С особым трепетом мы, оставшиеся выходцы из Звягеля в Израиле, приступили к сбору материала для Книги Памяти о нашей общине, которая ещё во время ужасных погромов и последовавшей затем эпидемии тифа 1919-20 гг. подверглась разрушению, а после гитлеровского нашествия в 5701-02 гг. (1941-42) была полностью уничтожена.

Прошло много лет, но зов крови не оставил нас в покое и постоянно требовал воздвигнуть памятник невинным душам. Но как же выполнить это страшное требование? Кто поведаёт о том огромном несчастье? Кто раскроет масштабы Катастрофы? Кто расскажет о тысячах погибших и передаст их имена?

Были у нас и дополнительные трудности: мы покинули Звягель больше 40 лет назад, и с тех пор, как власть захватили Советы, на город опустился железный занавес, все связи с ним были разорваны.

О нашем городе никогда не было написано никаких монографий и личных воспоминаний, хотя и в нём, и в его окрестности жили знаменитые личности различных оттенков, а то немногое, записанное в старом городском пинкасе*¹, было утрачено во время большого пожара, произошедшего из-за артиллерийского обстрела города Красной Армией в 1919 г.

С большим трудом нам удалось всё же собрать уцелевшие документы и растормошить старых людей, бывших в своё время активными в различных областях – общественных деятелей, деловых людей, раввинов, маскилим*, учителей, писателей и деятелей халуцианского движения* в Эрец-Исраэль* – чтобы те поведали нам свои воспоминания. Все они внесли большой вклад в создание Книги Памяти.

Итак, Книга Памяти – плод коллективного труда множества людей. В её главах скреплена еврейская народная душа, черпавшая своими корнями энергию из первоисточников хасидского сияния, благодаря которому она обретала форму за последние столетия. Звягельщина, стоявшая в центре хасидского движения, служила кузницей для основателей хасидизма* и Гаскалы*. Но особенно важно было показать привлекательность нашего труженика-еврея в его постоянной занятости и жизнерадостности. Именно он дал скромных народных деятелей, великих жертвователей, маскилим и литераторов. Среди них – активисты «Ховевей Цион»* и сионисты, социалисты и первопроходцы трудового Эрец-Исраэль. Создавая культурные ценности, они тем самым накладывали отпечаток на последующие поколения.

Мы старались, по мере возможности, передать в этой книге дух Звягеля, дать представление об учреждениях и предприятиях, партиях и обществах, которые столько сделали для его развития и процветания. На немногих поблекших фотографиях, которые нам удалось собрать (подавляющее большинство иллюстраций и документов утрачено), раскрываются перед нами светлые образы отцов и детей, прошедших и исчезнувших поколений.

По просьбе наших уважаемых земляков в Соединённых Штатах значительная часть этой книги вышла также на идиш, чтобы и они могли передать свои воспоминания и свидетельства будущим поколениям.

Да будут благословенны наши земляки в Израиле и за его пределами, чьи преданность и старания сделали возможным выход в свет этой книги. Особая

1 Пояснения к словам, отмеченным знаком *, ищите в приложении

благодарность с нашей стороны г-ну Симхе Ротенбергу, которому после больших усилий удалось собрать в далёком Лос-Анджелесе (Калифорния) наших земляков по вопросу издания книги, и госпоже Шейндл Гофман, действовавшей среди наших земляков в Нью-Йорке. Оба они оказали большую помощь в выполнении нашего поручения.

С глубокой признательностью и благодарностью отмечаем мы также нашего товарища Азриля Ури (Маляра) за его напряжённую работу по сбору литературного и иллюстративного материала для книги, в обеспечении материальной основы этого издания, большое усердие в редактировании и наборе материала.

Комитет Звягельского землячества в Израиле

Из письма

Звягельскому землячеству – мир и благословение!

Второму съезду выходцев из Звягельщины шлю своё горячее приветствие и выражаю большое почтение из Нью-Йорка.

Я являюсь большим почитателем вашей добропочтенной деятельности во имя своего еврейского города. Благодаря жившим в Звягеле выдающимся деятелям хасидизма и литературы, слава о нём распространялась вдаль и вширь. А высоко вознёсшаяся звезда нашей литературы в лице Фейерберга прославила имя города и просияла во всех просторах нашего мира.

Этот город, как и о другие города Украины, достоин вечной памяти. И блажен тот, кто в силах внести вклад в это благородное дело, передав своё свидетельство о большой еврейской общине, которую постигла Катастрофа и сокрушила в прах.

Идите же (это в ваших силах) и поставьте памятник вашему родному городу, в котором вы в первый раз увидели солнечный свет и в котором вам открылся свет возрождения – тот, что привёл вас в Землю обетованную, чтобы жить и обосноваться на ней, возродить и строить.

С самыми добрыми пожеланиями и дружбой выходец из местечка вашего края

Менахем Рибалов*

9 нисана* 5713 г.¹

P.S. Я приложу усилия, чтобы прислать вам статью для сборника, который вы готовите.

К нашему сожалению, он не успел выполнить своё обещание

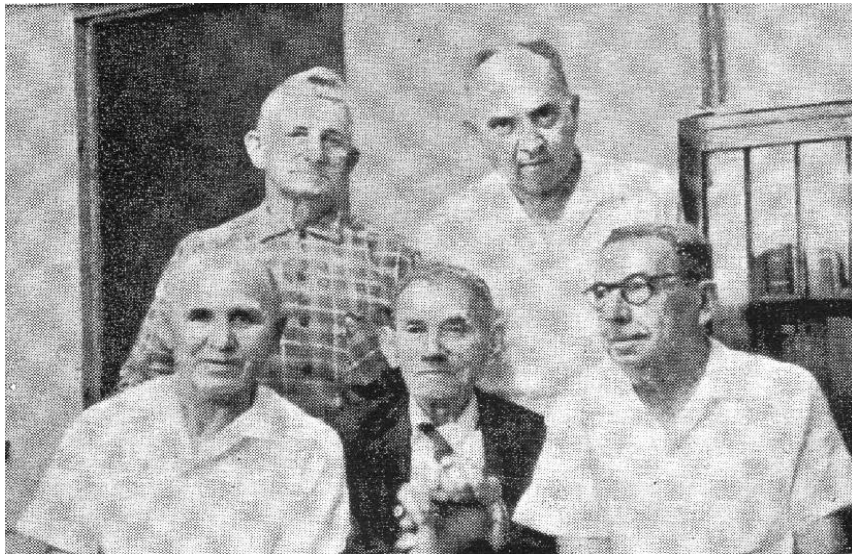
Редакция

1 9 нисана 5713 г. по еврейскому календарю соответствует 25 марта 1953 г.

Добро пожаловать!

Нам выпала большая честь приветствовать нашего старшего товарища, известного писателя и мыслителя, мудрого рэба*

Шмуля-Цви Зецера,
единственного оставшегося в живых из компании М.-З.Фейерберга, которая смело выразила новые настроения в национальной мысли и передовом идеале, оказав большое влияние на литературу той эпохи.

Стоят (справа налево): Й.Шлаен, А.Ротман
Сидят (справа налево): М.Бонэ, Ш.-Ц.Зецер, А.Ури

Он прибыл в Израиль, когда завершалась работа по выходу из печати книги. Мы рады принять его у себя и благословляем:

«Ещё он выскажется на старости,
Будет плодотворным и бодрым.»

Редколлегия

* * *

Как тень я слоняюсь среди вас,
Как тень, которая видит всё и знает
И повторяет всё за вами
И не имеет никаких желаний.

Как тень я слоняюсь среди вас,
Я выгляжу как вы и говорю как вы,
Но всё-же к вам я больше не принадлежу.
Я – тень, лишь тень и больше ничего.

Как тень я слоняюсь среди вас,
И чужд вам, как и он.
Как тень я слоняюсь среди вас,
И вместе с вами, как и он.

(Стихотворение Ш.-Ц.Зецера, напечатанное в «Дос ворт»* 15 марта 1922 г.)

Первые впечатления Ш.-Ц.Зецера после приезда в Израиль (Из его письма по прибытии в Израиль)

... Я всё ещё опьянён от того удовольствия и душевной отрады, которые испытал от своего пребывания в Израиле. Ещё немного, и придут также горести и печали, с которыми я сталкивался время от времени (конечно, не по своей вине).

Дай Бог, чтобы я преодолел постепенно предстоящие трудности, устранил всё ещё существующие помехи и учредил библиотеку, которая будет носить имя Фейерберга. Это мероприятие – одно из главных мотивов, приведших меня в Израиль.

Состояние моего здоровья, в относительном смысле, чудесное! Вы бы не поверили своим глазам, если бы увидели, как я шагаю по улицам Хайфы, что у подножия горы Кармель, по Тель-Авиву и особенно по прекрасному городу Иерусалиму, покоряющему твоё сердце с первого взгляда. Кажется, что твои загипнотизированные уши слышат нечто весьма таинственное, а очарованные глаза видят перед собой образы парящих в воздухе пророков, царей и героев ...Когда я хожу по этим местам, меня переполняет удивление и восторг. И я спрашиваю самого себя: «Неужели это я – Ш.-Ц.Зецер – тот, который лишь три месяца назад был “опасно болен”, а за месяц до этого считался умирающим?»

И насколько быстро мне удастся достичь того, о чём я упоминал выше, настолько счастливее буду я себя чувствовать, и тогда смогу предаться учёбе и работе. Учиться, учиться и учиться; работать, работать и работать!

Давно я не был так воодушевлён, как сейчас.

Август 1961 г.

Ш.-Ц.Зецер

Ш.-Ц.Зецер /Нью-Йорк/

Молитва

Прости меня, Боже, за то, что я смеялся сегодня; ещё не все вчерашние тени исчезли, а уже появилась улыбка на моих устах ...

* * *

Прости же меня, Господи, что смеялся сегодня.

После всего, что было сказано вчера. После ужасной вести, пришедшей вчера из моего несчастного местечка.

Из моего бедного, несчастного местечка, на который Бог излил свой гнев.
Из моего бедного, несчастного местечка, на которое обрушился кровавый потоп и затопил его.

* * *

И как много, как много их, рек пролитой еврейской крови, которые быстро унеслись вдаль с тех пор, как вырвала меня оттуда судьба ... Но всё, что я принёс оттуда, ещё живо и свежо во мне!

А в сердце моём – покинутое кладбище с бесчисленным множеством надгробий оборванных судеб, стремлений и желаний, и лес надежд и видений.
Всё, что я делал в юности, всё, что сохранил, всё – во плоти и крови – живёт в моём сердце.

Мне кажется, что всё это – моё ...
Словно по мановению волшебной палочки, пролетела вся моя суетная жизнь, и я вижу себя в благословенном безмятежном уголке детства.

И всё, что я делал с того времени, как вырван был оттуда, видится мне как кошмарный сон о пережитых мною метаморфозах и вселившихся в меня злых духах. Множество метаморфоз и злых духов стёрли моё истинное «я», сделали меня глухонемым, приняли мой облик и говорили от моего имени.

Как после тяжёлых кошмаров в ужасно долгую ночь, пробудился я, наконец, от этого страшного сна. Все метаморфозы и злых духов развеял я во все стороны.
И тогда исчезло всё, что было во мне инородным, и чуждым стало всё, что я обрел с других столов. Ибо я – один из них, один из тех, от кого был отчуждён ещё в юности.

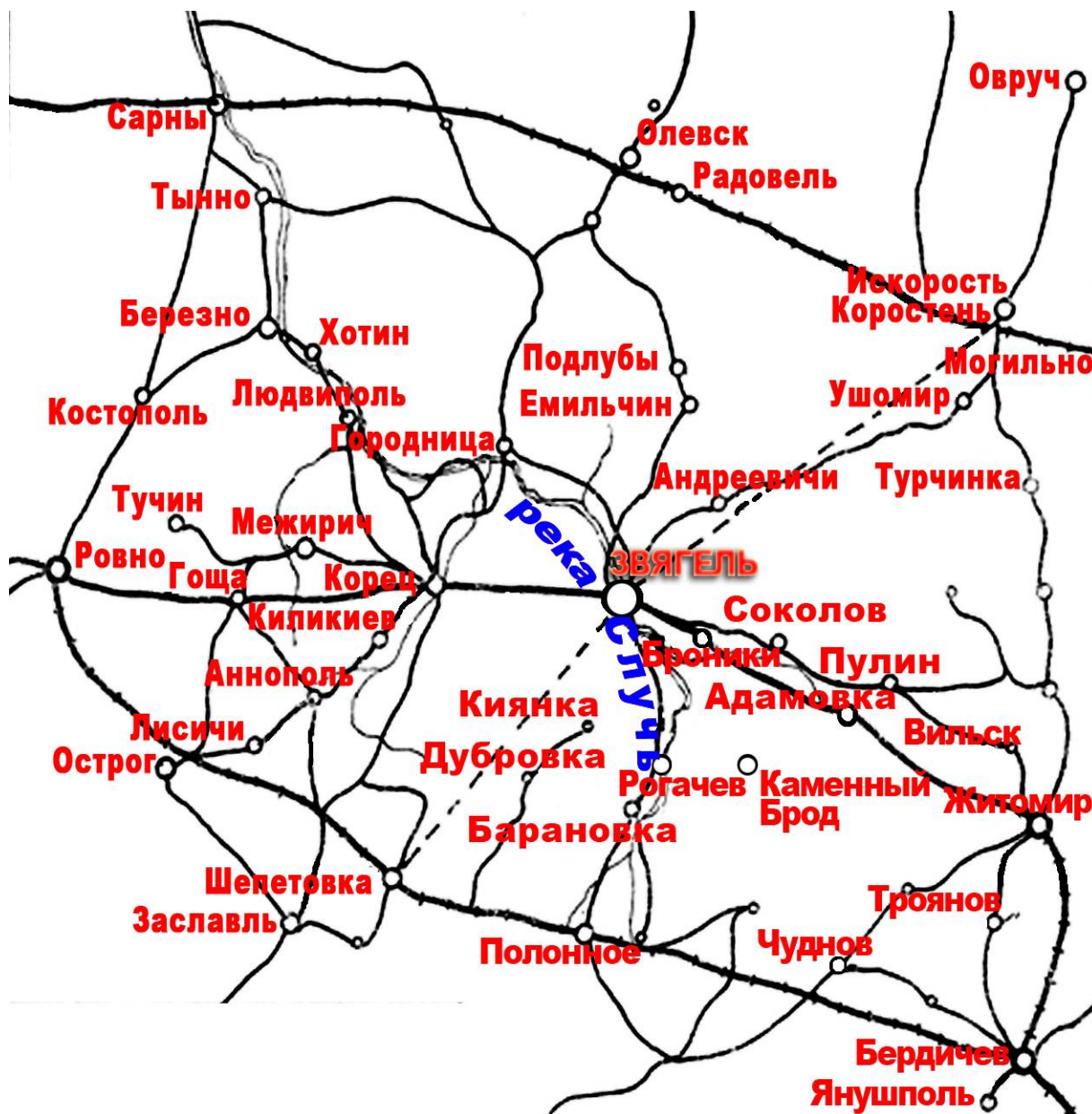
И вот я – старый еврей. Всё, что я приобрёл с тех пор, как ушёл оттуда, тонет и исчезает во мне. Всё ушло и пропало.

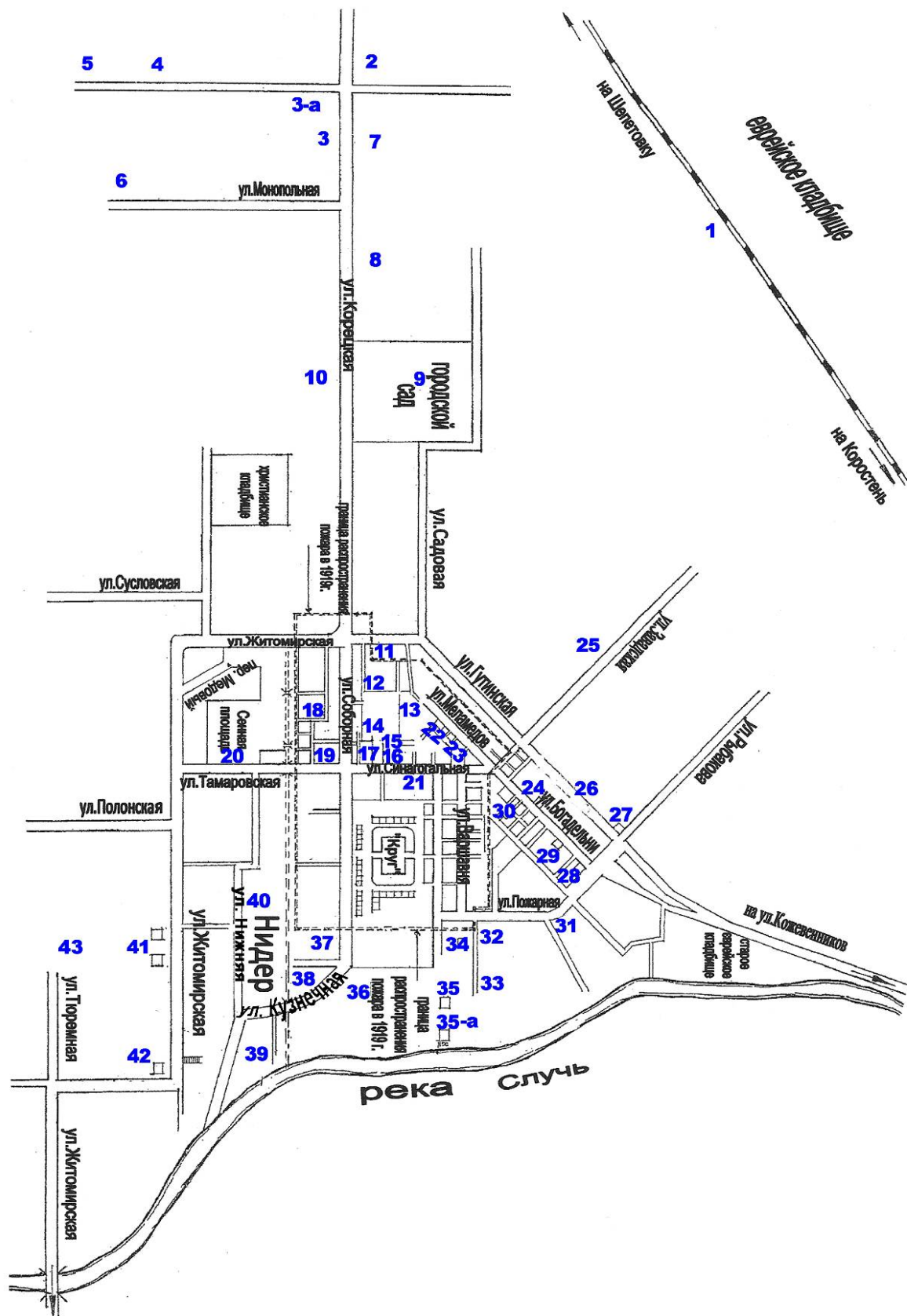
Я – один из них, живу с ними и всегда жил с ними, только с ними. Там я родился, там вырос, возмужал и состарился.

* * *

Прости меня, Господи, что я смеялся сегодня,
Ведь я – один из них,
И всё, что пережили они, я тоже пережил.
И всё, что видели их глаза, видели мои глаза тоже.
И всё, что знали они, знал и я.
И прости меня, Господи, за мой сегодняшний смех.

Картосхема Центральной и Восточной Волыни

Звягель (Новоградволыньск) в период Первой мировой войны.
План составлен по памяти Йонатаном Шлаеном для книги «Звил», Тель-Авив, 1961 г.

Цифрами обозначены:

1. Железнодорожный вокзал
2. Еврейская больница
3. Ешива «Ор Тора»
- 3а. Дом рэба Нехемии Блоха во дворе ешивы
4. Земская больница
5. Скотобойня
6. Винокурня
7. Сибирская синагога
8. Школа Сундельзон
9. Летний театр в городском саду
10. Полиция
11. Чернобыльская синагога
12. Столинская синагога
13. Синагога р.Михелэ
14. Турийский клойз
15. Тальновский клайзл, на верхнем этаже синагога старожилов («Скуросвит»)
16. Большой бес-медреш
17. Большая синагога; в её пристройке синагоги портных и сапожников
18. Коростышевская синагога
19. Сионистский клуб во время Петлюры
20. Олыкская синагога
21. Макаровский клойз
22. Синагога р.Йегошелэ
23. Синагога плотников
24. Синагога «Ломдей Тора»
25. Сионистский клуб во время Керенского
26. Новая талмуд-тора
27. Клуб Цейрей Цион, после пожара – Тальновский клайзл
28. Синагога р.Шлёмкэ
29. Богадельня
30. Синагога портных
31. Пожарная станция
32. Клойз мясников
33. Старая баня
34. Синагога р.Лейба-клезмера
35. Мясные лавки
- 35а. Гауптвахта
36. Собор
37. Костёл
38. Казначейство
39. Новая баня
40. Синагога «Нидер»
41. Городское народное училище
42. Почта
43. Тюрьма

Входя в город

Улица Корецкая – в центре города

Азриль Ури /Рамат-Ган/

Звягель-Новоградволыньск

Когда я вспоминаю свой родной город Звягель, в котором сделал первые шаги в большой мир, душа моя тоскует. В памяти восстают извивающаяся среди скал река Случь, живописные рощи на её берегах, ведущий к ним широкий мост и протянувшийся от дворянской усадьбы к северу от города большой лес, в котором мы гуляли в юности, устраивали тайные массовки с жаркими бесконечными дискуссиями. Помню я видных хасидов, скромных и благородных, наполненных субботне-праздничным воодушевлением и праведностью, немногочисленных маскилим, рвавшихся в большой мир, который их очаровывал, сионистский круг, черпавший вдохновение ещё из небольшой компании Фейерберга. И ещё я помню постоянно измученных, отягощённых работой простых евреев-тружеников, хорошо известных красотой своей души, которая излучала вокруг себя так много сияния. Хочется вспомнить о них хотя бы в общих чертах. Это важно не только для них, но и для нас, и для будущих поколений. Всё меньше и меньше становится тех, кто провёл вместе с ними детство и юность, и существует опасность, что пропадут их воспоминания.

Пусть откроется несколько разделов из истории нашего города, жизни общества и видных людей, чтобы будущее поколение узнало и сумело почерпнуть из прошлого скрытые силы для закалки духа.

История

Насколько нам известно, нет точной информации о возрасте города. Согласно Российской Энциклопедии (издание Брокгауз-Ефрон, 1897, т.21, с.364), город Звягель впервые упоминается в славянской летописи в 1257 г. Город тогда относился к Владимир-Волынскому княжеству. В XV ст. в нём правили князья Василий и Андрей Семёновичи, называвшиеся князьями звягельскими. После их смерти городом владел князь Константин Острожский. До завоевания Волыни Россией (1793 г.) город относился к Луцкому повету. После присоединения к России он был утверждён губернским городом, но в 1804 г. стал уездным городом. Согласно польским источникам¹, село Звягель принадлежало в XIV ст. польскому князю Базилию, затем было приобретено князем Анджеем Звягельским и с тех пор стало называться его именем. Он передал село гетману Константину Острожскому, после смерти которого оно перешло в наследство князю Любомирскому. Местечко, которое тем временем росло, входило в Луцкий повет, вплоть до завоевания русскими Волыни. После присоединения к России при Екатерине Великой оно в 1796 г. было переименовано в Новоградволынский и стало уездным городом.

Отсутствие официальных первоисточников не позволяет установить точное время основания еврейской общины в Звягеле. В списке местечек, пострадавших от резни Хмельницкого 1648-49 гг., он не упоминается. Но из этого факта нельзя делать вывод, что в нём в то время не было евреев. По преданию, евреи Звягеля бежали тогда в близлежащую крепость Полонное и погибли там среди десятков тысяч евреев, убитых гайдамаками под командованием атамана Кривоноса.

Согласно летописей, упомянутых в книге П.Н.Батюшкова², после резни в крепости атаман Кривонос с частью своего войска напал на Звягель, вырезал находившихся там евреев и совершенно разрушил город. Разрушения были такими большими, что 117 лет спустя, в 1765 г., в нём насчитывалось лишь 567 плательщиков податей, из них 474 еврея. Общая численность населения достигала тогда 2304 жителя, из которых 1752 еврея. В те годы вёлся большой судебный процесс против еврейских общин Волыни относительно налогов князю. В списке, приложенном к приказу правителя после приговора суда, в ответ на жалобу общин на сборщика налогов, в котором отдано распоряжение наложить арест на имущество общины до завершения платежа, упоминаются также евреи Звягеля.³ Экземпляр этого приказа находится в Национальной библиотеке в Иерусалиме.

По преданию, город начал строиться со стороны Нидера*. Оба берега Случи соединял паром. В этом квартале с самого начала были сосредоточены трудящиеся, обслуживавшие окрестные сёла. С ростом населения постепенно выкорчёвывались леса на правом берегу Случи. В соответствии с продуманной планировкой застраивались другие кварталы, появлялись широкие прямые улицы и красивые дома, которыми выделялся наш город.

Проведение больших ярмарок несколько раз в году сосредотачивало в городе торговлю и способствовало его развитию, и в 1855 г. в нём было уже 7514 жителей и 700 домов. В корреспонденции из Звягеля, напечатанной в 1860 г. русско-еврейской газете «Рассвет»*

1 Słownik geograficzny Królestwa Polskiego – Warszawa, Tom 7

2 П.Н.Батюшков «Волынь. Исторические судьбы Югозападного края», с.170

3 «Пинкас арба арцот» («Хроника четырёх стран»)

(№8), отмечается доминирующая роль, которую играли евреи во всех областях хозяйственной жизни.

Большая синагога выделялась своим архитектурным стилем и красотой: высокие колонны поддерживали голубой купол, на котором были нарисованы созвездия и фигуры знаков зодиака 12 колен Израиля. Это было одним из старейших и красивейших зданий города. Время её постройки относят к 5440-5460 гг. (1680-1700). В одном из углов снизу потолка среди знаков зодиака был изображён мужчина, удыщий рыбу. В городе ходила легенда, что это изображение того самого художника, который разрисовывал синагогу. После завершения росписи тот был так измождён, что запутался, сорвался с верёвок, которыми был привязан, и разбился насмерть. Народ видел в этом Божью кару за нарушение запрета рисовать изображения людей в синагоге: «Не делай себе изваяния».¹

Это святое место, а также некоторые старинные надгробия на старом еврейском кладбище свидетельствуют, что в Звягеле на протяжении столетий была значительная община. В старинном пинкасе Острога 5498 г. (1737-38) упоминается раввин звягельский р. Авраам (блаженной памяти), внук главы общины Острога р.Юзпы. Он был одним из величайших раввинов своего времени, умер в 5522 г. (1762) и похоронен в Остроге.²

В начале книги «Горал Йегошуа» (издана в Жолкве в 5513 г.³) приведено много новых толкований Торы выдающегося раввина р. Авраама, председателя бес-дина* общины Звягеля. На его памятнике, стоящем в одном ряду с памятником его деда, щедрого вельможи р.Юзпы, высечено: «Здесь покоится Утренняя Заря, Сын Рассвета, из утроба Зари, вознесённый избранник Божий, лучший из общины, и таково его достоинство; уважаемый великий раввин, даен* р.Авраам, который был председателем бес-дина общины Звягеля, сыном блаженной памяти раввина р.Аарона. Скончался в среду, 8 ияра* 5522 г.⁴»

Возникновение хасидизма

В близлежащих к Звягелю местечках проживали великие ученики основателя хасидизма Бешта*: Межиричский магид* (1704-1773) и его сын р.Авраам Малах, а также вдумчивый толкователь р.Яков-Йосиф бен Исроэль (ЯИБИ) из Полонного*, автор «Толадот». Был также в то время моралист Йегуда-Лейб из Полонного. Виленский гаон* оказывал большое противодействие хасидизму, а в 1786 г. объявил ему херем*. Рэб Яков-Йосиф был идеологом хасидизма, его распространителем и остроумным писателем. Однако ученики выбрали преемником Бешта р.Дова, который выделялся как талантливый, любимый и влиятельный вождь и учитель. Вначале отношения между ними были напряжёнными, но в конце концов, согласно преданию, р.Яков-Йосиф сказал: «Со дня кончины Бешта перенёсся дух Божий со своей котомкой из Меджибожа в Межирич, и я вынужден склонить перед ним голову.» Рэб Дов не странствовал как его учитель из города в город, а поселился в Межириче, возле Звягеля, и оттуда распространял хасидизм, предпринимал там широкую пропагандистскую деятельность с помощью посланцев, которые шли из села в село и из города в город. Его учениками считаются р.Шнеур-Залман из Ляд*, р.Исроэль из Козениц*, р.Яков-Ицхок из Люблина*, р.Нахум из Чернобыля*, р.Элимелех из Лежайска*, р.Зуся из Аннополя*, р.Леви-Ицхак из Бердичева*, р.Аарон из Карлина* и др., которые часто гостили у него в Межириче и с трепетом следили за каждым его движением.

1 Шмот (Исход) 20:4

2 М.М.Бибер «Мазкерет ли-гдолей Остро»

3 Вторая половина 1752 – первая половина 1753 г.

4 1 мая 1762 г.

Один из видных хасидов раввин р.Пинхас Шапиро, друг Бешта, переехал из своего родного города Шклова в близлежащее к Звягелю местечко Корец и проявил себя там как самобытный хасидский вождь. С того времени звали его р.Пинхас из Корца*. От него возникло «крыло» цадиков*: р.Яков-Шимшон в Шепетовке* и братья Шапиро в Славуте*. Оба эти местечки находятся вблизи от нашего города. Приблизительно в тот же период действовал цадик р.Зуся в близлежащем Аннополе.

Таким образом, возникновение самобытного народного, богословского ХаБаДского* хасидизма происходило в окрестностях нашего города, служившего естественным центром для близлежащих местечек, поскольку он был густо населён и через него шли все пути. В то время в нашем уезде были созданы две еврейские типографии: одна в Корце, где печатались первые сочинения Межиричского магида, и вторая, побольше, в Полонном, в которой печатались многие хасидские произведения и особенно «Толадот». Это были предшественники двух известных больших типографий – Житомирской и Славутской.

В то время в нашем городе поселился цадик р.Мейшалэ, один из пяти сыновей ученика Бешта р.Ихила-Михла Злочовского*, известных своим великолепным прозвищем «хамиша хумшей Тора»¹. Он основал в городе так называемую Звягельскую династию. В городе тогда действовала также группа цадиков под названием «хаврайя»², о которых ходили красивые легенды.

Развитие хасидизма и деятельность «хаврайи» цадиков, проживавших в округе, принесло в город и его окрестности хасидский пыл, не давая маскилим возможности оказывать влияние, хотя в это время в близлежащем Кременце действовал великий РИБЛ (р.Ицхок-Бэр Левинзон*), а позднее в округе известны приобрели также круги Гаскалы, сплотившиеся вокруг раввинского училища в Житомире (1848-1870), где действовали такие личности, как Эйхендорф³, Хаим-Зелиг Слонимский*, А.Готлобер* и р.Элизер Цвейфель*. Однако Гаскала не пустила тогда у нас глубоких корней. Хасидское воодушевление, наложившее отпечаток на жизненный уклад горожан, было всё ещё заметным в наше время (конец XIX века), когда город посещали цадиким. По случаю их приезда в пятницу вечером и на исходе субботы устраивались застолья.

Тальновская молельня*, в которой молился мой отец, была маленькой и низкой. Она занимала нижний этаж Большого бес-медреша* и выделялась не своими размерами, а душевной теплотой и хасидским экстазом, который в нём господствовал. Я с детства помню шалэшудес*, которые устраивались по субботам в Тальновской молельне. После захода солнца все сидели в сумрачном настроении за скудной снедью, принесённой из дому, и слушали чудесные рассказы почтенного старца р.Дувид Пинес (дяди А.Людвиполя), одного из коренных старых хасидов, который был удостоен чести сидеть за столом цадика р.Дувидла из Тального*. Рэб Дувид Пинес поражал своими рассказами о великих ребе*, основателях хасидских династий, большой размолвке с Виленским гаоном, приведшей к преследованиям р.Шнеура Залмана из Ляд и его заключению в Шлиссельбургской крепости. Особенно увлекательными были рассказы о том, что предприняли старые хасиды вскоре после кончины р.Дувидла. Почитая покойного Старца, они не могли так легко решиться на то, чтобы его заменил внук, который был тогда ещё «мальчишкой», и стали искать нового вождя среди великих цадиков того времени. В этих поисках принимало участие несколько старых звягельских хасидов, в том числе мой дед р.Аврум и дядя р.Мендл из Рогачёва. Они навестили старых цадиков, сыновей р.Нахумци из Чернобыля, добрались до цадиков Галиции и, уняв тоску по великому вождю, решили

1 «Пять книг Торы» (древнеевр.)

2 «Компания друзей» (древнеевр.)

3 Здесь очевидно, имелся в виду еврейский поэт, математик и педагог Яков Моисеевич Эйхенбаум

остаться при старой династии во главе с внуком. Но с тех пор перестали ездить на праздники в Тальное и ждали приезда тамошнего цадика в Звягель.

Все эти рассказы, передававшиеся с большим вдохновением, сопровождались душевными тальновскими мелодиями, которые ещё напевал р.Дувидлу его собственный застольный музыкант р.Йосл. Рэб Дувид Пинес нередко вспоминал знаменитых хазанов* р.Иерухама Малого* и р.Нисана Белзера* «Охрипшего», певших для ребе и получавших вдохновение от самого Старца, благодаря которому они прославились. Однажды он рассказывал, как старый р.Иерухам, будучи тогда великим хазаном Бердичева, побывал в Звягеле и произносил в сильном экстазе молитву «Ле-ани ки яатоф»¹ в Тальновской молельне. Внезапно он охрип, и, потеряв голос, разразился плачем. Вслед за ним разрыдалась вся община. Такая сердечная атмосфера господствовала тогда в нашей Тальновской молельне.

Напевы были слышны не только у тальновских, но также у турийских хасидов. Особой славой пользовались мелодии «Йа ахсуф» и «Йа рибон алам»* в исполнении карлин-столинских хасидов. В этих напевах было иного рода переживание: из душевного страха оно превращалось в стон. Когда я был ребёнком, папа часто брал меня на застолья, устраиваемые цадиками из Турийска и Столина. До сих пор ещё пульсируют в глубинах моей души отзвуки напевов, волновавших сердце во время этих вечеринок и ободрявших дух все остальные дни.

Из пожилых тальновских хасидов, которые произвели на меня в детстве сильное впечатление, стоит отметить даена р.Алтера, большого знатока Торы, обладавшего возвышенными качествами и уважаемого всеми. Следует упомянуть также р.Аврума-Бэра, потомка цадигов, произносившего мусэф* в йомим нойроим* и очаровывавшего всех нас своим хасидским воодушевлением. Оба они были из старых хасидов р.Дувидла и пользовались любовью в общине.

Во то время у нас был видный раввин р.Мойше-Шмуль, большой знаток Торы и автор нескольких книг, имевший тесные связи с выдающимися раввинами и обладавший большим влиянием в городе. Был также раввин р.Симха Купчик – автор нескольких книг, которого среди раввинов называли «Звягельским раввином». Оба были у нас первыми деятелями «Ховевей Цион». Рэб Симха Купчик был связан с раввинами р.Шлоймэ Клугером* из Брод и р.Шмулем Могилёвером*, боролся за использование этрогов* из Эрец-Исраэль вместо этрогов из Корфу.

Фейерберг и его компания

Хасидский дух нашёл наиболее сильное выражение в выросшем в нашем городе молодом писателе М.-З.Фейерберге, который своим появлением наложил духовный отпечаток на сплотившуюся вокруг него группу молодёжи и внёс перемены в ивритскую литературу. Только из этих истоков одухотворённости мог вырасти такой утончённый и остроумный писатель, столь глубоко выразивший свою печаль по поводу «ухода Шехины*» и воспевший струнами своей многогранной души поэзию «теней» и отвагу. Никто до него не воспел в таких хвалебных тонах и с таким пафосом величие мученической смерти. У него старое еврейство, расставшееся со всеми богатствами и удовольствиями, символизировало не образ жизни гонимых и обездоленных, а самопожертвование ради такого образа жизни. От молодёжи он требовал стать отважными солдатами, добровольцами и выполнить священный долг – хранить как духовные стражники еврейской твердыни то, что может обрушиться. Сильный жизненный гимн

1 «Бедному, что слабеет» (древнеевр.)

звучит во всех нежных звуках его напева, и он призывает молодёжь к дерзаниям, смелости и борьбе за сияющую зарю Востока.

Он, который почти не покидал пределы своего местечка, говорил с такой ясностью и уверенностью о недугах Запада, в то время как «молодые» из кругов Бердичевского* и Эренпрайза* жаждали разрушить границы, мечтали о «белокурой бестии», «сверхчеловеке» Ницше и европейском модернизме. Ещё до могучей поэзии З.Шнеура* о «приближающемся средневековье» он говорит: «Европа сейчас больна. Все ощущают как рушится это общество и насколько прогнил её фундамент. Появившиеся недавно малые пророки оказывают лишь кратковременное влияние. Но никакого великого пророка, который дал бы силы обществу двигаться дальше, сейчас нет, и избавление придёт только с Востока.»

В то время как Европа была пьяна от собственного счастья и еврейская молодёжь устремилась туда, чтобы греться в её лучах, он призывает в своей статье о художественной литературе: «Запад – самый большой враг иудаизма ... Еврейский народ должен вернуться на свою родину не ради того, чтобы спастись от кнута и голода, а для того, чтобы заложить там фундамент для нового общества и новой жизни ... Это общество должно вновь стать примером для всего мира, каким было в своё время древнееврейское общество ...». И он выдвигает перед молодёжью ещё до возникновения идеи халуца лозунг: «Идите на Восток как его друзья и преданные сыновья! Вы должны возродить его, а не умертвить». Поразительно, как этот юный мечтательный писатель в возрасте 22-23 лет опередил своё поколение, проник в глубоко тайны и дал такое острое и меткое выражение молодым силам, пробуждавшимся в народе, воспел поэзию возрождения, вытекающую из глубин прошлого, поэзию силы и духовной доблести в Израиле. Нас безмерно удивляют не только его поэтические чувства, глубина и широта знаний, но и сила логики, позволившая ему 60 лет назад предвидеть проблемы, которыми мы занимаемся по сей день и которые остаются нерешёнными. Отзвуки его призыва ещё не умолкли и звучат в наших сердцах. Его маленькая книжка является и ныне книгой эпохи, в которую мы должны углубляться.

Влияние Фейерберга и его компании в городе было очень большим. Они старались пробудить дискуссии со своими противниками и воздействовать на молодёжь. О войне против дерзновенной «секты безбожников» слагались легенды. Неоднократно их выгоняли из с позором из бес-медрешей, где они хранили втайне книги Гаскалы и вели агитацию, а книги сжигали. Эта война угнетала, но не ослабляла их мужество. Однако она обострила болезнь юного Фейерберга, не отличавшегося богатырским здоровьем, и ускорила его смерть во цвете лет. Я помню до сих пор рассказ, который произвёл на меня в детстве сильное впечатление, о его похоронах в ненастный вечер. В них принимали участие массы молодёжи и интеллигенции. Это была первая бурная манифестация в городе, предвестник будущих массовых манифестаций.

Невидимые нити соединяли эту компанию в последние годы жизни Фейерберга с литературным центром в Одессе, в особенности с Ахад-Гаамом*, который относился к ним как отец и покровитель. Во главе компании были Ш.-Ц.Зецер, Я.-Й.Вол, А.Ческис, Эзра Брахман, Ш.Финкель и молодые тогда А.Арбетман, З.Беруль, Ицхак Бибер и Йегоше Эйдельман.

Вскоре после смерти Фейерберга усилилось сионистское и просветительское движение. В Минске состоялся II всероссийский съезд¹, в работе которого приняли участие некоторые из упомянутых выше членов компании. В этот период «просвещённые» создали в нашем городе библиотеку с красивым читальным залом. Во

1 Имеется в виду II всероссийский сионистский съезд 1902 г.

главе её стоял р.Шимшон Финкель – немолодой уже интеллигент, благородный и влиятельный человек, представитель «Мфицей Гаскала»*. Библиотека была своего рода клубом, в котором собирались группы различных направлений, боровшиеся за своё влияние. Их ежегодные собрания были бурными и зачастую продолжались несколько вечеров. В конце концов, власть захватила группа сионистов. В то время Я.-Й.Волом и группой сионистских активистов А.Арбетманом, Йосифом Гилбергом и другими была создана первая усовершенствованная еврейская школа, в которой обучение велось на иврите. Открытие школы вызвало острую реакцию ортодоксальных кругов, что, в свою очередь, стало причиной начавшейся борьбы за местную талмуд-тору*, которая находилась в руках религиозных фанатиков без какого бы то ни было педагогического надзора.

Эта компания привезла тогда в Звягель знаменитого педагога доктора Н.Турова*, который занимал тогда официальный пост руководителя «Мфицей Гаскала» и проверял школы этого общества. Д-р Туров пользовался известностью выдающегося воспитателя в Эрец-Исраэль, работал учителем в школе для девочек в Яффе и был один из редакторов «Га-Хинух»*. Появление этой элегантной личности произвело в городе большой фурор. Памятны мне ещё дружеские собрания, организованные тогда в различных общественных кругах, и его появление на открытом собрании в библиотеке, на котором он делал доклад о состоянии культуры и целях воспитания, а также передал впечатления о появляющихся ростках новой жизни в Эрец-Исраэль.

В то время город часто посещали сионистские народные «проповедники», очаровывавшие своих слушателей. В детстве сильное впечатление на меня произвёл один из них (к сожалению, не помню его имени), выступавший несколько часов подряд в Большом бес-медреше и Чернобыльской синагоге. Огромные толпы приходили послушать витиеватые речи проповедников, сопровождавшиеся напевами. Эти речи и напевы, вызывавшие большое воодушевление, любовь к языку иврит и Эрец-Исраэль, затем распространялись устами ремесленников.

Первая русская революция

Брожение в обществе усилилось после начала революции в конце русско-японской войны. В город стал проникать «Бунд»* и эсеры. В начале 1904 г. во время взрыва газового баллона погиб рабочий на заводе зельтерской воды. Этот случай всколыхнул многих рабочих, сплотившихся вокруг «Бунда». Это была первая бурная демонстрация в городе. Во время хода многолюдной процессии и потом возле кладбища пели революционные песни, но демонстрация прошла спокойно, без помех со стороны полиции, которая была ошеломлена её размахом и пока не знала, как реагировать. Тогда начали создаваться политические «биржи», которые влекли к себе молодёжь и массы рабочих. С усилением социалистического брожения в рабочей массе, во избежание преследования полиции, подпольные круги из-за отсутствия подходящего места стали назначать массовые собрания в центре города под видом прогулки. Биржи нескольких партий находились раньше на аллеях городского сада, но затем приняли решение бундовскую биржу устраивать в начале Житомирской улицы, возле городской библиотеки, а эсеровскую – на Гутинской, возле Чернобыльской синагоги. В сионистских кругах ещё не было молодёжи, а из старых деятелей лишь некоторые отваживались встречаться с оппонентами на биржах и участвовать в дискуссиях. Одним из них был остроумный и сильный духом, преданный товарищ Айзик Арбетман. У него была маленькая бумажная мастерская, в которой он в одиночестве тяжело трудился, чтобы заработать на пропитание своей большой семье. Будучи эрудитом в области античной и

новой еврейской литературы и жажда обнажить свой дух, Арбетман покидал свою мастерскую на целые вечера, а иногда даже в полдень. Его чёрная борода и лоб мудреца выделялись среди молодёжи, с которой он вступал в жаркие дискуссии и часто побеждал своей остроумной речью. В его мастерской собирались мы – третья, молодая смена сионистов нашего города – и продолжали бурную дискуссию, начатую ещё на бирже. В этих дискуссиях участвовал ещё один из друзей Фейерберга, Зельман Беруль, который был помоложе Арбетмана, но участвовал в острых дискуссиях.

«Бунд» в нашем городе состоял, в основном, из рабочих и подмастерьев мелких мастерских. Сперва «Бунд» начал проникать в близлежащие местечки Каменный Брод, Полонное и Городницу, где на больших фарфоровых заводах Зусмана работало несколько сотен рабочих, в большинстве – евреи. Во время первой русской революции он проник и в наш город. Во главе его стояли брат и сестра Йосиф и Лея Ческис, Пинхас Кац, Ицхок Гольдман, Менаше Сегал, Аврумчик, Аншель и его сестра – рабочие мастерских гнутых стульев. Особенно активными были агитаторы Йегоше Эйдельман, Эзра Брахман и Ицхок Шлаен. Часто приезжали также агитаторы из больших городов, которые вели работу, главным образом, на вышеупомянутых заводах. Среди них был Мойше Ольгин* (Новомейский), который жил тогда в близлежащем местечке Рогачёве, недавно сбросил с себя сионистское прошлое большого приверженца иврита и перешёл в «Бунд». К ним затем присоединился доктор Торговец, в прошлом верный сионист. Это был особый тип народного врача, отличавшийся своей щедростью и преданностью рабочим массам. Его дом был всегда открыт для любого обездоленного, и он пользовался всенародной любовью. Доктор Островский по своей склонности был, главным образом, общим социал-демократом и последовательным ассимилятором, но энергично предавался разнообразной общественной деятельности.

Эсеры в нашем городе были более интеллектуальными и популярными, а по своим взглядам самыми близкими нам, молодых сионистам. Из руководителей эсеров особенной популярностью пользовался Бузя Ческис. Он был всесторонне образованным и привлекал к себе щедростью, сильным воодушевлением и бодростью духа. Вторым в этой группе был Нусе Каплан из интеллигентной состоятельной семьи. Его отец, очень набожный еврей, был отрешён от мирских дел, проводил много времени среди чернобыльских хасидов и занимался тайным подаванием, а мать была образованной, неверующей, говорила, главным образом, по-русски, щеголяла одеждой и внешней обходительностью. Из-за аристократических замашек, раздражавших всех, её прозвали Шпринце-«дамой». Их дом в центре города, окружённый большим садом, служил местом встречи молодёжи – друзей её детей и внуков. Многие из них учились в высших учебных заведениях – Киевском университете, Харьковском политехникуме – и приезжали домой на каникулы. Старший сын Нусе, учившийся в то время в Киеве, был одним из первых организаторов эсеров.

«Бунд» проводил активную работу среди рабочих, поднимал у них чувство собственного достоинства, поднимал на борьбу за улучшение своего положения против работодателя, который тоже тяжело трудился за собственный кусок хлеба. Под его руководством проходило множество больших и малых забастовок. Хотя успех не всегда был значительным, положение рабочих благодаря деятельности «Бунда» намного улучшилось. Его влияние возрастало вместе с революционным порывом, пробудившим всех. В многочисленных митингах, проходивших в синагогах, участвовали вожди «Бунда». Не все собрания заканчивались благополучно. Так, большой митинг, состоявшийся в полдень одного из будних дней в бес-медреше, в период знаменитой октябрьской стачки 1905 г., закончился налётом полиции. Участники митинга выпрыгивали через окна и спасались бегством от обрушившихся на них полицейских дубинок и кнутов. Но

подобные случаи закаляли их боевой дух. После победы и дарования конституции в октябре вновь проводился торжественный митинг в Большой синагоге с участием Ольгина и других, громко приветствовавших победу и «зарю, сияющую над нами». Митинг завершился пением революционных песен. В те дни влияние «Бунда» на массы усилилось, а влияние идей сионизма как будто ослабло.

Но мнимая победа революции обернулась волнами контрреволюции и ужасными погромами. В апреле 1905 г. в близлежащем Житомире был устроен большой погром, который длился три дня. В нём также принимали участие полицейские, сменившие мундиры на время погрома, было около 20 убитых и более 100 раненых. Во время погрома в соседнем местечке Троянове также были убиты 15 юношей из Чуднова, спешивших на помощь житомирской самообороне. Волна погромов продолжалась в сотнях еврейских городов и местечек, и большим было разочарование от победы революции. Несколько счастливых мгновений революционного сияния быстро погасло и сменилось чувством раскаяния за напрасную радость. Влияние революционеров в городе упало, и снова начал собираться круг сионистской молодёжи. Но об этом будет сказано ниже.

Ешива «Ор Тора»

В 5661 гг. (1901-02) в Звягель перевели ешиву «Ор Тора», которая была основана ещё в 5657 г. (1897) в местечке Бережнице. В нашем городе она развилась, стала центральной ешивой на всей Волыни, и сюда потянулись ученики даже из далёкой Литвы и Белоруссии. Бывали годы, когда в ней обучалось около 400 учеников. Глава ешивы и её основатель р.Йоэль Сорин, известный своим прозвищем «Даровитый из Полтавы», был выдающейся личностью. На Волыни он провёл около 30 лет (5656-5686 гг.¹), в том числе с 5661 по 5680 г. (1901-1920) в нашем городе. В первое время сильно страдал, поскольку хасиды не любили литовских миснагидов*, щеголявших, как им казалось, своей учёностью. Но со временем ешива пришлась хасидам по вкусу. Оценив его необыкновенные качества, они помогали содержать её, хотя этой поддержки едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Дом р.Йоэля был всегда открыт для любого ешиботника*, проявившего себя в учёбе или отличавшегося добрыми нравами. За его стол постоянно садились человек 30-40, евреев вместе с хозяевами скромную трапезу.

Сначала ешива находилась в квартале Нидер, где жили бедный трудовой люд, любивший ешиботников, затем переехала на Гутинскую улицу, по соседству с моими родителями, а через несколько лет — в собственный дом по Корецкой улице. Во время учёбы я постиг возвышенный дух главы ешивы, его благородство, отеческую заботу о своих учениках, радость их успехам в учёбе. Помню до сих пор «ночные вахты», которые мы устраивали каждую неделю при участии примерно 25 самых прилежных ешиботников. Глубоко за полночь появлялся «Даровитый» со своей хромающей походкой, подходил к одному из учеников и обсуждал с ним какую-то талмудическую проблему. Затем он останавливался посреди большого, окутанного парящими тенями и окружённого мраком зала, прислушиваясь к печальным напевам Геморы*. Лицо его при этом наливалось внутренней радостью. Так же незаметно он исчезал. Глубокое сумрачное настроение тех ночей и проведённое в ешиве время оставили глубокий отпечаток в наших сердцах. Ему удалось проникнуть в тайники наших душ и овладеть ими. Он был уверен, что его преданные ученики останутся хорошими евреями и выдержат все испытания, которые поставит перед ними последующая жизнь, даже если, в силу обстоятельств, окажутся в ином мире. И он был прав.

1 1896/95-1926/25 гг.

Не знаю, откуда ему стало известно, что я увлёкся светскими книгами. Он завёл со мной беседу о всеобщей литературе и показал мне часть своей богатой лирической души: стихи, которые сам написал, и широкий взгляд на национальное возрождение и повседневные проблемы, обсуждавшиеся тогда т.н. «молодыми», обществом Бердичевского-Эренпрайза, в ивритской литературе. Рэб Йоэль рассказал мне, что ещё в Воложине был близок к узкому кругу раввина Кука* блаженной памяти, вместе с которым учился в ешиве и издавал там листовки о «Хибат Цион»*. Он очень ценил личность раввина Кука и стремился узнать побольше о его деятельности в Эрец-Исраэль. «Даровитый» обладал богатой эмоциональной душой и глубокими мыслями, совершал много поездок в интересах ешивы, был вхож в дом раввина Мазе* в Москве и раввина Айзенштадта* в Петрограде и всесторонне осведомлён в повседневных жизненных проблемах. Но вместе с тем его, набожного еврея, огорчала растущая повсюду распущенность, с которой он вёл борьбу. Нередко ему удавалось своей душевной речью переубедить людей и вернуть их к добру. Его внезапные выступления на трибуне во время общественных кризисов производили сильное впечатление и оказывали положительное воздействие. Он имел большой авторитет, особенно среди учеников, увлеченных его мыслями и кипучей душой. Много пережив на своём веку, я до сих пор связан множеством духовных нитей с этой личностью.

Из Звягельской ешивы вышли известные учёные-талмудисты, раввины, общественные деятели и писатели. Некоторые из них впоследствии стали известными сионистскими и революционными деятелями. Среди них был также основатель кибуца* Дегании, первой идейной коммуны в Израиле, Йосиф Бусел*, который учился некоторое время в ешиве и был очарован величием «Даровитого». Его вспоминал он с благоговением, находясь уже в Израиле. Ешива являлась прекрасным дополнением к господствовавшему в городе хасидскому быту. Голос Торы пробивался из жилищ, синагог и бес-медрешей даже после того, как город захлестнули революционные волны, и совсем умолк только в результате советского переворота, разрушившего основу нашей жизни в этой стране.

Состояние экономики и общественные учреждения

Евреи были главными застройщиками города, и именно они, благодаря своей энергии и инициативе, развивали разветвлённую торговлю и промышленность во всём уезде. Важнейшим фактором развития служило удобное географическое положение на главном шоссе Киев – Брест-Литовск, пересекающим город. Звягель являлся естественным центром для расположенных вокруг него местечек и сёл. Довольно значительное число евреев было занято на кожевенных заводах, сосредоточенных в особом предместье за городом. Было также много мастерских по пошиву одежды, шапочных, обувных и мебельных, которые удовлетворяли потребности горожан и округи. Особый квартал Нидер, возле реки Случь, населял простой народ, обрабатывавший металл (кузнецы, жестянщики); было также много рабочих-строителей разных специальностей. Внешний вид горожан свидетельствовал о том, что большинство их занималось тяжёлым физическим трудом. В городе были также банки, большие потребительские магазины по торговле зерном и мануфактурой, кожей и мехом, которые торговцы отправляли в промышленные центры России и Германии. В конце первой мировой войны была проложена железнодорожная линия Коростень-Шепетовка, соединившая Полесскую линию с Юго-Западной. Эта линия вызвала после войны большой хозяйственный подъём, но также привела к сосредоточению петлюровских войск и различных банд убийц,

принесших городу большие бедствия. При этом происходили схватки с Красной Армией вплоть до окончательного его включения в состав Советского Союза в качестве пограничного города.

До первой мировой войны в городе было основано несколько благотворительных учреждений: хорошо обустроенная еврейская больница, общество «Линас га-цедек»*, большая ешива и талмуд-тора, синагога для гостей и общественная баня. Все эти здания были построены различными филантропами и общиной. Учреждениями руководили общественные деятели и добровольцы-габаи*, с преданностью исполнявшие свои обязанности. Кроме того, был также большой банк взаимного кредита и ссудо-сберегательная касса, удовлетворявшие нужды купцов, лавочников и ремесленников. Благодаря банковским кредитам расширялась торговля, велась застройка города. Ранее мы уже рассказывали об общественной войне за талмуд-тору и библиотеку. Деятельность банков также вызвала сильное брожение. На всеобщих ежегодных собраниях, на которых избиралось правление, велась ожесточённая борьба между разными общественными кругами.

Выборы казённого раввина

Большое волнение в обществе вызвали выборы местного казённого раввина. До сих пор казённым раввином был г-н Я.Фридман, окончивший Житомирское раввинское училище, человек очень скромный и приятный в обращении со всеми. С приближением выборов инициативу проявила богачка Хая-Сура Розеншайн, вынашивавшая планы завоевать пост раввина для своего молодого зятя г-на Мойше Офенгендена, не отличавшегося высокой нравственностью. Город разделился на два лагеря. Особенно гудело простонародье, ремесленники и мелкие торговцы, делавшие покупки у богачки. Устраивались трапезы и массовые вечеринки для людей разных профессий, соперничающие лагеря распространяли злые остроты и песенки, было весело. Несмотря на расточительство богачки, борьба закончилась поражением её кандидата, и раввином остался старый Фридман. После того как IV Сионистский конгресс выдвинул лозунг – завоёвывать общины, в сионистском кругу возникло желание найти подходящего сионистского деятеля, который поселился бы в нашем городе и исполнял обязанности казённого раввина. Обратились в сионистский центр в Вильне и к нескольким уважаемым общественным деятелям, таким как М.Шейнкин* и доктор Б.Мусензон*, которые совершали тогда поездки по Центральной России, но те не захотели поселяться у нас. Поиски продолжались, но не дали реальных результатов.

Спор хазанов

Немного позже произошёл серьёзный спор хазанов, увлёкший большие массы людей и продолжавшийся несколько лет. По одну сторону стоял хазан Большой синагоги г-н И.Богомольник, который не разбирался в старом стиле напева молитв, зато имел хороший голос и красивую наружность. По другую сторону стоял приезжий хазан г-н Шапиро, который не был одарён высоким голосом, но выделялся знанием Торы и самобытных религиозных напевов. Его прекрасный хор пел версии молитв знаменитых хазанов Нисана Белзера, Иерухама Малого, Зейделя Ровнера*, а также Левандовского* и Разумного*. В его хоре было несколько юношей, выделявшихся своими голосами и красивым пением. Я помню до сих пор, как большие толпы людей устремлялись в синагоги, где он молился. Субботние мелодии, которые пел его хор, согревали сердца слушателей, тосковавших по еврейскому народному пению. Вскоре их напевали в мастерских, домах: весь город был

наполнен его мелодиями. Спор между двумя противоборствующими сторонами усиливался, порой доходило до драк. В конце концов, всё это надоело хазану Шапиро, которого пригласили в другой город, и в Большой синагоге остался г-н Богомольник.

Молодой сионистский круг

После поражения революции и последовавшей за ней волны погромов в России воцарилась реакция. Прекратилась публикация ежедневной ивритской прессы, уважаемого журнала «Га-Шилоах»*, и только избранные получали ещё издававшиеся Бренером* в Лондоне тонкие брошюры «Га-Меорэр»*, которые своими громкими причитаниями увлекали одиночек, но не могли развить творческую силу и заполнить образовавшуюся пустоту.

Немногие старые общественные деятели, словно потеряв дар речи, вернулись к своим личным делам. А молодёжь погналась за карьерой, увлеклась свободной любовью в стиле арцибашевского Санина и декадентством, господствовавшим тогда в русской, а также еврейской литературе на идиш. Наступила пора, лишённая какого бы то ни было творческого вдохновения, и казалось, что совсем угас факел, зажжённый писателем Фейербергом и его компанией.

Однако в те дни вновь собрался узкий круг молодёжи, которая не могла мириться с господствовавшим вокруг безмолвием и искала выход из ядовитой атмосферы, воцарившейся в России перед известным процессом Бейлиса. Эти юноши стремились установить связь с «Га-поэль га-цаир»* в Эрец-Исраэль, создавали молодёжные группы по изучению еврейской истории и ивритской литературы, её распространению в более широких кругах. Они стали часто появляться на открытых собраниях в синагогах. Одним из руководителей этого круга был Шмуль Шлаен, который учился тогда в Одесском техническом училище. Время от времени он приезжал домой на каникулы и сообщал нам вести о происходящем в еврейских кругах Одессы. В этом кругу также принимал участие верный товарищ Йегоше Хижин, по специальности часовщик, который был старше нас, но молод духом, всегда готовый выполнить любую организационную работу. Он, к несчастью, остался в Звягеле и исчез вместе со своей семьёй. Остальными членами группы были Шмуль Ингал, который затем переехал в США, и автор этих строк (тогда Маляр). Вокруг нас сплотилась молодая сионистская общественность. В ней выделялось несколько духовно одарённых юношей, оказывавших помощь в нашей работе.

Первая организованная дружеская группа «Цеирей Цион».
Азриэль Ури, Шмуль Шлаен, Йегоше Хижин, Шмуль Ингал

В конце 5671 г. (1911) наш друг Шлаен первым репатриировался в Эрец-Исраэль, и с его отъездом у нас усилилось желание последовать за ним. Но мы пока не прекращали пропагандистскую работу. После приезда в Эрец-Исраэль Шлаен вступил в земледельческую коммуну Дегания, которая делала тогда первые шаги, затем переехал в Яффу и стал сотрудником газеты «Га-Поэль га-цаир». Летом 5574 г.¹ он ещё успел приехать на короткое время домой в связи с репатриации его семьи и сразу возвратился в Эрец-Исраэль.

Сионистская деятельность сосредоточилась вокруг школы и общественной библиотеки, сбора денег для Еврейского Национального Фонда*, распространения «шекелей»* в качестве акций Еврейского Колониального банка* и ивритской литературы, особенно газеты «Га-Поэль га-цаир», чьё влияние на нас возрастало.

Весной 5671 г. (1912) сионистский центр в Вильно созвал в местечке Полонном Волынскую окружную нелегальную конференцию. Конференция проходила в пригороде, недалеко от железнодорожной станции, в скрытом густым садом доме общественного деятеля Дувиды Гринфельда, который не был под подозрением у полиции. Сам хозяин был благонаправленным евреем в возрасте, с широкой общей и еврейской эрудицией. В работе конференции принимали участие представитель центра литератор А.-М.Борохов и множество делегатов, главным образом, из молодёжных кругов. Среди них выделялся делегат от Кременца Ландсберг, учившийся тогда в Берне, который очаровал всех бодростью духа, проникательным умом и красноречием. Он стал затем центральной фигурой в Кременце. Конференция началась под вечер и продолжалась всю ночь. На рассвете все сфотографировались и разошлись. Покров секретности, окутывавший нелегальную конференцию, очаровывал её участников и закалил дух молодёжи. Но вскоре полиция узнала о созыве конференции, начала поиски её участников и добралась до центрального комитета в Вильно, действовавшего тогда полулегально, благодаря влиянию братьев Гольдберг. Однако разоблачение могло свести на нет легальное положение, и поэтому пришлось распоряжение изъять у фотографа, на которого падало подозрение в связях с тайным отделом полицией, негатив фотографии и уничтожить его. С большим трудом удалось выполнить это поручение, но оказалось, что имена некоторых участников конференции уже известны полиции. В их домах полиция провела тщательный обыск и несколько человек арестовала. Если мне не изменяет память, в близлежащем местечке Шепетовке состоялся судебный процесс над арестованными. Но центру удалось затем добиться их освобождения, поскольку вина подсудимых не была доказана. С тех пор полиция вела усиленную слежку за сионистскими активистами в городе и уезде. Нам пришлось уйти в подполье и воздержаться от открытых выступлений. В 5672 г. (1912) мы участвовали в выборах на XI сионистский конгресс и избрали в качестве делегата товарища Цви Йегуду из «Га-поэль га-цаир». Вскоре после конгресса он приехал к нам в гости. Его появление в восточном халате возбудило подозрение у полиции, знавшей всех горожан. Мы созвали тогда тайное собрание в одном частном доме на Нидере, куда вели извилистые тропинки, установили пароль и расставили в определённых местах молодых товарищей-постовых для охраны собравшихся. Собрание прошло спокойно, и на следующий день Цви Йегуда уехал из города. Вскоре после его отъезда полиция провела расследование и арестовала нескольких товарищей, но из-за отсутствия состава преступления их через несколько дней отпустили.

Февральская революция

1 1914 г.

С началом революции Керенского весной 1917 г. в городе начал ощущаться совершенно новый дух. Группа видных сионистских деятелей, прибывших для строительства железнодорожной линии Гришино-Ровно и вокзала, пробудила в нашем городе общественное движение. Подрядчиком строительства был г-н Элиезер Мелуф из известной семьи в Вильно, из которой произошли одарённые сионистские и социалистические деятели. В конторе Э.Мелуфа работали несколько сионистов, среди них поэт Йегуда Карни*. В наш город тогда же попал также г-н Пинес из Минска – преданный и кипучий сионист. Благодаря их работе, у многих, стоявших до сих пор в стороне от сионистской идеи, пробудился к ней определённый интерес и возникло желание работать среди еврейского народа.

Вскоре после Всероссийского сионистского съезда в Петрограде в весеннюю пору русской революции обнаружилось, что источники, находившиеся до сих пор в подполье. Новые силы, размеры которых в годы мрачной реакции мы даже не предвидели, пробудились и увлекли народную Волю и наш город, где сионистская мысль имела глубокие корни. Вновь появились молодёжные кружки «Цеирей Цион»*. Были организованы вечерние курсы для рабочих и молодёжи, состоялись народные собрания в синагогах с участием наших товарищей и г-на Пинеса, велась борьба за изучение иврита и за ивритское образование. Вновь была создана усовершенствованная школа, в которой все уроки велись на иврите, и сионисты энергично взялись за её устройство. Тогда же вёлся спор вокруг выборов комитета демократической общины, делегатов на общеврейский съезд освобождённой России и затем на Всероссийское Учредительное Собрание, разгромленное вскоре большевиками.

Учащиеся вечерних курсов иврита

В этот период следует отметить три собрания, оставившие после себя большое впечатление.

а) **Уездная сионистская конференция**, состоявшаяся в Звягеле 20-22 хешвана* 5678 г.¹ В её организации участвовали наша молодёжная группа, сотрудники конторы Мелуфа, а также уполномоченный центра М.Гиндес*, который был тогда членом Сионистской студенческой корпорации. Делегаты из всех уголков уезда представляли два направления: рабочее народное и крайнее левое с идишистским уклоном. Конференция продолжалась

1 5-7 ноября 1917 г.

два дня и приняла политические и организационные резолюции. В ней также принимали участие Э.Мелуф, А.-Л.Пинес, поэты Й.Карни и Ицхак Ламдан*, который служил тогда в армии солдатом и входил в «Цеирей Цион».

Участники уездной конференции

б) Собрание по вопросам подготовки к строительным работам в Эрец-Исраэле.

Вскоре после той конференции г-н Мелуф созвал активистов общественных организаций города и уезда, включая представителей «Бунда» и ассимиляторскую интеллигенцию из кругов петроградской «Фолксгрупэ»*. На встрече принимали участие представитель центра, член редколлегии «Рассвета», адвокат Яков Клебанов, который сообщил о предстоящих строительных работах в Эрец-Исраэль. Всесторонне подготовленный доклад г-на Клебанова открыл новые горизонты предстоящих работ, неизвестные до сих пор участникам собрания, и воодушевил их всех. В оживлённой дискуссии, начавшейся после доклада, удачно проявил себя представитель «Цеирей Цион». Представители «Бунда» и ассимиляторов во главе с Менаше Сегалом пытались ему мешать, но были вынуждены замолчать благодаря поддержке большинства собравшихся и силе духа поэта Й.Карни. Многие тогда признали сионизм первоклассной силой, строящей еврейское будущее.

в) И, наконец, **приезд г-на Элиезера Каплана***, впоследствии министра финансов в первом израильском правительстве. Визит продолжался два дня, и за это время он участвовал в нескольких собраниях различных кругов, а под конец выступил на массовом митинге в Большой синагоге. Огромная масса народа заполнила синагогу и ближайшие улочки. Давка была такой большой, что мы переживали за благополучный исход митинга. Приближались выборы на всеобщую еврейскую конференцию, и в списке «Цеирей Цион» было имя нашего представителя. В предвыборной борьбе особенно бушевали «Бунд» и ассимиляторы из «Фолксгрупэ», которые привезли в наш город адвоката М.Л.Гольдштейна* из Петрограда. Из сионистских деятелей в Звягель тогда приехал одетый в офицерский мундир Юлиус Бруцкус*, тоже из Петрограда. Автор этих строк председательствовал на этом митинге. Каждый раз вспыхивали словесные дуэли, но Каплану удалось обдуманно и вместе с тем решительными словами преодолеть страсти масс и переубедить их. Митинг завершился стихийной манифестацией и громким пением всех собравшихся. Это была последняя еврейская манифестация перед октябрьским переворотом и гражданской войной, вызвавшими большой хаос.

Первый погром в городе, который вспыхнул вскоре после этого, начался в пятницу днём на старом базаре грабежом прилавков и магазинов. Внезапность разразившегося

погромы были большой и вызвала у всех подавленное настроение. Самооборона ещё не была подготовлена, и только одиночки рискнули выйти на улицу и помочь жертвам грабежа. На протяжении всей ночи с пятницы на субботу и на следующий день буянили крестьяне из окрестных сёл и предместий, взламывали и грабили магазины. В субботу утром, когда мы увидели, что с маленькой самообороной не сможем устоять против погромщиков, которых к тому же защищала полиция, мне поручили обратиться за помощью к руководству житомирской самообороны. И вот я, одетый в военную форму, добрался в полдень до Житомира и вступил там в переговоры с руководством местной самообороны, имевшей уже предварительные сведения о погроме. Был сформирован отряд под командованием студента Туркановского. В субботу поздно вечером отряд въехал в город на двух грузовиках, проехал несколько улиц со стрельбой в воздух и нагнал страх на погромщиков, продолжавших грабить. Полиция перестала их охранять, и те разбежались, оставив часть награбленного. В итоге были ограблены и сожжены все прилавки и магазины на Соборной улице, а также частично на Пожарной до синагоги мясников. Но человеческих жертв не было. В самообороне тогда приняли участие Тула Мармер, Михаэль Губин, Пинхас Кац, а также раввин Я.-С. Корф, которые самоотверженно оказывали помощь пострадавшим. После окончания погрома решили заняться организацией самообороны и создали общественный комитет с целью сбора денег для приобретения оружия.

Через некоторое время немцы заняли Волынь, а затем и всю Украину и установили там режим гетмана Скоропадского. На протяжении немецкой гетманской оккупации во всей Украине развивалась разносторонняя общественная деятельность. Были основаны и укреплены экономические и кооперативные учреждения, в которых действовали, главным образом, сионисты. Началась разветвлённая работа «Цеирей Цион», общества «Тарбут»*, которое основало множество культурных заведений, народные и средние школы, вечерние курсы иврита и семинары для учителей. Украина в то время выглядела тихим островком среди бурных волн гражданской войны, бушевавших во всех концах России, когда Красная Армия вела наступление против белых армий Колчака, Корнилова и Деникина.

Но это поверхностное затишье быстро прошло после революционного взрыва в Германии и крушения немецкой власти в Украине. Кроме Белой армии Деникина, в Украине появились вооружённые силы Петлюры. Эти войска были встречены вначале с воодушевлением еврейскими политическими кругами. Но тотчас после прихода к власти разразилась волна погромов и убийств в Проскурове, Фастове и др., и большинство местечек Украины было залито ручьями еврейской крови. За ними последовали местные банды погромщиков, не ведавшие жалости в истреблении старинных еврейских общин. В ходе боёв города и местечки беспрерывно переходили из рук в руки.

В это время по нашему Звягелю прошла целая серия погромов, учинённых бандами Петлюры при активной поддержке местных украинцев и поляков из предместий и окрестных сёл, которые хорошо знали город и его жителей. В июле 1919 г. (10 тамуза* 5679 г.¹) банда «соколовцев»² одержала победу над отрядом Красной Армии, который убежал на другой берег Случи и укрепился там на холмах. Радость победы бандиты отметили резнёй евреев. Не удовлетворившись грабежом, они собрали большое количество мужчин, старых и молодых, на гауптвахте возле православной церкви и повели их по Житомирской улице через мост на казнь. Резня длилась 10 дней.

Большевики, стоявшие на другой стороне Случи, заметили тогда приход новых петлюровских войск. Видя, что евреи, не имевшие другого выбора, устроили им

1 8 июля 1919 г.

2 Участие повстанческого отряда Соколовского в этих событиях сомнительно, поскольку он действовал в районе Радомысла и Коростышева

торжественную встречу, они обстреляли город зажигательными снарядами, которые упали на центральные улицы и сожгли их. Немногие оставшиеся в Звягеле евреи, видя, что весь город полыхает ярким пламенем, побежали по Корецкой дороге в сторону местечка Ярунь. В это время были совершены акты самопожертвования при спасении свитков Торы* в горевшей Чернобыльской синагоге. Подробности об этом рассказаны в этой книге отдельно.

После пожара погромщики совершали ещё более жестокие убийства, выискивая прятавшихся евреев. Во время погромов погибло около 1200 евреев города и ещё 600 в окрестных селениях. В хешване 5680 г. (сентябрь 1919 г.)¹ поляки заняли город, и началась большая эпидемия тифа, уничтожившая около 1000 человек. Умерших погрузили на телеги, чаще всего в маленькие тачки, и хоронили без савана в братских могилах без памятника.

В то время я находился в Киеве, где происходил непрерывный погром, устроенный бандами Деникина. Вернулся в Звягель я с разбитым сердцем в конце лета 1920 г., когда всё утихло. Город был сожжён, разграблен, с поредевшим еврейским населением и множеством детей-сирот. Настроение у людей было отчаянное. Но ситуация стабилизировалась, и люди постепенно оживали, пытались вновь наладить жизнь.

Вскоре после укрепления польской власти пришла подмога от Варшавского комитета помощи и затем в ещё большем количестве от «Джойнта»*: пищевые продукты, одежда и большие суммы денег. По инициативе местных общественных деятелей и представителей «Джойнта» было основано несколько народных кухонь, четыре сиротских приюта, больница и кооперативные магазины для распределения среди нуждающихся продуктов питания и одежды. Последовавшая срочная помощь действительно спасла жизнь уцелевшим, особенно во время эпидемии тифа, охватившей весь город и уничтожившей сотни жителей, которые валялись в разрушенных домах и на улицах. Умерших, среди которых были опухшие от голода, собирали каждый день десятками, сваливали на тачки, везли голыми на кладбище и хоронили в братских могилах.

В комитете помощи пострадавшим беспрерывно вёлся горячий спор между общественными деятелями старой закваски, которые довольствовались оказанием гуманитарной помощи, и конструктивной группой, отстаивавшей необходимость помочь пострадавшим наладить их профессиональную деятельность.

После возвращения я занялся сиротским приютом, который находился под надзором наших молодых сионистов. У меня возникло сильное желание помочь детям вырваться отсюда и перевезти их в Эрец-Исраэль. А пока нужно было заботиться о повседневных нуждах при отсутствии финансовой поддержки со стороны общественных организаций и городских властей. Однажды мы всё же получили небольшую помощь от городской управы в виде пищевых продуктов, но этого было недостаточно и, главное, не было уверенности в завтрашнем дне. Посовещавшись, мы решили во что бы то ни стало связаться с учреждениями, находившимися по ту сторону границы, и искать выход из города.

В это время велись переговоры между штабами войск Пилсудского и Красной Армией о заключении перемирия, и судьба нашего города, находившегося в пограничной зоне, зависела от результатов этих переговоров. В Звягеле ходили слухи, что город передадут всецело Советам, и граница пройдёт недалеко от него. Пока же не было чёткой границы, и в окрестностях господствовали банды. Решили, чтобы я попробовал прорваться в Ровно, где тогда уже была стабильная власть и работали представители «Джойнта» во главе с Калманом Гамом. До Ровно я добрался благополучно и связался с

1 В действительности, хешван 5679 г. соответствует периоду с 25 октября по 22 ноября 1919 г.

г-ном Гамом. Да будет отмечен здесь этот общественный деятель, занимавший также должность председателя Ровенской общины. Он был популярным евреем и верным сионистом, скромным по характеру и с беспокойной душой, готовый помочь всем, кто к нему обращался. Меня особенно тронуло его поведение во время нашей первой встречи. Хотя мы были тогда незнакомы, он быстро откликнулся на мою просьбу и дал добро на эвакуацию учреждения, не дожидаясь ответа центра «Джойнта» в Варшаве, дабы не упустить возможность. Меня он успокоил и укрепил своими добрыми советами. За полтора дня дело было улажено, и я уехал из Ровно.

Благополучно вернувшись на следующий день в Звягель, я сразу же собрал нашу молодёжную группу и родственников осиротевших детей, рассказал им о своей поездке. В тот же день до нас дошла весть о том, что судьба нашего города определена, и он окажется в советской зоне. Поэтому мы решили немедленно эвакуироваться вместе с детьми.

Сложившаяся ситуация заставила нас действовать с удвоенной энергией. Мы договорились с местными крестьянами, что те на своих подводах перевезут нас тайно через границу. За день до нашего отъезда польские войска ушли из Звягеля. Как только стемнело, мы спешно покинули город. Детей (около 60) посадили на повозки, заполненные старой одеждой и другими пожитками, которые не могли оставлять, зная, что не так скоро достанем. А вся наша компания (около 20 товарищей) шла пешком рядом с повозками. Некоторое время нас сопровождали плачущие родственники. Шёл дождь, который после нашего исхода усилился. Через несколько вёрст крестьяне взбунтовались и потребовали увеличить плату. Не имея выбора, мы вынуждены были прибавить им плату, лишь бы добраться до границы. На рассвете добрались до польской заставы. Караул отказывался пропускать нас. Дождь, шедший всю ночь, прекратился, но нас охватила холодная дрожь. Мы переживали за здоровье детей, среди которых были двух- и трёхлетние. Переговоры с поляками продолжались несколько часов, пока они не согласились взять у нас хорошую мзду и открыли проход. Мы прибыли в Корец – первое местечко, в котором власть принадлежала полякам. Здесь тогда не было представителя «Джойнта», и мы много потрудились, пока не получили временное жильё. На помощь нам пришли местные сионистские деятели. Крепким подспорьем для нашего снабжения стала коммунальная артель, организованная сразу же нашими товарищами, которые занимались тяжёлым физическим трудом – кололи дрова, работали грузчиками. Эти заработки дали нам возможность содержать первые недели сиротский приют. Трудовой дух укрепил нас, наполнил радостью. В Корце мы встретились со звягельчанами, перешедшими границу раньше нас. Среди них находился «Даровитый», р.Йозель Сорин, который был очень подавлен от всех пережитых им несчастий. После смерти жены он переходил границу в одиночку, а дети его прибыли лишь на следующий день после нас.

Через несколько дней мы связались с г-ном Гамом, и благодаря его поддержке детей приняли в сиротский приют, основанный «Джойнтом» в Ровно. В Корце мы провели лишь несколько недель, а за несколько дней до Хануки* перевезли детей в Ровно и устроили их в сиротский приют. Праздник мы отмечали вместе с питомцами этого учреждения.

Дети и дирекция звягельского сиротского дома № 2 в Ровно:
Д.Козакиш, Меир Шлаен, А.Островский, д-р Островский, д-р Чернобыльский

Через несколько дней после нашего ухода из Звягеля в город вошли советские войска, и мы потеряли связь с оставшимися там евреями. Вся наша группа переехала в Ровно, чтобы быть ближе к детям. Там было легче найти работу и получить сертификат для репатриации в Эрец-Исраэль. Мы устроились и жили вместе, зарабатывая себе на пропитание физическим трудом.

Согласно обрывочным вестям, дошедшим до нас, ещё в начале нацистского нападения на Советский Союз, в июне 1941 г., когда Волынь захватили нацисты, евреи в массовом порядке пытались бежать в сторону Киева, желая оттуда добраться до далёких просторов России. Однако за Житомиром большинство из них было схвачено и насильно возвращено назад. Их вели колоннами в окрестности Звягеля, убивали, закапывали живьём, издевались над трупами. Дикие звери настигли их в лесах, рвали на куски плоть и разносили останки по осквернённым полям.

Как погибли вы, мученики Звягеля, благородные души и страдальцы?! Как жестоко истребили они красоту ваших разнообразных деяний, проникнутых богатым духом! Да будет свята для нас всех память о вас! **Господь воздаст за вашу кровь!**

* *
*

Здесь также важно отметить нашу дальнейшую работу в различных областях.

Первая халуцианская группа из Звягеля перед репатриацией в Эрец-Исраэль, Ровно, 1920 г.
 Справа налево, нижний ряд: З.Синай (Котляр), Д.Дверис (Бибер), Б.Синай (Барац), Б.Хайман блаженной памяти;
 средний ряд: Э.Бегун (Вайнштейн), А.Ури (Маляр), Сэм Кац – делегат от Звягельского землячества в Детройте, Э.Халфин (Спичка), А.Хазан;
 верхний ряд: А.Дерех, Рахель Маляр (Бронфншум), П.Вигман, Ш.Гольдман, Шифра Гольдман, Ш.Мильруд, Б.Гольдман

В Ровно прибыл тогда посланник Звягельского землячества в Детройте г-н Кац. Он приехал в офицерском мундире и помогал звягельчанам связаться через «Гайас»* со своими родственниками в Америке, оказывал небольшую денежную помощь нуждающимся. Нашей группе не нужна была денежная помощь, но мы были рады этой встрече и его готовности поддержать нас, особенно когда он передал нескольким товарищам привет от живущих в США родственников.

В течение нескольких месяцев мы проживали в Ровно, но разрешения на репатриацию пока не получали. Тогда, после событий в Тель-Хае*, из Эрец-Исраэль приходили всё худшие вести, которые ещё больше усиливали наше влечение к этой стране. Наше терпение иссякло, и мы решили поехать в Варшаву, чтобы усилить давление на Палестинское бюро* и ускорить репатриацию.

Сначала в Варшаву в середине зимы 1921 г. поехало несколько наших товарищей, работавших там, как и прежде, коммуной. Двое из них действовали в Палестинском бюро до тех пор, пока в начале весны не были получены сертификаты. Об этом известили остальных товарищей в Ровно, и через некоторое время те приехали в Варшаву. Мы вступили в переговоры с центром «Джойнта» в Варшаве о репатриации детей-сирот и получили обещание, что при первой возможности их перевезут в Эрец-Исраэль. Дети пока оставались в сиротском приюте в Ровно, поскольку мы не хотели подвергать их риску и забирать из учреждения, в котором они получали всё необходимое и хорошо себя чувствовали.

В начале нисана 5681 г. (апрель 1921 г.) мы уехали из Варшавы. Два дня провели в Вене. Из Триеста на корабле прибыли в Яффу: часть из нас за несколько дней до Пейсах* и часть в канун Пейсах¹. Седер* мы успели отпраздновать в доме репатриантов, который находился тогда около французского монастыря в Яффе. Вскоре после праздника, 1 мая, разразился погром в Яффе, в котором было убито десятков репатриантов (среди них несколько наших корабельных попутчиков) и Й.-Х.Бренер. Наш корабль был последним

1 22 апреля

перед закрытием алии*. Следующий корабль, который вышел вслед за нами, согласно распоряжению наместника Сэмюэля* («стоп-эмигрэйшн»¹), был задержан, и ему не разрешили бросать якорь в Эрец-Исраэль.

Наша компания рассеялась по различным местам. Подавляющее большинство вступило в рабочий батальон, поселившийся на земельном участке возле источника Эн-Харод с отделением в Иерусалиме. Они были среди основателей великого киббуцного* земледелия вскоре после окончания первой мировой войны, а также среди первых рабочих каменоломен Иерусалима на дорожном строительстве. Некоторые поступили в учительскую семинарию в Иерусалиме под руководством Давида Елина* и создавали основу народного образования Израиля. Не было ни одной передовой отрасли, в которой наша компания не принимала бы активного участия.

Когда мы прибыли в Эрец-Исраэль, положение было очень напряжённым. Во всех концах страны вспыхивали погромы. Еврейская община была тогда маленькой и рассредоточенной. После прекращения репатриации настроение было подавленным. Ожидался тяжёлый экономический кризис. Но именно тогда мы осознали огромную разницу между подавленным настроением здесь и обычным страхом перед погромом в изгнании. Здесь все были готовы противодействовать нападавшим, никто не прятался. Все гордо боролись в «Гагане»*, в том числе и наши товарищи. Вскоре они оказались на всех опасных участках.

Через два года после нашей репатриации звягельских детей из Ровно в Эрец-Исраэль привёз старый мечтатель, один из основателей «Билу»* г-н Хенкин, претворивший в жизнь великую идею Исраэля Белкинда*. Их устроили в образцовую школу в Гиват-га-Морэ. Таким образом, «Джойнт» выполнил своё обещание, и сбылась наша вторая мечта. Дети воспитывались в Эрец-Исраэль и уже обзавелись семьями.

1 Прекращение эмиграции (англ.)

В Большой синагоге после её восстановления – Гошана Раба, 5683 г.¹

И в тишине, нависшей над талесами,
Стоял ковчег, сокрытый тенью,
Считая каждый звук молитвы,
Храня память о кровавых истреблениях.

Ш.Шалом

¹ 13 октября 1922 г.

Синагоги. Банки

Синагоги и бес-медрешы Звягеля

30 синагог и бес-медрешей было в Звягеле:

1. Большая синагога
2. Большой бес-медреш
3. Синагога макаровских хасидов (Шил-гас¹)
4. Турийская синагога (Шил-гас)
5. Тальновская синагога (Шил-гас)
6. Столинская синагога (Шил-гас)
7. Чернобыльская синагога (на Гутинской ул.)
8. Олыкская синагога (на Тамаровской ул.)
9. Синагога цадика р.Мордкелэ (Шил-гас)
10. Синагога кузнецов (в Нидере)
11. Синагога мясников (на Пожарной ул.²)
12. Синагога сапожников
13. Синагога портных (обе – в здании Большой синагоги)
14. Синагога ветеранов, или «Скурысвит» (Шил-гас)
15. Синагога по Корецкой ул. (каторжан)³
16. Синагога по Житомирской ул.
17. Синагога возле моста на Житомирской ул. (Сибирская)⁴
18. Синагога в квартале на спуске («Нидер-шил»)
19. Синагога при ешиве (на Корецкой ул.)
20. Синагога при богадельне
21. Синагога кожевников (в квартале кожевников)
22. Молитвенный дом имени раввина Лейба
23. Молитвенный дом раввина Йегоше
24. Синагога талмуд-торы
25. Синагога олыкских хасидов
26. Синагога портных (вторая)
27. Молитвенный дом р.Шлёмкэ
28. Синагога коростышевских хасидов
29. Синагога клезмеров*
30. Молитвенный дом звягельской ешивы

Большая синагога была одним из самых великолепных зданий в нашем городе. Согласно преданию, она была построена в 1740 г., когда город и его окрестности находились под властью поляков и руководители общины после множества ходатайств получили разрешение от князя Радзивилла на сооружение синагоги. В течение нескольких поколений её совершенствовали, даже привозили художников из-за границы для росписи купола и стен. В городе ходила легенда, что художник (нееврей) нарисовал в синагоге

-
- 1 Буквальный перевод с идиш: «Синагогальная улица»; официальное название – Школьная улица.
 - 2 Неофициальное название Троицкой улицы
 - 3 Синагога каторжан находилась на Житомирской улице, возле моста
 - 4 Сибирская синагога была на Корецкой улице

свое изображение, а после окончания работы упал с высокого помоста, на котором стоял, и скончался на месте. В этом видели перст Божий.

Большая синагога и Турийская синагога после пожара в 1919 г.

В Большой синагоге службу проводил городской хазан с большим хором, и со всего города приходили желавшие послушать их напевы. Большую синагогу называли также «ди калтэ шил» («холодная синагога»), поскольку в ней не было печного отопления, и зимой приходилось сокращать продолжительность службы.

В Большом бес-медреше проходили также ночные бдения. Магиды, приезжавшие в город, произносили свои проповеди с бимы* этого бес-медреша. Пост главного хазана в наше время занимал шойхет* и контролёр р.Мойше Лихт. У него был маленький хор, привлекавший большую толпу почитателей.

В Макаровском молитвенном доме собирались хасиды, последователи цадиков р.Шаелэ и р.Мойше-Мордкелэ, приезжавшие в Звягель каждый год и устраивавшие субботние застолья. Среди прихожан были такие видные люди, как р.Шмуль-Дувид Мармер, единственный среди евреев города частный поверенный М.Шопник, р.Йегоше Мармер («Йегоше Готэс»), один из самых праведных хасидов, а также молодые люди, известные общественные деятели Айзик Хазан, Янкель Гринфельд, Сруль Цифанский. Молился здесь также хасидский раввин р.Йоэль Садэ-Лаван, который отличался своей нравственностью и был чтим всеми прихожанами.

В Турийском молитвенном доме собирались пламенные хасиды и знатные домохозяева, например: рэб Леви Бекерман, рэб Вольф Бибер (шойхет и контролёр), р.Ицхок Файгенгольц, рэб Йегоше-Пинхас Зильберман и Бенцион Гофман, особенно выделявшийся своей добросердечностью и праведностью.

В Тальновском молитвенном доме были эрудиты и глубоко набожные. В этой молельне учёба не прекращалась ни днём, ни ночью, включая ночные бдения. Следует отметить р.Аарона Ческиса, р.Ушера-Эли Шлаена, р.Дувид Мижирецкого, р.Менахема Бараша, шойхетов и контролёров Пинхаса Маляра (Пини Аврумкес) и Пини Лейбишес, а также Ицхока Липенгольца, Пейсаха Кутмана и др.

В Столинском молитвенном доме молились с особым воодушевлением, в столинском стиле. Молитвы всегда звучали громко и были слышны издали. Из знатных домохозяев-хасидов сюда приходили р.Пейсах Ханэлэс, Аврум-банщик, р.Нухим Сфард.

Чернобыльский молитвенный дом стоял внутри большого сада. В нём тоже учили Тору после молитв, и днём и ночью. В этой молельне собирались просвещённые деловые люди и ремесленники.

Синагога кузнецов была молитвенным домом ремесленников. Кузнецы и жестянщики

собирались каждый вечер, чтобы послушать выступление престарелого р.Йойны Фельдмана, который был выдающимся учёным и обладал высокой нравственностью.

В синагоге «Скурысвит» (ветеранов) молились труженики, которые вставали рано утром, чтобы помолиться перед уходом на работу: штукатуры, каменщики, грузчики и водовозы.

В молитвенном доме каторжан по ул.Корецкой было много прихожан типа Арье балэ-гуфа*. Происхождение названия мне неизвестно.

Молитвенный дом на спуске («Нидер-шил»), самая старая синагога в городе, была перестроена после того, как рухнули её стены. Здесь тоже молились простолудины.

Банки

В нашем городе было два банка: ссудо-сберегательная касса и банк взаимного кредита.

Первый банк был основан мелкими торговцами и ремесленниками, которым давали ссуды в небольших суммах – до 300 рублей. Он развивался из года в год, и в 1915 г. в нём было 2500 членов. Многие члены этого банка были из среднего сословия: мелкие торговцы, ремесленники и служащие. Большой общественный резонанс вызывали ежегодные общие собрания членов кассы. К этим собраниям велась большая подготовка среди всех слоёв, и каждый стремился захватить на ней бразды правления. Председателем правления несколько лет служил общественный деятель д-р Островский, а после него, когда победу одержали слои простолудинов – д-р А.Гликман. Членами правления тогда были господа д-р А.Глузман, Айзик Хазан, Янкель Гринфельд и Сруль Цифанский. Служащими банка были счетоводы Янкель Фельдман и Йегоше Майзлиш.

Банк взаимного кредита был общим для евреев и христиан. Многие его члены были оптовыми торговцами, лесоторговцами и торговцами зерном, а также помещиками из округи. На протяжении нескольких лет в правлении были провизор Йойна Товбин, Меир Шлаен и Йойна Каценельсон. Единственным евреем-служащим был Ицхок Шихер. Во время советского вторжения обнаружилось, что он был коммунистом со стажем и находился всё время в подполье. Впоследствии он был назначен комиссаром и стал именоваться Латиповым.

Тальновская синагога

А. Быт синагоги и её место в семье

1. Прихожане

Прихожане Тальновской синагоги, «балэбосы»* (как их называли на идиш), различались своим положением и взглядами на жизнь. Несмотря на всё это, они до такой степени были связаны всеми своими душевными нитями с этой синагогой, что даже те, кто жил на городских окраинах, в любой будний день, в любое время года устремлялись туда на утренние и вечерние молитвы. Сама по себе синагога ни внешним видом, ни великолепием не отличалась. Размеры её были невелики, да и вся она представляла собой лишь часть западной половины нижнего этажа Большого бес-медреша. В неё спускались по нескольким ступенькам (очевидно, как символ глубин учения). Не следует также принимать во внимание, что этих людей сближал ребе из Тального, поскольку тот редко приезжал в Звягель и вёл себя очень скромно. Многие прихожане увлеклись «передовой» наукой и были на треть или на четверть неверующими. Мы, будучи в то время детьми, ходили в синагогу и были связаны с её посетителями. Синагога, её прихожане, господствовавшие в ней обычаи не стёрлись из нашей памяти. И сейчас, когда возникло желание принять участие в увековечении памяти о городе и его видных людях, я попытаюсь возвеличить дорогую память о синагоге и её прихожанах.

2. Моя связь с Тальнер клайзл

С Тальнер клайзл я был связан с раннего детства. Помню эту синагогу с тех пор, как повысил свой интеллект в сидуре* и хумеше* и носил их туда утром в субботу. Одну руку немного отягощал хумеш, другую держал отец, а в душе возникало чувство собственного достоинства и большое удовлетворение. Уже тогда синагога являлась неотъемлемой частью бытия.

Я любил бывать здесь в пятницу вечером и в субботу утром, по праздникам и на исходе субботы, в будни и даже 9 Ава*, поскольку и этот день находил своё полное выражение в быте синагоги. Но величие святости было особенно подчёркнуто в йомим нойроим и достигало апогея во время вечерней молитвы «Кол Нидрей»*.

3. Подготовка к Йом-Кипур

Подготовка к вечеру «Кол Нидрей» начиналась ещё накануне. Канун Йом-Кипур* был уже на три четверти праздником. Было принято после утренней молитвы сходить на кладбище и навестить могилы родителей, родственников, цадиков и святых. Дети, проснувшись, встречали возвратившихся домой взрослых и наблюдали за их подготовкой к Судному дню.

Особое внимание привлекало изготовление свечей для Йом-Кипур. Свечи изготавливались из сырого воска, а фитили сплетались из ниток, которыми измеряли могилы цадиков. Приобретали их этим же утром во время посещения кладбища у женщин-праведниц. Мы размягчали воск в кипятке и энергично месили его. Мама со

слезами на глазах, покрасневшихся от плача на кладбище, громко произносила молитву на идиш, предназначенную для изготовления свечей на Йом-Кипур. В заключении она кованым в огне ножом искусно разрезала свечи. Одну из них оставляли дома, а остальные заносили в синагогу.

4. Канун Йом-Кипур в синагоге

Подготовка к Йом-Кипур включала как материальные, так и духовные дела: праздничный обед с выпивкой «лехаим»* (поскольку покушать в канун Йом-Кипур является заповедью) и приготовление к трапезе перед постом. На молитву минха* шли после полудня. Нам, детям, было очень интересно заранее прийти в синагогу, чтобы увидеть собственными глазами необычную подготовку и обычаи этого дня. В проходе синагоги стоял большой стол с тарелками и мисками разной величины, формы и цвета, которые выставили представители благотворительных обществ и общественных учреждений, в том числе и от общества заселения Эрец-Исраэль.

У порога толпились нищие, пользуясь особой щедростью посетителей синагоги в тот час. Особое внимание у нас привлекла миска, в которой лежала записка с печатными буквами, от которых становилось светло на душе: «Для заселения Эрец-Исраэль», а ниже маленькими буквами было написано: «От имени Комитета помощи еврейским земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». Несомненно, это открытое обращение в интересах заселения Эрец-Исраэль было реальным шагом к сионистскому пробуждению среди нас, детей. А поскольку мы, благодаря обычаям и урокам ТаНаХа*, были проникнуты глубокой тоской по Эрец-Исраэль, но не находили для этого живого выражения и не были связаны со страной и её поселенцами, связь эта обнаружилась, как мне кажется, с появлением в синагоге миски для заселения Эрец-Исраэль в канун Йом-Кипур. К нашему удивлению, большинство уважаемых людей, среди которых были самые набожные, почти не обращали внимания на нашу миску. Евреи, к которым мы относились с большим почтением из-за их видного положения в синагоге, с недовольством относились к этому мероприятию. Чувствовалось, что если бы не серьёзность ситуации и строгий запрет ссориться в этот священный день, они бы с позором выгнали юношу, ответственного за сбор пожертвований.

5. Разделяющая трапеза

После молитвы минха следует разделяющая трапеза* с традиционными кушаньями, участники которой в серьёзном настроении готовятся к святому дню. В завершении трапезы мама зажигает свечи. Посреди стола в стеклянном блюде возвышается длинная, жёлтая неугасимая свеча. Мама одета в светлое праздничное платье, голова её укутана большой шёлковой шалью. Она произносит благословение над свечами, читает вслух из молитвенника на идиш особую главу для благословения свечей в канун Йом-Кипур, изливаясь в жалобных мольбах, охваченная массой чувств, громко рыдает, приводя в смущение детей, и затем заканчивает молитву.

6. Церемония «Кол Нидрей»

После всего сказанного понятным становятся особая напряжённость и приподнятое настроение, которое ощущаем все мы, взрослые и дети, собираясь в синагогу, а также огромное впечатление, которое производит наша скромная синагога на всех посетителей в тот вечер. Яркий свет исходит от множества висящих на потолке ламп. На подоконниках и

на омеде* у хазана горят высокие восковые свечи ... Праздничный паройхес* украшает орн-койдеш*. На полу постелено душистое сено. Благоговение вызывают также белые китлэн*, в которые одеты многие молящиеся. Головы их накрыты талесами*.

И вот приближается минута молитвы «Кол Нидрей». Один из почётных членов общины вынимает из орн-койдеш все свитки Торы, обёрнутые в новые мантии и увенчанные серебряными коронами*, и передаёт их уважаемым старцам, выстроенным справа и слева от хазана. Престарелый хазан р.Аврум-Бэр Дувидлс, низкорослый еврей с длинной белой бородой, которая ниспадает аж до пояса, берёт в руки свиток Торы и возвещает певучим голосом: «Ор заруа ле-цадик вэ ле-йешри-лев симха»¹, а община повторяет за ним три раза со страхом. Вдруг воцаряется тишина! Вся община шепчет по махзору* раздел из Зогара*: «Кам раби Шимон ...»². Но вот тишину святости вновь пререзает песнопение хазана: «Аль даат га-маком вэ аль даат га-кагал мотар легитпалэль им га-эворейаним»³. В эту минуту церемония достигает апогея серьёзности, величия и святости. И вся община, как один, начинает с любовью к Господу напевать молитву «Кол Нидрей».

Б. Видные люди и образы

1. Рэб Алтер-даен

Центральной фигурой в синагоге была благородная личность р.Алтера-даена. Его авторитет спланивал прихожан синагоги. Мудрость р.Алтера во всём, что касается духовной жизни синагоги, выражалась всегда спокойно, обдуманно, опиралась на ссылки и принималась всегда без возражений и с любовью. Голос р.Алтера имел большой вес и учитывался также в общегородских делах. Его личности посвящена отдельная глава в этой книге.

2. Рэб Пинхас Лейбишес

Незаменимой по своей важности личностью в Тальнер клайзл был р.Пиня Лейбишес. У нас, молодого поколения, были с ним горькие счёты, о чём я изложу подробно ниже. Сейчас, когда я возвеличиваю его образ много лет спустя, он видится мне по-другому. Если р.Алтер был главной духовной личностью, то р.Пиня был исполнителем, как бы стражем крепостных стен. Ремеслом р.Пини был ритуальный убой скота и птицы и контроль, но мне кажется, что в этом ремесле он не выделялся. Главное своё предназначение он видел, кажется, в исполнении роли взыскательного и ревностного в делах религии главы общины Тальнер клайзл. Рэб Пиня выполнял сам и требовал от других исполнения всех обрядов, связанных с богослужением синагоги, продолжительное время был хазаном и чтецом Торы. Не обладал певучим голосом, но читал верно, в соответствии с вариациями, характерными для суббот и праздников. На нём лежало всё бремя синагоги, в которой он почти всегда служил габаем.

Будучи религиозным фанатиком, он резко выступал против сионизма. В этом новом движении р.Пиня видел вольнодумство и с жаром боролся с ним как только мог. Какие бы то ни было сионистские объявления запрещалось приклеивать к стенам синагоги и входным дверям. Мы, молодые сионисты, умудрялись приклеивать объявления во время зажигания субботних свечей или после него и старались прятать их до наступления

1 «Светом засеян путь праведника, и прямодушным радость»

2 «Встал раби Шимон ...»

3 «С согласия Господа и с согласия общества мы дозволяем молиться с грешниками»

темноты, когда из-за святости субботы или праздника уже нельзя снимать их со стен. Понятно также, что в нашей синагоге не проходили сионистские собрания или нечто подобное, чем мы были весьма огорчены. Сейчас, десятки лет спустя, я уже не рассматриваю р.Пиню как врага. Его противодействие сионизму вытекает из жёсткой приверженности традиции и из боязни обнаружения бреши в устоях иудаизма. Он говорил: «Всё новое отвергает старое. Тот, кто учит русское, забывает еврейское, и мы должны остерегаться этого.» Такие люди тоже вносили вклад в еврейство и охраняли его ценности на протяжении столетий. И р.Пиня был одним из них.

3. Рэб Аврум-Бэр Дувидлс

Хазаном, одарённым певцом Тальнер клайзл был престарелый р.Аврум-Бэр Дувидлс. Я уже упоминал о нём в начале рассказа. Голос его был очень приятным. Будучи знатоком Закона, он умел приспособить мелодию к содержанию молитвы и вызывал восторг у всей общины. Поражает его привязанность к нашей скромной синагоге. Может быть, близкие отношения с династией Тальновского ребе не позволяли ему отказаться служить хазаном для Всевышнего. По сей день, слушая грампластинки молитв знаменитых хазанов, я чувствую в основе их пения те мелодии, которые оглашал р.Аврум-Бэр Дувидлс. О нём мне известно, к сожалению, мало, поскольку он умер, когда я ещё был молодым.

4. Рэб Бэрл-Фроим Идлс

С шамесом* синагоги р.Бэрл-Фроим Идлс у нас были особые отношения, потому что он немало страдал от нашей шаловливости и проделок. Но несмотря на это, мы постоянно чувствовали, что он не таит на нас обиду. Этот скромный человек упорно вёл свой корабль наперекор стихии. Кроме исполнения обязанности шамеса, он был также меламедом*, и я не знаю, какое из этих двух занятий было для него важнее. Я знал его только в роли шамеса и должен отметить обдуманность и осторожность в отношениях с разными по чину людьми. Свою маленькую роль он играл как мудрый дипломат в международных отношениях. В то время р.Бэрл был уже стариком. Смирненно старался он выполнять свои обязанности перед домохозяевами, но вместе с тем умел подчеркнуть, что и его роль имеет немалое значение. Со всеми жил в мире и никого из детей тоже не обижал. Тяжело вести корабль среди скал. Взять, например, начало утренней молитвы в субботу. Час молитвы приближается, и пора начинать. Рэб Пиня Лэйбишес ударяет рукой по стоящему возле него пюпитру и требует начинать. Рэб Бэрл замечает отсутствие нескольких важных прихожан и делает вид, будто не слышит. Держа руки сзади и прислонив их к большой натопленной печке, он отрешённо произносит псалмы. Проходит ещё несколько минут, и другие домохозяева стучат по своим пюпитрам и бормочут: «О-о-й, году», т.е. уже пора начинать молитву «году»*. Рэб Бэрл смотрит по сторонам и убеждается в том, что большинство прихожан требуют. Один из них как будто собирается идти к пюпитру (всегда были такие, кто с удовольствием исполнил бы обязанности хазана, по крайней мере, до молитвы «барху»*). Итак, положение становится опасным. И он со своим большим талесом торопливо направляется к пюпитру, но затем замедляет движения, чтобы потянуть время, вынимает ермолку* и одевает её на голову вместо шапки, стелет талес на плечи и очень медленно облачается в него. И вот скрипит и раскрывается входная дверь. Пришли люди, которых он ждал. Рэб Бэрл оборачивается, смотрит на них, будто извиняясь за то, что посмел до их прихода подойти к молитвенной стойке, и начинает с лёгким сердцем молитву «году». Но и с началом молитвы игра ещё не кончалась. Ни в коем случае нельзя спешить, чтобы другие опоздавшие не пришли

(Боже упаси!) после окончания молитвы или после чтения Торы. Пусть молодые запоздали: они не принимаются во внимание. Но старики и видные домохозяева запоздали по той причине, что живут далеко отсюда, либо им нравится появляться в самом разгаре молитвы. Нужно оставить для них хотя бы отрывок из Торы. И он медленно читает начальную молитву, чтобы дождаться остальных прихожан, создававших трудности рэбу Бэрлу.

Обязанностью его была также забота о случайно оказавшихся в молельне разного рода орхим*, которых устраивали на трапезы у домохозяев. На этом поприще он был тесно связан с р.Пейси Пини Мордкелэс (заметная личность в Тальнер клайзл, о которой я расскажу позже и о которой упоминают другие авторы в этой книге). С ним он советовался, и они совместно вели переговоры с этими людьми, которые не осмелились обратиться к ним напрямую. Как живой стоит перед моими глазами р.Бэрл с белой бородой, бледным лицом и печальными глазами (мне кажется, на его лице никогда не было улыбки). Он готов был всегда служить людям и как будто всегда выполнял обязанности. И действительно, этот человек умирал, выполняя обязанность, став жертвой погромщиков во время чтения псалмов возле трупa р.Пейсах Пини Мордкелэс. Он продолжал выполнять свои обязанности и стоял на страже, словно это было нечто само собой разумеющееся, и, несмотря на опасность и предостережения, выполнил свою миссию, пока не умер мученической смертью.

5. Трое

В небольшой общине Тальнер клайзл выделялись трое мужчин, хорошо известных во всём городе. Эти трое росли, учились и спорили между собой, будучи связанными друг с другом с юных лет. Они учили в бес-медреше Талмуд и отличались эрудицией, начали изучать ТаНаХ с комментариями, всеобщие науки, учили русский и читали апокрифы. Тогда их мечтой было, конечно, освобождение от оков консерватизма и присоединение к «Божественному просвещению». Это было в 70-е годы прошлого столетия. В нашем городе этот период был отмечен как время, предшествовавшее эпохе Фейерберга.

В состав этого трио из Тальновской синагоги входили р.Дувид Нухимс (Мижирицкий), р.Пиня Рухлс (Бараш) и мой отец р.Ушер-Элик (Шлаен). Их застал я уже в среднем возрасте. Хотя у каждого из них была своя жизнь, все они были привязаны к синагоге и связаны между собой, и община ценила их. Когда необходим был совет или окончательное решение, трое выражали своё мнение, и оно во многих случаях принималось во внимание. Они уважали друг друга, несмотря на разные точки зрения.

Рэб Дувид Мижирицкий

Рэб Дувид Нухимс (Мижирицкий) – высокий широкоплечий еврей с благообразной внешностью, длинной густой рыжеватой бородой, красиво одетый. Он всегда серьёзен и как будто занят решением проблем мировой важности. Этот человек знал себе цену. И действительно, у него было много достоинств. Он был образован и, поскольку общее просвещение не изменило его, не покинул свой круг и не совершил «переворот» во всём, что касается собственной жизни. В местных рамках р.Дувид искал и нашёл занятие, которое укрепляло его положение и прибавляло ему уважение как извне, так и изнутри. (Как недоставало в тот период этого признания еврею с его убогой жизнью в пределах российской черты оседлости). Вместе со своим братом р.Аврумом он арендовал стекольный завод в селе Курчице возле Звягеля. Это предприятие, переживавшее упадок, получило развитие у новых арендаторов. Оба брата взялись за дело не только как торговцы. Сначала нужно было изучить и освоить по научным источникам стекольное производство. Эти знания оправдали надежды, и предприятие поднялось и процветало. Понятно, что это получило известность и было оценено владельцем завода и трудившимися на нём рабочими. А через некоторое время, когда после революции завод перешёл в руки рабочих и р.Дувид уехал в Польшу, они выбрали р.Аврума Мижирицкого директором завода, и он находился на этой должности до тех пор, пока не оставил её по собственному желанию. Гордым евреем был р.Дувид, чисто говорил по-русски, читал книги, выписывал еврейские и общие газеты. После основания Колониального банка он получил разрешение приобрести несколько акций. В дни тяжёлых испытаний во время погрома р.Дувид не стоял в стороне и использовал свои связи с людьми власти, чтобы освободить город от погромщиков. Не жалея сил и не избегая опасностей, он умолял и убеждал всеми способами отменить жестокие приказы, и эта миссия ему во многих случаях удавалась. Рэб Дувид был также активистом местного комитета «Джойнта» и вместе с другими боролся за организацию конструктивной помощи.

Рэб Пиня Рухлс (Бараш) торговал мукой и разбогател (в масштабах Звягеля). Он был бездетным, и это угнетало его. Утехой была его знатная жена Басшива Бараш. Она была знатоком старой и новой ивритской литературы, знала русский, много читала и была реальным помощником р.Пини в его разнообразных делах. Его место в синагоге находилось у восточной стены*. Во время общих бесед он был немногословен и как будто опечален, говорил взвешенно. Несмотря на прижимистость, в случае необходимости не

оставался в стороне и давал пожертвования на общественные дела. Община ценила его как знатока Торы и просвещённого. Но конец его был трагическим. После захвата города большевиками над ним издевалась звягельская Евсекция*, а во время погрома в 1919 г. он был убит. Жена ненадолго пережила его и тоже была убита погромщиками, нападшими на её дом. Она успела после большого пожара собрать в своём доме молящихся Тальнер клайзл и выделить для них несколько комнат.

Своего отца, **рэба Ушера-Элика (Шлаена)**, я буду упоминать только в связи с Тальнер клайзл. С детства помню беседы, которые велись возле папиного пюпитра в свободное от молитвы время. Многие толпились возле него для обсуждения дел первостепенной важности, в первую очередь, общегородских. Папа был вроде толкователя, разъясняя людям политические события так, как понимал их сам, и его мнение всегда было притчей во языцех. Те прихожане синагоги, которые не читали газет и чьё общее образование было ограниченным, с жадностью впитывали его слова. Шла ли речь о русско-японской войне и известном манифесте или же о сионистском конгрессе, балканской войне, суде над Бейлисом – все эти события обсуждались в синагоге между молитвами и особенно после молитвы. Серьёзный интерес вызывали городские дела. Особенно сильные дебаты происходили вокруг еврейского банка, учредителем было еврейское ссудо-сберегающее общество. Папа принимал участие в основании этого банка, на что уходило много времени и энергии. Никакая общественная деятельность не привлекала его, кроме работы в этом учреждении, в котором он видел рациональное средство для улучшения положения евреев города. Папа видел в этом банке маленькое еврейское государство, управлять которым, однако, было нелегко. Доход этого нового учреждения был незначительным, а кредит – недостаточным, перегружать его не следовало. Об этом много спорили. Папа, как член правления банка, боролся в нём и внутри своей общины за сохранение и укрепление этого учреждения.

Большой интерес он проявлял к сионизму, у которого было много фанатичных противников. Не участвуя в сионистском движении, папа всё же сдержанно воспринял весть о том, что мой брат Шмуль – один из сионистских вождей города – выступает на сионистских собраниях и намерен репатриироваться в Эрец-Исраэль. Возле папиного пюпитра, стоявшего в юго-восточном углу синагоги, проходили беседы. Двое остальных из вышеупомянутого трио, выходя из синагоги, присоединялись к толпящимся и вступали в разговор, который превращался в искреннюю дружескую беседу. Ибо все трое считались искренними друзьями всех прихожан и были связаны между собой братскими узами.

6. Рэб Пейси-Пиня Мордкелэс

О видной личности р.Пейси упоминалось в этой книге отдельно, но я не удержусь от включения его в свои воспоминания. Добрых дел у р.Пейси было много, и они не были скрыты от людских глаз. Его все ценили по достоинству и любили, особенно за то, что не было нужды обращаться к нему за помощью. Он старался оказывать помощь нуждающимся ещё до того, как те обращались к нему. Я уже упоминал о том, что шамес под руководством р.Пейси устраивал личные приёмы орхим. Но этого ему было мало, и он также приводил в свой дом всех тех, кто оставался лишним после распределения среди прихожан. Рэб Пейси ревностно выполнял заповедь гостеприимства, не обращая внимания на истрёпанную одежду орхим, от которой исходил неприятный запах. Всех их он без всякого сомнения и с большим почётом приводил на трапезу. Большую помощь в благотворительной деятельности оказывала его праведная жена Шейна, которая добросердечно помогала во всех добрых делах. Мне помнится, как несколько прихожан синагоги рассердились на р.Пейси за его содействие раввину Корфу, когда тот задумал

устроить бесплатную столовую для бедных. Рэб Пейси ответил просто, что, несмотря на своё противодействие назначению раввина Корфа без ведома жителей города, не смог устоять от соблазна из-за этой столовой. В этом деле он далеко зашёл и, помимо денежной помощи, в пятницу вечером покидал свой дом и ел вместе с бедняками, говоря, что до сих пор приглашал их к себе в дом, а теперь наносит ответный визит и кушает у них.

Горьким был конец р.Пейси. Он был убит погромщиками-дикарями, когда стоял у дверей своего дома и охранял спрятавшихся в погребе евреев.

7. Рэб Лейзер Цимлс (Штейндель)

Среди прихожан Тальнер клайзл особое место по своему характеру и положению занимает образ р.Лейзера Цимлс. Возможно, он чувствовал себя уверенно из-за своего прочного экономического положения, в отличие от большинства горожан, находившихся в зависимости от неустойчивых торговых дел и случайных заработков. У р.Лейзера был большой двухэтажный каменный дом в центре города, в котором находились великолепные магазины. Служил он частным поверенным в судебных инстанциях для своих клиентов – землевладельцев и зажиточных крестьян округи, но был от них совсем независим. Ведь каменный дом гарантировал ему экономическое благополучие, и р.Лейзер был уверен, что его потомки тоже сколотят себе состояние из доходов от дома. Поэтому он не опасался высказывать публично своё мнение и гордился этим. Неоднократно хвалился он личным уважением и признанием со стороны судей и высокопоставленных чиновников, которые видели в нём не только знатока закона, но и решительного человека, добивающегося справедливости к подзащитным. Несмотря на свою близость городским властям и постоянный контакт с официальными учреждениями, р.Лейзер носил хасидскую одежду и соблюдал обычаи. Правда, его капота* была коротковатой, а из-под редкой бороды выглядывал галстук, завязанный на воротнике белой рубашки.

Поучительным примером консерватизма может служить хорошо запомнившийся мне инцидент, произошедший у него с р.Хаимом Илис (Корыто), хасидом и ветераном синагоги, когда последний вернулся домой в широкой шляпе после длительного пребывания в Киеве. Рэб Лейзер упрекал его при всех прихожанах и назвал «кацапом из Довжика» (известное своими грабителями село в нашем крае). Но и сам он не устоял перед «прогрессом» и, вернувшись после поездки на лечение в Центральную Европу, появился в синагоге в шляпе, которая ему была совсем не к лицу. Вспыльчивый по натуре, р.Лейзер клеймил позором любую несправедливость, с которой только сталкивался. Однако к его горячности относились снисходительно, и врагов он себе не наживал. Независимое экономическое положение р.Лейзера сдерживало его оппонентов.

Особым достоинством обладал р.Лейзер: он знал в синагоге всех детей по имени, засыпал каждого из них вопросами и ловко подшучивал над ними. Лицо его при этом оставалось серьёзным, и только в глазах была заметна проказа. Несмотря на эти шалости, дети питали к нему симпатию и стремились всегда быть на его стороне.

Человек не представляет себе, каким печальным будет его конец и какие разочарования ожидают его. Каменный дом, жизненная опора и источник благосостояния р.Лейзера, был до основания разрушен во время большого пожара. Один из сыновей и шурин умерли от тифа во время эпидемии в 1919 г., сестру убили во время погрома, и это сломило его. Горько разочаровался р.Лейзер в своих христианских согражданах, которые всё время прикидывались перед ним друзьями. Было странно, что эти люди власти, якобы культурные, палец о палец не ударили для спасения города и его жителей-евреев во время погрома. Убегая от погромщиков, он подскользнулся и сломал ногу, слёг в постель и

больше не поднимался. Полный отчаяния и горечи, он, сторонник справедливости и человеколюб, беспокоился о своей судьбе и будущем семьи, прощался с миром.

Корецкая улица после пожара 1919 г. Дом Лейзера Штейнделя

Эпилог

Это была отчаянная попытка отразить на бумаге то, чего больше нет. Знаю и чувствую, что, написав это, не исполнил в достаточной степени своего долга перед прихожанами Тальнер клайзл. Ведь описывая приготовления к Йом-Кипур и церемонию «Кол Нидрей», я проигнорировал Симхас-Тойре* и остальные праздники, в каждом из которых были свои возвышенные церемонии. Например, праздник Швуэс* с зеленью, Гошана Рабба* с ударами гошанот*, танцы с лулавами* и этрогами, ночи слихот* или ночь пения псалмов Швуэс, печальный вечер 9-го Ава. Я согнулся бы под бременем задания, если бы осмелился взяться за него и рассказать обо всех вышеупомянутых традициях. Большее угрызение совести я чувствую по отношению к людям, которые не были упомянуты. Разве не было моей обязанностью упомянуть таких влиятельных людей, как р.Мендель Лейбишес (Бернштейн), р.Ицък-Йегуда Бэрс, р.Мотл Зайвелс (он умер, когда я был ребёнком, но его благородный образ стоит словно живой перед моими глазами), р.Хаим Илис, который был одним из заводил среди веселящихся на обрядовых трапез и танцующих на Симхас-Тойре вместе с моим родственником Зайвелем-Мотл Юкельс (Шлаен), оказавшемся вместе с нами здесь, в Израиле. Или, к примеру, р.Арон-Пиня Мордкелэс (Ческис), р.Менахем Аврумкес (Маляр), который, в отличие от р.Пини Лейбишес, был увлечён сионизмом (оба, конечно, упомянуты в книге). Разве не обязан был я отметить личность р.Менахема-Менделя (Котляра), переплётчика книг по профессии, трубящего в шофар в синагоге, человека, которому книга была близка не только в силу своего ремесла, но и по той причине, что он был знатоком и любителем книги. А разве вправе я пропустить р.Янкеля-Гирша Гершмана, образованного еврея в короткой одежде (о подобных людях «затрагивалось» в новой литературе), учителя по профессии, или его брата р.Шлёмкэ Пейсахс, популярного еврея, чей сын Йосл, а также сын р.Меира-Менделя и я были ровесниками и проводили в синагоге лучшие дни своего детства и юности. Стоит вспомнить также р.Дувида Киршона, которого называли «коген

гадоль»¹ из-за сильного рёва, которым он заглушал голоса остальных когенов* во время «биркат коганим»*. Ведь все эти уважаемые личности, а также другие, не упоминавшиеся здесь, составляли каждый в отдельности важную часть мозаики, которая придавала красоту Тальновской общине и связывала всех её членов духовными нитями.

1 Первосвященник (древнеевр.)

Воспоминания

Прекрасный мой город Звягель хорошо памятен мне своим великолепным видом, окружающими рощами, просторной рекой, зеленеющими холмами и полями. Иногда мне кажется, что я всё ещё брожу по его красивым улицам и вдыхаю благоухание весенних цветов, вижу в своём воображении красивые дома. В памяти моей возникают радостные и печальные эпизоды тех дней. Я знала многих горожан и помню всех, кто занимался ремеслом и торговлей. Город славился своим просветительским духом, проникнутыми добротой дружескими отношениями, чувством юмора, не покидавшим его жителей даже тогда, когда друг друга называли прозвищами в соответствии с внешностью и занятием. Добросердечными были евреи города, большинство из них – верные сионисты. Даже та молодёжь, которая шла по пути своих родителей и служила примером для всех окружающих, тоже участвовала в большинстве своём в сионистском движении.

С того времени памятны мне некоторые события, происходившие в городе и в нашем доме блаженной памяти Лейви Бараца, которого звали «Лейви дэр крупник» из-за имевшегося у него магазина по продаже круп. Припоминаю я, с какой радостью приняла моя сестра Марим просьбу своих юных друзей устраивать встречи в нашем доме, хотя это могло вызвать подозрение полиции, которая вела слежку и вмешивалась во всё, что было не по ней. Когда в нашем доме была основана маленькая библиотека сионистской молодёжи, число гостей увеличилось. Папа принимал всех с пониманием и добросердечностью, участвовал вместе с нами в маленьких вечеринках.

Группа активисток «Цеирей Цион» в 1917 г.

Верхний ряд (справа налево): Хая Лихт, Шифра Гольдман, Рухл Розенфельд, Хана Мармер, Рухл Гехтман;
средний ряд: Хана Шлаен, Бузе Лифшиц, Хая Гехт, Шейндл Якубович;
нижний ряд: Эйdl Гринфельд, Сура Трёмбовольская, Булман, Бетя Каплан.

На одной вечеринке, устроенной в доме Бети Каплан, дочери Шмуля Каплана (он же Шмилык Идлс), принимало участие много юношей. Среди них был ученик гимназии «Герцлия» в Яффе, который произнёс речь на иврите (наши товарищи выступали на идиш). Эта вечеринка произвела на нас сильное впечатление и ещё больше связала с

сионистским кругом.

Весной 1917 г., накануне русской революции, мы изготовили бело-голубой сионистский флаг и прикрепили к нему красное знамя по случаю празднования первого свободного 1 мая 1917 г. В качестве символа своего национального предназначения соорудили холм, «гору Синай», сверкавшую травянистой зеленью среди ночи, а сверху положили две скрижали Завета. Шли мы, высоко подняв голову, с бело-голубыми знамёнами, на которых было написано: «Один народ, один язык, одна страна» и «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя»¹, под руководством господина Пинеса пели «Га-Тикву»* и «Бэ-маком шам аразим»². Такая атмосфера господствовала до конца 1917 г., когда рухнул режим Керенского и с фронта стали дезертировать солдаты. Одна группа дезертиров устроила в городе погром, который вспыхнул в пятницу под вечер. Грабили и избивали евреев, которых встречали по дороге. Погром продолжался всю ночь и на следующий день, в субботу. Вслед за ними из близлежащих сёл приехали на подводах крестьяне и увозили награбленное. Грабёж был прерван на исходе субботы перед полуночью, когда прибыла вооружённая группа житомирской самообороны. Группа, мобилизованная Азрилем Ури (Маляр), проехала на двух грузовиках со стрельбой в воздух. Погромщики испугались и, видя, что милиция перестала их охранять, бежали в панике в свои сёла. Через некоторое время немцы захватили большую часть Украины, и экономическое положение намного улучшилось. Но вскоре появилась новая власть Петлюры. В городе появились его войска – различные банды: «красные ленточки», «зелёные ленточки», которые грабили и убивали евреев. Лишь благодаря покровительству коменданта города Подалко мы избежали того, что случилось в Проскурове. Этот комендант прилагал все усилия, чтобы остановить банды, и даже оказал содействие в обеспечении евреев оружием для организации самообороны. Центр самообороны нашего квартала, который охватывал улицы Пожарную и Варшавню, находился в синагоге мясников. На Пейсах, в первые дни хол-а-моэд*, большевики вошли в город, и после того как вошедший в город Таращанский полк в течение двух дней совершал грабежи, убийства и изнасилования, как будто наступило затишье. Так продолжалось до июля 1919 г. После подстрекательства мужики из сёл и городских окраин восстали против большевиков и выгнали их из города. Радость победы они отметили резнёй евреев. Мужчин, молодых и старых, собрали на гауптвахте около православной церкви и после мнимого расследования повели в долину смерти за мостом по Житомирской улице. Я помню несколько имён убитых парней: Михл Шапиро, Сруль Эстерман, Меер Бибер, два брата Белогуз. С каждым днём росло страдание. Время от времени менялись режимы, но все они праздновали свою победу резнёй евреев. В те дни были убиты блаженной памяти мой отец и ещё несколько евреев с нашей улицы: Кипнис и его жена, Файвель-мясник, Котляр и другие. Город был сожжён, а его жители остались без крова и средств к существованию. Пожар и скитания после него произошли в элуле* 5679 г. (1919).

В начале 1920 г., после захвата Украины поляками, часть горожан вернулась и пыталась строить новую жизнь. Подбирали сирот и ухаживали за ними. Но когда жизнь стала налаживаться, дошли слухи, что наш город передадут советским войскам. Тогда собрались члены «Цеирей Цион» и вынесли решение покинуть Звягель и репатриироваться в Эрец-Исраэль.

Я помню их исход, когда поляки покидали город, а другая власть ещё не установилась. Моя сестра Марим пришла домой и начала в спешке собирать свои вещи, а с наступлением темноты попрощалась с нами. Мама пошла её провожать. Снег падал с перерывами, и ночь была светлой. В городе была слышна стрельба, к которой мы уже

1 Слова из Тегилим (Псалтирь), 137:5

2 «Там растут кедры» (ивр.)

привыкли. Через некоторое время мама вернулась со слезами на глазах.

– Почему ты плачешь? – спросил я её. – Ведь Марим едет к желанной цели.

– Да, – ответила мама, – дай Бог, чтобы она добралась благополучно.

Незаметно для мамы, в тонком пальтишке и рваных башмаках вышла я из дому и направилась в сиротский дом, которым руководил товарищ А.Маляр (Ури), главный инициатор этого исхода, чтобы попрощаться с сестрой. Члены «Цеирей Цион» нагружали вещи на подводы. В сиротском доме ярко горел свет, было шумно, звучали голоса детей. Я вошла в коридор и стала в углу. Дети кушали последний раз перед исходом. Ко мне подошёл парень.

– Кто ты такая и что тебе здесь надо?

– Я сестра Марим Барац, – ответила я, – пришла с ней попрощаться.

– Марим! – окликнул он. – Сестра твоя здесь.

Тотчас подошла Марим и велела мне вернуться домой. Я не послушалась её и ждала, пока детей не посадили на подводы и последние не выехали со двора. Члены «Цеирей Цион» шли за ними пешком. На углу Корецкой улицы подошла Марим и поцеловала меня. Я расплакалась и сказала:

– Как ты дойдёшь пешком до Корца, без хорошей обуви?

– Доберусь, – ответила Марим. – Беги скорее домой, стреляют.

Я вернулась домой и рассказала маме о том, что группа уже покинула город.

На следующий день большевики заняли Звягель, и в городе был установлен советский режим. Детей распределили по нескольким школам, а для молодёжи

Еврейская школа в 1925 г.
В центре учителя Шая Вулис и Лейзер Пастернак

были созданы коммунистические организации. Сионистское движение прекратило своё существование. Школы назывались по номерам. Учителями школ назначались молодые люди, окончившие гимназии. Я поступила в школу № 1, заведующим которой был господин Шая Вулис, учителями – Натан Шнайдерман, Агува Гольдфарб, Хана Купершмид (дочь Лузи Кропивнера). А.-Й.Правутинер преподавал идиш. В остальных школах обучали русские учителя. В одной из школ заведующим был Лейзер Пастернак.

В первый раз мы вышли на весеннюю прогулку в день Лаг-Боймер*. Пришли в рощу на другой берег реки Случь, и учителя Вулис и Шнайдерман напомнили нам, что означает этот день. Шнайдерман разъяснил нам обязанности халуцианской молодёжи трудиться в Эрец-Исраэль. Беседу мы завершили пламенной песней «Га-авода ги коль хаину у миколь цара тацилну»¹. Так учителям удавалось, вопреки запретам, укоренить в

1 «Труд – это вся наша жизнь, и он выручит нас из любой беды» (ивр.)

наших сердцах любовь к своему народу. После возвращения с прогулки были организованы группы. Мы выбирали комиссии, действовавшие подпольно, звали друг друга «ге-халуц га-цаир»¹ и установили связи, в первую очередь, с Москвой, где всё ещё легально действовало сионистское движение. От Дана Пинеса, который тогда был руководителем «Ге-Халуц га-цаир»* в Москве, нам был дан через посланца, инструктора по гимнастике, положительный и обнадеживающий ответ. Он повёл нас за город, рассказал о проделанной работе и объединил с движением «Ге-Халуц» в Житомире. Оттуда мы получили затем печатный материал на тонких листах на русском языке: партийные речи Бэрла Каценельсона*, Жаботинского* и других. В них давались объяснения по поводу партийного раскола на правых и левых. Этот материал читали втайне, потому что официально мы были комсомольцами. Неоднократно нам поручали развернуть сионистскую деятельность среди младших, пионеров, и мы

Последняя школа в 1921 г. под руководством учителя иврита Нотэ Шнайдермана

могли выполнить это задание, используя свою принадлежность к комсомольским организациям.

В 1925 г. случилось то, чего мы не предполагали. Когда экономическое положение в России ухудшилось, советская власть дала разрешение на выезд из страны для воссоединения семей. Когда нам пришёл вызов от родственников из Эрец-Исраэль, мы поспешили воспользоваться этим случаем. В составе маленькой группы «Ге-Халуц га-цаир» нам удалось репатрироваться в Эрец-Исраэль. Сразу после нашего отъезда границы России были закрыты и не открывались по сей день.

1 Юный первопроходец (ивр.)

Воспоминания о моём городе Звягеле

Как я любила свой родной Звягель. Город небольшой, весь утопающий в зелени, тихий и чистый, окружённый широкой рекой Случь. Есть в нём городской сад с красивыми аллеями. Улицы его широкие, дома – высокие, а между ними расстилаются укутанные зеленью луга. Белеет вымощенное мелким щебнем шоссе. Его окружают рощи, среди которых большой сосновый лес – Александровский лес.

В памяти моей врезалась улица Пожарная, на которой я родилась и провела своё детство. Под вечер в летнюю пору кусты сирени источают душистый аромат; дети играют на улице, матери сидят возле заборов, вяжут чулки и беседуют между собой. Коровы возвращаются с пастбища и мычат. Со стороны реки доносится звон гитары, сидящие в лодках пары поют песни. Под открытым небом сидят пожарники и играют на гармошках весёлые песни. Где-то щебечут птицы и жужжат насекомые. Ночная луна и звёздное небо простираются над нами; еврейские дети веселы и беззаботны.

Напротив нашего дома стоит дом р.Арона Ческиса, расположенный между двумя рядами похожих друг на друга домов, возле каждого из которых есть сад. Там же находится дом р.Вольфа-шойхета (Бибера). Это высокий элегантный еврей, умный и обладающий сочным юмором. Его жена Адель ухаживает за детьми и постоянно загружена домашним хозяйством. Во дворе у них колодец, сад и хлев. Часто приезжает подвода, чтобы отвезти шойхета на бойню за городом. А мы, дети, ждём с надеждой, что и нас немного прокатят. Рядом с нами находится дом р.Мойше-шойхета и контролёра; некоторые члены его семьи – наши добрые друзья. Неподалеку возвышается пожарная каланча. Сквозь её окошко мы видели караульного. Пожарники вносили оживление на улице и порою создавали неудобства её жителям, когда гнали лошадей для манёвров. Во время пожара улица наполнялась шумом, сигналами тревоги, галопом лошадей, на которых сидели верхом пожарники в медных касках. Матери тогда переживали за своих детей и спешили их увести.

В пятницу под вечер улица принимала субботний вид. Отцы шли в синагогу, а матери сидели возле дома и вели между собой беседу, а мы, маленькие, помыв голову и переодевшись в праздничные одежды, играли. Свет в каждом доме. Субботние свечи горят безмятежно, и из домов исходит субботний покой.

Я вспоминаю улицу Синагог (Шил-гас). Как-то мы жили в доме, в котором проживал дед Ханина «дэр эсиг-махер» (изготовитель уксуса). Мне не довелось знать его лично, но я много слышала о нём: он был гостеприимным, эрудированным евреем, образованным и хорошо читал по-русски. Во дворе рядом с нами, в который вела арка, располагалось в виде буквы «П» несколько зданий. Это была промышленная зона. Оттуда приятно пахло выпечными изделиями Хаи-Леи «ди лэкех-махерн» (которая печёт пряники), там были сапожные мастерские братьев Бильчинских, «ди житомирэр шистерс» (житомирских сапожников), и другие мастерские. На этой улице было несколько молитвенных домов хасидов чернобыльской династии. Особенно выделялась выбеленная известью Большая синагога. В её высоких окнах были вставлены разноцветные стёкла. Во дворе синагоги устраивались бракосочетания с хупой*, а мы толкались возле клезмеров*, чтобы взглянуть на жениха и невесту. Но временами улица впадала в уныние. Синагоги, в особенности Большая, вокруг которых слагались легенды и небылицы, вселяли страх.

Канун субботы. Закрывают магазины и спешат домой. Янкель-шамес уже закончил

делать объявления, на улице воцарился покой. Я вспоминаю Малку «ди шехетке» (жену Шимона-шойхета), владелицу лавки, в котором мы покупали бакалею. Это мать писателя М.-З.Фейерберга, низкорослая, худая, тщедушная женщина, постоянно навевающая вокруг себя меланхолию.

А теперь я вспоминаю свою юность. Наш город славился идеалистической молодёжью, действовавшей в двойном подполье – по отношению к родителям и властям. Она отказывалась жить жизнью гонимых и выбиралась из того окружения, которое её сковывало.

Революция 1917 г. принесла радость и веселье. Евреи и неевреи обнимались и мечтали о равноправии. Прошло немного времени, и действительность опровергла надежды. Пришла нестабильная власть, и эти «друзья» оказались погромщиками, грабителями и убийцами. Они врывались в дома якобы в поисках оружия и убивали жильцов. Мой старший брат вернулся домой после шести лет пребывания в венгерском плену. Я не помнила его до войны, и вот приехал взрослый брат. Мы слушали его страшные рассказы, а мама пролиwała слёзы. Но радость быстро прошла. Положение становилось угрожающим. Была организована самооборона, одним из руководителей которой был мой брат. Советские войска обстреляли город зажигательными снарядами и подожгли его главные улицы. Мы убежали в Ровно. Во время погрома был убит мой брат вместе со всей его семьёй.

Мысли и картины

Рэб Пейсахл Пиня Мордкелэс

Прошло уже много лет с тех пор, как я вырвался из своего несчастного местечка, и всё же в памяти моей отчётливо сохранились все святые и светлые образы, согревавшие в юности моё сердце. Тени их сопровождали меня всю жизнь и врезались глубоко в моей душу. И особенно глубоко врезался светлый образ тихого скромного Пейсаха Кутмана блаженной памяти.

Если бы наше поколение было удостоено сиянием праведников, он был бы среди них одним из величайших. Мы даём титул гаонов* только тем, кто отличается своим остроумием или талантом. Но это заблуждение. Наряду с гениями ума, есть также гении сердца. Неиссякаемый источник благодетельства и милосердия бьёт ключом в их сердцах, и с большой щедростью раздают они свои богатства.

Одним из таких «гениев сердца» был р.Пейсахл Пиня Мордкелэс. Он был одарён глубоким сердцем великолепного Баал Шема. Его сияющий образ стоит до сих пор перед моими глазами. Он был прекрасной жемчужиной в короне нашей Тальновской общины. В ней р.Пейсахл был, разумеется, одним из величайших евреев, хотя не принадлежал к числу первых знатоков Торы и мудрецов. В нашем Тальнер клайзл было много тех, кто лучше его умел плавать в море Талмуда и авторитетов Галахи*, но к ним он не принадлежал. Большого, чем знания главы из Мишны* и отрывка из «Маор га-шемеш», он не достиг. Однако своей широкой еврейской душой, возвышенными нравами и добрыми делами р.Пейсахл был одним из величайших среди них.

Вот он появляется в моём воображении. На лице его отражалась доброта всего мира. Глаза подобны двум родникам, откуда беспрерывно струились свет и тепло. Он выглядел постоянно ищущим: может быть, рядом находится тот, кто нуждается в утешении и помощи. Лицо его постоянно выражало озабоченность, а его чуткая душа улавливала каждый шорох или отзголосок нуждающегося.

У него была щедрая рука. Кроме открытого подаяния, он осуществлял тайные пожертвования. Приходя в четверг вечером в клойз, р.Пейсахл уже знал, кому из евреев нечем справить субботу, тихо подкрадывался к ним и вкладывал в их карманы несколько рублей. Приходил он также проведать больного бедняка, и после его ухода у больного под подушкой находили несколько рублей. Если, бывало, у кого-то из наших не было приданого, чтобы выдать дочь замуж, он давал иногда целое приданое, а в случае необходимости готов был с величайшей самоотверженностью отдать свою жизнь.

Сияющим видится мне он и в тот момент, когда стоял у ворот своего дома и кричал пробегавшим мимо евреям, которые искали спасения от ворвавшихся в город банд убийц: «Евреи, заходите ко мне и прячьтесь в подвале, у меня большой подвал!» И евреи заходили и прятались в его подвале, а он остался стоять у ворот и охранял «своих евреев». А когда бандиты пришли к нему домой и требовали от него показать, где прячутся евреи, он им ответил: «Пейсах Кутман даст себя убить, но своих евреев не выдаст». И они убили его. Охраняя жизнь других, он лишился собственной жизни.

Шейна Кутман, жена блаженной памяти р.Пейси Пини Мордкелэс

Двое суток валялся убитый мученик на улице вместе с остальными жертвами. И лишь на третий день его жена-праведница Шейна-Рухл, верная подруга во многих его благодеяниях, такая же светлая и чистая душа, как и он, вернулась из соседнего местечка, куда убежала несколько дней назад вместе со многими евреями. Поволокла она своих близких на кладбище. Оттащит несколько шагов и остановится, немного отдохнёт и снова тащит. Как падала волокла она своего мужа, великого праведника на погребение.

Рэб Зуся Радзивилер

Я помню его довольно хорошо. Он был высокого роста, худой и довольно стройный, хотя и немного согнут в плечах, и седой как лунь. Лицо красивое, утончённое, продолговатое, с бородкой клином. Он всегда выглядел опрятным, носил длинный чёрный сюртук, засученные брюки, как принято у хасидов нашего края, и начищенные до блеска сапоги.

Был ли он большим эрудитом: не знаю. Кажется, нет. Но он был, во всяком случае, знатоком Торы и поэтому выделялся манерой петь псалмы. Его исполнение псалмов пользовалось в городе славой. Я ещё имел честь слушать, как он пел псалмы. Можно было просто сомлеть от того, с какой сладостью он это делал. Очень трудно представить себе, чтобы кто-нибудь мог вложить ещё больше сердца и душевной тоски, сладости и чувства в чтение псалмов. Только раз в жизни слушал я, как он читал нараспев псалмы. Это было в пятницу на рассвете в бес-медреше. Наш Тальнер клайзл, в котором я бодрствовал и нёс ночную вахту, как тогда было принято, был почти дверь в дверь со старым бес-медрешем. В последний я заходил иногда, чтобы почитать книги, которых не было в нашей молельне, или чтобы развлечься немного после непрерывных часов напряжённой учёбы. В ту пятницу во время шахрес* на мою долю выпало слушать, как он читал псалмы. До сих пор свежо ещё в моей памяти то очаровывающее впечатление, которое произвели на меня псалмы в его исполнении.

Зуся Радзивилер был удостоен колоссального долголетия и умер в возрасте 107 лет. Вот что рассказывают о том, как он был удостоен такого долголетия. В молодости он был меламедом у сына цадика р.Мэйшелэ Звягельского. И однажды, в его присутствии, цадик стал браниться с ребецн*. Испугавшись, как бы ссора не обострилась, ребецн

хотела уйти из дому. Рэб Мэйшелэ схватил «качелке»¹, как говорят у нас, и погнался за ней. Но Зуся Радзивилер преградил дорогу и выхватил у него «качелке». Тогда цадик благословил его на долголетие за то, что тот удержал его от большого греха, не дав ударить ребечн. После кончины р.Мэйшелэ, когда р.Зуся болел, посылали людей в усыпальницу цадика молиться за его покой и здоровье, и каждый раз состояние больного улучшалось ещё до возвращения посланцев с кладбища.

Рэб Зуся Радзивилер, мир праху его, умер лет 60 назад, т.е. родился почти 167 лет назад. Так что он ещё застал целую эпоху цадиков, наступившую через несколько десятилетий после кончины Баал Шема, и был почти современником Бердичевского ребе*, Брацлавского ребе*, Шпольского старца* и многих других.

В эпоху р.Мэйшелэ в Звягеле было ещё несколько цадиков. Однако он был самым видным среди них и от Межиричского магида получил титул магида Звягеля и округи. В детстве я слышал немало удивительных легенд о сообществе цадиков в нашем городе в тот период под общим названием «хаврайа». Рассказывали, что каждую пятницу вечером после трапезы они сходились все в бес-медреше для исполнения сообща «Шир га-ширим»*. Кроме них, туда никого не пускали, и вся толпа очарованно стояла снаружи и изумлённо слушала пение, которое выражало большую любовь и страх перед Богом, горящую в сердцах собравшихся в этом здании. На протяжении всего этого времени стены бес-медреша окутывал огненный столб, как бы предохраняя других.

Трусость

«Блажен человек, который всегда страшится»²

Человек должен бояться. Ему постоянно нужно заботиться о том, чтобы всё было сделано как следует, и избегать неверных шагов в жизни. Тем не менее, это свойство подобно всем прочим добродетелям, не должно быть у нас преувеличенным.

Но есть люди, слишком свыкшиеся с этим чувством и совершенно не знающие меры. Трусость подавила у них все другие чувства. Трусость и страх перед ошибками в жизни не побуждают их принимать меры предосторожности и обдумывать как следует свои поступки, а приводят их к полному вырождению и параличу. Ходят они постоянно озабоченные и напуганные, беспомощные и заблудшие. Страх превращает человека в маньяка. И вот такого рода трус, трус в служении Господу, врезался в мою память ещё с детства.

По сей день стоит ещё у меня перед глазами образ рэба Мордке, который несколько месяцев останавливался у нас в бес-медреше. Рэб Мордке был скитальцем. Наверное, сам устраивал себе голус*.

Странствуя из одного города в другой, он любил останавливаться в бес-медреше. Из-за постоянных постов тело его состояло из кожи да костей. Если он и ел, то лишь кусок сухого хлеба, размоченного в воде. И днём и ночью занимался Торой. Воистину праведник, просто святой. А сколько слёз пролил этот человек за день, сколько стонал и вздыхал! Глаза его беспрерывно источали слёзы.

Я был тогда ещё глупым мальчишкой, не закалённым жизнью, и не мог смотреть равнодушно на то, как он проливает слёзы из-за чужих страданий. Каждый раз, когда я видел его плачущим, лицо моё искажалось гримасой, и я готов был плакать вместе с ним. Как только из его сердца вырывался тяжёлый вздох, моё детское сердце начинало

1 Скалка для раскатывания теста (идиш)

2 Мишлей /Притчи Соломоновы/ 28:14

трепетать в муках страданий.

А однажды, помню, глядя на его горькие рыдания, я сам заплакал, подошёл к нему и обратился сквозь слёзы:

– Рэб Мордке, рэб Мордке, почему Вы плачете?

И рэб Мордке мне ответил:

– Дитя моё, дитя моё, как же мне не плакать, если на мне лежит тяжёлое бремя большого греха, который я содеял? Как же мне не стонать, если я плотью своей ощущаю кандалы, в которые заковал меня сатана?

Этот святой человек и отшельник считал себя грешником. Тот, кто был далёк от всяких наслаждений мира сего, считал себя закованным в кандалы сатаны.

И ещё одного помню я из нашего города: на этот раз местного, а не пришельца. Был он тоже большим трусом. Однако эта трусость заключалась не в поклонении Господу. Он испытывал удивительный страх перед куском потолка в Чернобылер клоиз*, где молился.

У себя дома и во всех других зданиях у него не было никакого страха. Там он был уверен, что потолок его не предаст, что у него ещё впереди долгие годы жизни. Страх перед потолком нападал на него только тогда, когда он приходил в клоиз на молитву или учёбу. Да и здесь, как уже сказано, не весь потолок наводил на него постоянный страх и причинял бесконечные страдания, а лишь один маленький участок, находившийся над входной дверью. Он был уверен, что этот кусок потолка сведёт его в могилу раньше времени. То, что ожидаемое им несчастье может произойти не сегодня-завтра со всем остальным потолком, его не тревожило. Там он не ожидал никакой катастрофы.

В синагогу приходил он раньше всех и позже других уходил, чтобы при входе и выходе пользоваться окном вместо дверей. Чтобы избежать подстерегающую его опасность, предпринимал все необходимые меры предосторожности. Но бывали случаи, когда он приходил слишком поздно или должен был пораньше уйти. Тогда ему приходилось, как и всем другим, входить через дверь. Это означало для него конец, и он чуть не умирал от страха.

Звягельская молодёжь и её участие в культурном движении

Те, кто жил в Звягеле в конце XIX – начале XX вв., могут с особыми чувствами написать воспоминания о своём городе. В то время еврейская жизнь переживала бурный период: начало борьбы против религиозного фанатизма, господствовавшего тогда на еврейской улице, революция 1905 г. До начала первой мировой войны и социальной революции многие принимали активное участие в идишистском движении, «Культур-Лиге»*.

В этой борьбе Звягель был представлен видной группой молодёжи, которая сосредоточилась вокруг одарённого, умершего юным поэта М.-З.Фейерберга, или, как мы его звали, «Мотл, Шимэн дэм шехет зин»¹. Из этой группы, кроме Фейерберга, выделялись Гершл Зецер, писатель и многолетний сотрудник «Моргн-журнал», и Я.-Й.Вол, литературный критик.

Не только борьбой против религиозного фанатизма выделялась звягельская молодёжь. Большой была её тяга к учёбе и знаниям. Молодёжь принимала участие в литературных кружках, где читали и обсуждали произведения видных писателей. В тайных кружках знакомились с социалистическим учением. Молодёжь участвовала во всех сферах политической и общественной жизни того времени. В Звягеле было большое количество ремесленников, портных, сапожников, каменщиков, а также рабочих нескольких кожевенных заводов. В местечках вокруг Звягеля – Каменном Броде, Городнице, Барановке – многие трудились на фаянсовых заводах. «Бунд» под руководством видного деятеля доктора Торговца в Звягеле и М.Ольгина из Рогачёва занимался организацией рабочих. В 1905 г. в городе состоялись большие демонстрации. На одной из них доктор Торговец был грубо избит полицией.

Значительное число молодёжи также было представлено в различных сионистских движениях, например, в «Паолей Цион»*, «Цеирей Цион» и кругах общих сионистов. Небольшое число входило также в партию социалистов-революционеров. Тень на идишистскую молодёжь Звягеля бросила маленькая группа авантюристов, появившихся после провала революционного движения. Они пришли в это движение не из-за убеждений и сознательности, а были вовлечены, вернее смыты в поток подобно тому, как во время наводнения смываются разные нечистоты. Члены этой группы, называвшие себя «санинцами» – последователями героя романа Арцибашева «Санин» – для достижения своих эгоистических целей пошли по пути вымогательства денег, используя угрожающие письма или оружие. Они также проповедовали «свободную любовь». Эта группа, как уже говорилось, была незначительной, не имела никакого влияния и быстро исчезла.

Преобладающее большинство рабочих и интеллигенции после провала революции не впала в отчаяние. Наоборот, демонстрации против царского режима и особенно всеобщая забастовка российского пролетариата укрепили дух революционных элементов, которые поверили в возможность свержения власти царя и поднятия знамени борьбы за новую общественную систему. В то время начали формироваться подпольные группы, которые готовились и ждали подходящего момента для участия в дальнейшей борьбе.

Довольно значительная часть звягельской молодёжи находила вдохновение в идишистском движении, начавшемся после основания «Культур-Лиги» в Киеве. Последняя поставила перед собой задачу распространить еврейскую культуру среди масс. Во многих городах Украины были основаны её отделения. Такое отделение основали и в

1 Мотл, сын Шимена-резника (идиш)

Звягеле. Его председателем был доктор Островский, социал-демократ и в некоторой мере ассимилятор, который, тем не менее, занимался еврейской культурой. Были учреждены школа для детей и вечерние курсы для рабочих, где учителя работали безвозмездно. Образовался также драматический кружок, часто ставивший спектакли по произведениям лучших еврейских драматургов.

Среди самых заметных людей того периода стоит упомянуть Аврума Ческиса, Эзру Брахмана и Йегоше Эйдельмана – прежних друзей Фейерберга. Свои способности и знания они тоже поставили на службу социальной революции, а когда советская власть стабилизировалась, заняли ответственные должности в правительственном аппарате. Аврум Ческис был профессором Московского университета и одновременно занимал видное место в Министерстве народного образования.

Вот вкратце обзор звягельской молодёжи: как она жила, боролась, вопреки всем обстоятельствам, не отказываясь от своей тяги к знаниям и не теряя боевого духа. А когда засияло солнце свободы, она самоотверженно, всей душой ринулась в борьбу за лучший и справедливый мир.

1954 г.

Звягель и его близкие окрестности

В память о чистой светлой душе Суры, дочери
раввина р.Йоэля Садэ-Лавана, ушедшей от нас навеки

Увековечивая память о большой еврейской общине Звягеля, следует вспомнить множество её ответвлений: крошечные общины маленьких местечек, а также одиночные еврейские дома, разбросанные по сёлам и погружённые в огромное христианское море, на поверхности которого тишь и гладь, а глубины полны вечной ненавистью Эйсав к Яакову*.

Из этого моря вся звягельская община черпала живительную силу и прямо, и косвенно, через различные каналы. Торговцы зерном и плодами приезжали осенью и конкурировали между собой за крестьянина-«кулака», владеющего большими полями, торговцы крупным и мелким рогатым скотом – за мясо и молоко. Агенты машин «Зингер» бродили по сёлам и таращили глаза на все красивые дома – попа, шляхтича, богатого крестьянина или зажиточного еврея – чтобы продать им швейную машину в рассрочку. Странствующие лоточники, которые ходили в сёла пешком или приезжали на подводе, запряжённой старой тощей клячей, привозили из города дешёвые галантерейные товары и получали взамен яйца, щетину, кур, картофель и всякую всячину.

Многие крестьяне сами привозили в город урожай полей в надежде продать его подороже и купить всё необходимое. Каждое утро, с восходом солнца, у въезда в город их встречали евреи и еврейки и атаковали мужицкие подводы, желая что-нибудь купить, прежде чем те придут на базар.

Но самым важным каналом, через который велась основная торговля между селом и городом, служили сельские евреи. Они были главными посредниками между христианами и евреями, знали лучше своих городских братьев жизнь мужика, лучше говорили на его языке. К тому же им больше доверяли крестьяне, нежели городским евреям. У сельского еврея в доме была маленькая лавка, в которой имелось всё для крестьянских нужд: белая мука, растительное масло, дрожжи, сахар, конфеты, изюм, мануфактура (разноцветные дешёвые ткани, головные платки), кухонная посуда, а также мыло, керосин, нитки, иголки, краски, гвозди, верёвки, даже простые медикаменты (таблетки от кашля и глистов, порошок от головной боли или для уничтожения блох и т.п.). Всё это было нагромождено в одной из комнат в бесчисленных ящиках и мешках, жестянках и стеклянных банках. Там же лежали кучами и товары, которые покупатели приносили вместо денег: яйца, сливочное масло, щетина, зерно и т.п.

Раз в неделю еврей сортировал всё это по ящикам, бочкам, мешкам и сундукам, брал с собой также пустые ёмкости и ехал в город (т.е., в Звягель), чтобы продать кому следует. Затем он покупал у оптовиков всё, чего недостаёт в его лавке, нагружал на подводу и вёз домой: каждый по своим возможностям, в зависимости от оборота торговли. Таким образом сотни сельских евреев поставляли плоды садов и урожай полей в Звягель, который был для них центром мироздания и от которого зависело всё их существование. Но эта зависимость была не только материальной. Она напоминала зависимость младенца от своей матери, от которой он получает всё необходимое для жизни.

Поездка в город доставляла большое удовольствие всем членам семьи сельских

евреев – от мала до велика. Единственной целью поездки был как будто привоз товаров. На самом же деле ездили ради того, чтобы повидаться с людьми, удалиться на день от «хазерской»¹ (обычное прозвище неевреев) среды и окунуться на несколько часов в чистый еврейский воздух. Сама поездка была не из лёгких. Ехали в слякоть, зимнюю стужу, а летом пыль стояла столбом. И от тряски в простой повозке, сидя на ящиках и бочках, тоже не было большого удовольствия. Но кто думал об этом, когда с каждым вращением колёс ты всё больше и больше приближаешься к городу. На пути были кратковременные остановки, доставлявшие удовольствие, ибо на них вступали в соприкосновение с еврейским населением и ощущали маленькое дуновение города.

Первой остановкой была Кропивня, кацапское село. Встреча с его жителями не предвещала ничего хорошего и пробуждала всегда на душе опасения. Но было приятно задержаться на некоторое время возле еврейского дома, стоявшего у главной дороги, рядом с казённой шкальной*. Там жил состоятельный уважаемый еврей, обременённый детьми. Когда повозка останавливалась возле дома, все выходили оттуда нам навстречу, и мы были рады видеть друг друга. Но разговор недолгий. Главное, что все здоровы и, слава Богу, есть заработок. В приподнятом настроении едем дальше. Недалеко от села начинается вымощенное шоссе, и путешествовать становится легче. Лошади ускоряют бег, будто тоже хотят поскорее прибыть в город.

Вторая остановка – в маленьком поселении Зелёной Горке возле города. На высоком холме стоит красивый дом, в котором живёт большая еврейская семья. Чтобы попасть во двор, нужно спуститься с шоссе и специально свернуть туда. У нас не было никаких торговых дел с обитателями этого дома. Но как же проехать мимо еврейского дома, не сказав приветствия? Почти все жильцы, а также учитель с учениками выходят из дому и окружают подводу. Расспрашивают о здоровье, заработке. И вновь: «Слава Богу! По правде говоря, заработок не выше всяких похвал, но к чему жаловаться. Главное, что живы-здоровы», – и т.п. Несколько предложений обильно сдабривают древнееврейским языком и словами наших мудрецов*, к ним прибавляют притчи с крылатыми изречениями, поговорки. На душе становится легче. Сердечно прощаемся друг с другом и спешим в город: ведь ещё столько работы, а день не стоит на месте.

И ещё одна, последняя остановка у самого въезда в город под названием Париж представляет собой поселение, состоящее в общей сложности из 2-3 домов. Живущий там еврей Йойна «Парижер» – наш родственник и к тому же бездетный, не о нас будет сказано. Поэтому невозможно проехать мимо его дома, не поздоровавшись и не перебросившись несколькими словами.

Подвода с грохотом едет по длинному мосту через Случь, и мы, наконец, прибываем в город. Вот он, шумный город, целый еврейский мир.

1 От слова «хазер» – свинья (идиш)

Разрушенный мост на Житомирской улице после погромов в 1919 г.

Прежде всего, заворачиваем к маслозаводу в доме Дувида-Янкеля Гарбера. Это был красивый представительный еврей из турийских хасидов, близкий к цадику р.Янкелю-Лэйбеню блаженной памяти. Последний гостил в его доме, когда приезжал в город. Выгружаем с подводы бочонок масла, собранного за неделю. Запах с завода доносится издалека. Там принимали привезённое из сёл масло, обильно солили его и клали в новые бочки для отправки за границу. В большом зале стояли обнажённые до пояса евреи, изнывая от жары и духоты, и месили волосатыми руками мягкое масло. И жалко было глядеть, как эти куски масла, заботливо завернутые в чистую вощёную бумагу или белую ткань, теряют свой вид. Конечно, это масло некошерное, но оно чистое и светлое, белое или желтоватое. Особенно красиво оформлено масло, прибывавшее из немецких колоний: сверху на нём ложечкой делались насечки. Все эти красивые пачки, которые грубо бросают в большой чан, быстро теряют свою форму и цвет, и волосатые руки замешивают их в однородную массу. Господи, как могут там, за границей, кушать такое масло?

Наконец, отец заканчивает свои расчёты с владельцем завода и, подойдя к подводе, рассказывает забавную историю. Владелец провожает его и не может не ущипнуть деревенского подростка.

– Ну, шейгец¹, известно тебе, какую главу проходят на этой неделе? – спрашивает он в который раз.

Ответ не последовал. Он его и не ждёт, но отец почти оскорблён:

– Что ты спрашиваешь главу недели*? Он уже, слава Богу, второй год учит Талмуд!

В конце концов, удаляемся от этого зловонного места. Не очень приятно сидеть сверху на подводе, на наполненных мешках, ящиках с яйцами и пустой бакалейной посуде, как петух на лестнице, двигаться от магазина к магазину, разгружать и нагружать товар. Меня немного смущал этот «божественный трон», на котором я восседал. Кажется, что выставили напоказ: вот сельский еврей приехал в город ... Особенно раздражали частые остановки на каждом шагу и обращения к отцу: «Рэб Мэйше Нэсэлинер², рэб Мэйше Нэсэлинер, одну минуточку ...»

Сотни людей знают папу. Кажется, все городские – его друзья и хотят завязать с ним беседу. И папе есть что сказать каждому из них. Это не просто что-нибудь, а целая история, притча или анекдот. Папа рассказывает красиво, и все наслаждаются его речью. Но неохота сидеть на подводе и ждать конца рассказа.

– Папа, может, поедem дальше?

– Да, сынок, сейчас, сейчас.

1 Парень-нееврей, перен. наглец, босяк (идиш)

2 Несолонский, т.е. из села Несолони (идиш)

Но вот он вспомнил очередную историю, и его приятный собеседник жаждет слушать ещё и ещё. И так продолжается до бесконечности.

Мы едем по улицам, разбитым мостовым, которые растрясает подводу и тебя самого до такой степени, что, кажется, вот-вот выпадут зубы. Но кто на это обращает внимание? Ведь тебе предстоит провести здесь полный впечатлений день, особый день, похожий на полупраздник или настоящий праздник.

Чем так очаровывал город сельского мальчика? Конечно, там ему иногда что-то покупали (например, фуражку) или заказывали у портного новую одежду. Но это происходило только раз в году, накануне праздника. Нет! Не было здесь материальной выгоды. Это было по сути чисто духовное удовольствие от созерцания и свежих мыслей. Еврейский мальчик, как и взрослые, чувствовал себя одиноким, отверженным в мужицком селе. Он знал подростков-иноверцев, но не дружил с ними. Вся семья старалась отдалить его от них. Да и его самого не тянуло к ним. Когда ему говорили: «Ты станешь свинопасом, как эти шкуцым¹» и т.п., это было для него самым тяжким оскорблением. А кто же хотел быть похожим на них? Свой идеал он видел в еврейском ребёнке из города, в его образе жизни, разговоре, нравах, одежде. Что-то отличало духовно его, сельского, от горожанина. И вот сидит он себе на подводе и наблюдает за детишками, свободно гуляющими по улицам. Младшие идут в хедер*, а старшие – в ешиву. Он уже различает их, и в его душе возникает смутная мольба: дай Бог, чтобы я был вместе с ними.

Папа лишь изредка брал меня с собой в город, чтобы не прерывалась моя учёба. Но, несмотря на это, я каждый месяц ехал с мамой в качестве «сторожа», как говорили в шутку родители. Я не совсем хорошо понимал смысл этого слова и воспринимал его буквально: кучером нанимали мужика, которого подозревали в воровстве. Нужно было стеречь, чтобы он ничего из товаров не положил себе в карман.

У мамы не было много дел в городе, и поэтому мы не носились по магазинам, как во время поездок с отцом. Она не задерживается для светских разговоров со знакомыми, как папа. Лишь изредка позади нас раздавался возглас: «Супруга рэба Мэйше Нэсэлинэра! Супруга рэба Мэйше Нэсэлинэра!» (Мне уже было привычно это странное обращение к маме). Оказывается, один купец или лавочник хочет что-то передать или предложить отцу. Мама несколькими словами отделялась от него, и мы едем дальше. И ещё одно. Маму я не очень боюсь и позволяю себе бродить по улицам сколько душе угодно. Но одно не нравится мне в этих поездках. Вот она говорит мне:

– Останься охранять возле подводы. Я должна сходить ненадолго в одно место, – и удаляется.

Я жду её целую вечность, а когда она возвращается, её вспотевшее лицо пылает.

– Где ты была всё время и чего так потеешь?

– Я была в одном месте ... А тебе какое дело?

Она почему-то запинается в смущении и торопится домой.

Однажды я заметил, как она в спешке направлялась в Нидер, но мне было неясно: зачем? Там ведь нет никаких магазинов. В конце концов, я узнал, что она ходила в баню. И опять мне было непонятно: почему она это скрывает? И зачем ехать ради этого в город? Разве нельзя помыться дома, как поступали все мы?

Моя мама – больная женщина, страдающая астмой, и когда на обратном пути приходится подниматься вверх из Нидера, ей тяжело дышать, лицо горит. Она торопится и избегает встреч со знакомыми, как будто все они смотрят на неё с любопытством и понимают, ради чего она приехала в город. Ничто её так не раздражает, как неожиданное обращение: «Простите, супруга рэба Мэйше Нэсэлинэра, одну минуточку ...»

1 Множественное число от «шейгец» (идиш)

Теперь, много лет спустя, я мысленно оглядываюсь назад, и большая любовь, жалость и благоговение пробуждаются в моём сердце к чистой праведной простоте этой кошерной* еврейки, которая тряслась по тяжёлым дорогам в зной и стужу не ради покупки украшений и платьев и не ради торговли или времяпровождения, а лишь для того, чтобы исполнить «женские законы». Я был тогда ребёнком, ничего не понимал и злился за то, что она спешила домой.

– Что за спешка? Ещё успеем домой.

– Нет, нет, уже поздно! День короткий. Ещё немного, и наступит вечер. Сегодня воскресенье, и на дороге пьяные мужики ...

Ничего не поделаешь: возвращаемся домой. Душу охватывает скорбь, как бывает при переходе от праздника к будням.

Действительно, каждый из нас, евреев, связан был со Звягелем духовными узами с первого и до последнего дня. Рождается у еврея мальчик, и нужно ехать в город за моэлом* для обрезания. Умер, не приведи Господь, кто-нибудь в еврейском доме – нужно везти покойника в Звягель, обмыть его и похоронить. А между этими двумя крайностями в жизни было много «промежуточных станций», в каждой из которых Звягель выполнял важную роль: воспитание детей, семейные дела, праздники и т.д. Кто сосчитает всё это?

Вот растут, с Божьей помощью, сыновья, и их нужно сделать кошерными евреями. Нельзя же допускать, чтобы они оставались неучами, гоями*. Значит, следовало позаботиться об учителе. Если прежний учитель не остался ещё на один «сезон»*, два раза в году, в межсезонье, после Пейсах и Сукойс*, ехали в город, чтобы нанять нового учителя.

На Шил-гас в Звягеле шумно. Много мужчин, молодых и старых, женатых и холостых, собираются возле Большого бес-медреша. Все ищут себе «кондицию»* в одном из сёл. Туда приходят и сельские евреи искать приличного воспитателя для своих детей. Крутятся там также маклеры, шадхены*, которые стараются связать обе стороны.

Синагогальная улица после пожара 1919 г.

Вот начались переговоры. Спорят об условиях свадебного контракта, торгуются, и иногда этот торг затягивается, как это заведено у еврейских купцов. Кандидат в учителя хочет знать определённо родовитость сельского еврея, в доме которого ему нужно будет жить полгода. Ведь простой сельский еврей считается грубияном, неучем, дикарём. Поэтому сперва надо разузнать его характер и хорошо обдумать. И сельский еврей, разумеется, тоже хочет знать, из хорошей ли семьи этот парень, образованный ли и, главное, сможет ли справиться с шаловливыми детьми, у которых нет большого желания учиться. Он хочет навести справки о парне, которого расхваливает маклер. Порою

доходит до своеобразного педагогического испытания. Находят ученика, соблазняют его конфетой, чтобы тот сел за стол читать сидур, а учитель-кандидат должен дать своего рода показательный урок.

На память приходит история, которая произошла со мной самим. Тогда я уже приближался к бар-мицве* и учился в ешиве за вторым столом, т.е. учил Талмуд с комментариями, правда, с помощью хавэра*, как тогда было принято. Во время каникул мне нравилось гулять среди шума, господствовавшего в Большом бес-медреше и вокруг него. В это время кто-то искал мальчика, чтобы устроить проверку учителю. Поскольку этим людям показалось, что я маленький, они стали меня уговаривать прикинуться мальчиком, изучающим только древнееврейский язык, и я согласился. Но я не понимал, что должен был сыграть роль мальчика, который не хочет учиться, отвлекается из-за всякой мелочи от учёбы, иногда забирается под стол, а во время чтения вслух часто сбивается и делает ошибки. Такую роль мне предстояло сыграть, чтобы дать возможность учителю исправлять и обучать. Я же показал, наоборот, свои большие познания в древнееврейском: начал «бегать» по строчкам с такой скоростью, что учитель не поспевал за мной со своей указкой. Сперва мне дали читать обычную молитву в сидуре или махзоре, затем проверили перевод «Онкелос»* – и напрасно. «Ребёнок» скакал по строчкам без задержки, и его нельзя было остановить. Наконец, они прервали это испытание. Продолжать не было смысла. Боюсь, что из-за меня несчастный парень потерпел неудачу в этом педагогическом испытании и не получил «кондицию» в селе.

Тщательно готовилось село к каждому празднику. В те дни я особенно ощущал те духовные нити, которые связывали каждого еврея из самых заброшенных еврейских уголков со своей духовной метрополией. Именно тогда каждый еврей особенно ощущал свою идишкайт*, и усиливалось его желание объединиться со «всем Израилем». Вот приближаются, например, пасхальные дни, и нужно привезти муку для мацы*, вино на четыре стакана*, купить Агаду*, харосет* и т.п. А в последние дни перед Пейсах едут к раввину, чтобы продать хомец*. А как беспокоится еврей, перевоза кошерные продукты для Пейсах, чтобы те не прикасались к лежащим на подводе «чужим» товарам, которые везут в лавку для христианской Пасхи и которые являются хомцом или «хомцом в хомце».

А когда эти вещи уже заносят в дом, на душе становится спокойнее. Сам дом был заблаговременно подготовлен к Пейсах и вот сейчас наполнялся привезенными из города вещами, как говорится, «чистым кошерным еврейством».

Конец лета. Уже убраны плоды садов и урожай полей. Дни становятся короче, а ночи длиннее. Сердце сжимается от печали. Скоро пойдут дожди, испортятся дороги, похолодает, и сильно возрастут домашние нужды. Отныне уже надо думать о дровах, тёплой зимней одежде, установке двойных рам в окнах, починке крыши и всего дома. Заработок зимой уменьшается.

Но ко всем заботам примешивается сейчас специфическое настроение йомим нойроим, Рош-а-Шонэ* и Йом-Кипур ... В те дни особенно ощущается большая душевная потребность находиться среди евреев и вместе с ними взывать к небесам, проливать слёзы, словно воду и молить о всех еврейских нуждах: заработке, здоровье и воспитании детей, которые растут для изучения Торы, хупе, добрых делах и обо всём, а главное – об избавлении от ярма голуса, к которому в другие дни уже привыкли. Но сейчас особенно сильно ощущается, что голус – это тот самый гой, вор, злодей и убийца, который тебе, еврею, готов содействовать злу и от милости которого ты зависишь. И ощущается потребность соединиться с еврейством города, провести вместе с ними хотя бы несколько дней. Но не каждый еврей может это сделать. Нельзя ведь бросить на произвол дом, хозяйство и уехать. Уж лучше привезти домой что-нибудь из еврейского духа города и целый год

черпать оттуда утешение.

Итак, евреи двух-трёх сёл объединяются в общий миньян*. Тогда предаются забвению обычные трения между собой, которые по сути являются пустяками перед приближающимся Судным днём ... Нужно ехать в город за свитком Торы, купить сидуры, слихот и махзоры, позаботиться о хорошем хазане с приятным голосом, который должен также трубить в шойфер* и читать Тору в синагоге. Прежний хазан, который приезжал из города, потерял голос, зато был плакальщиком и приносил маленькой сельской общине что-то из городского еврейства, ободрявшее дух и близкое сердцу.

Нам не нужен был приезжий хазан, потому что мой отец имел очень приятный голос и исполнял обязанности хазана во время мусэфа. А мой дед, мамин отец, рэб Йосиф Бармак, мир праху его, читал молитву шахрес. У нас был также свой чтец Торы и трубящий в шойфер. Каждый день на протяжении всего элула он упражнялся в своём святом ремесле, пока не стал настоящим виртуозом. Из его шойфера исходили звонкие, чистые, ласкающие слух звуки, напоминавшие флейту. Но, как назло, во время трубления на Рош-а-Шонэ постоянно вмешивался сатана и создавал преграды.

Вот близится важный момент. Все произносят с большим чувством: «Ла-мэна́цах ливнэ́ Кóрах мизмóр»¹. Трубящий, лицо которого накрыто талесом, перед трублением в шойфер читает с трепетом молитвы, зовёт в помощь великих ангелов: Метатрона, Тэртиэля, Гадарниэля, Сандальфона и Фацфацию. Наступает роковая минута. Он произносит дрожащим голосом благословения, берёт в руки шойфер, прикасает его к устам, а хазан восклицает: «Т-ки-йя-а» ... Все ждут с благоговением и страхом, затаив дыхание. И в эту минуту будто скрытая пробка закупоривает шойфер: «ф ... ф ... ф ...» – и ни звука. Трубящий напрягает все свои силы и дует в шойфер. Кажется, ещё немного, и он лопнет, но раздаётся лишь хрип и свист, режущий слух и вызывающий душевные муки у всех молящихся. Разумеется, больше всех страдает сам трубящий, который после нечеловеческих усилий завершает трубление. Вся община чувствует себя смущённо и произносит второпях и без воодушевления все псуким* с именами ангелов, **не пришедших на помощь** ... А когда трубящий снимает с головы талес, видно его бледное как мел лицо, по которому бежит ручьём пот.

Но вот раздаётся сильный удар по столу, и среди всеобщего замешательства возвышается дорогой голос папы: «Ашрэ га-ам йодзай тэруа́ ...»² Праздничная сладкая мелодия успокаивает души, и возбуждение вновь овладевает сердцами. Только трубящий опечален, как и прежде, и произносит молитву с разбитым сердцем.

После молитвы его окружают молящиеся, и каждый старается его ободрить, утешить. Со всех сторон ему протягивают руки и благословляют: «Ле-шунэ тэйвэ!»³ – а он оправдывается:

– Сам не понимаю, как такое могло случиться ...

– Ну, что тут поделаешь, – отвечают ему, – вмешался сатана (да изгладится его имя!), Вы не виноваты ...

А один острослов старается его развлечь и рассказывает старую прибаутку об одном трубящем, которому дьявол закупорил шойфер. Что же сделал этот храбрый трубящий? Он прошептал нечистой силе внутрь шойфера: «Если ты не уберёшься сейчас же, я буду дуть через широкое отверстие шойфера и вытолкну тебя оттуда в узкий проход. А там ты задохнёшься». Мерзавец испугался и убежал.

Этот анекдот слышали уже много раз, но все старались облегчить страдания человека и громко засмеялись.

1 «Руководителю хора. Псалом сыновей Кораха ...» (древнеевр.) – первые слова из Псалма 49

2 «Блажен тот народ, ведающий трубный звук» (древнеевр.)

3 «Хорошего года!» (идиш)

А другой пытается утешить его иначе:

– Ничего, такое иногда случается даже в великом Звягеле. Нет на сатану никакой управы ... Вот в прошлом году, насколько я помню, Вы трубили чудесно ...

Я хорошо помню, что то же самое произошло и тогда, и мне, ребёнку, было ясно, что это же случится с ним и в **последующие** годы ... Всегда будет виноват сатана и не допустит, чтобы чистые громкие звуки шойфера поднялись ввысь и дошли до Божьего престола.

Я пропускаю Йом-Кипур, который не пользовался большой любовью у детей. Безмерно длинный день с громадным количеством молитв. Пожилые евреи стоят и молятся, проливая слёзы, а из боковой комнаты, в которой сидят женщины, доносится непрерывный плач, так что мужчинам часто приходится их успокаивать. Несколько иначе только вечером, после завершения Йом-Кипур. Густой слой пахучего сена, расстеленного на полу молитвенного зала, вызывает желание поваляться на нём. Но тут появляется кто-то из старших, ругает нас, а порою ребёнку достаётся звонкая пощёчина от отца, и в воцарившейся тишине миньяна слышно рыдание «очищающей молитвы» хазана.

После Йом-Кипур на душе становится легче. Удручённое состояние, тяготившее сердца последние недели, быстро тает, и как успокоительное лекарство приходит праздник Сукойс. Ставить сукку* в селе нетяжело, но нужны ещё этрог и лулав. И опять едут в Звягель и покупают то, что оставалось у даена. Лучший товар уже давно разобран горожанами. Однако папа делал эти покупки заблаговременно и выбирал себе красивый этрог. Поскольку он был известен как весьма привередливый покупатель, который не покусится, даен заранее откладывал для него этрог покрасивее, без дефекта. Иногда папа поддавался уговорам и покупал этрог вслепую. Каким образом? Этроги выбирали на ощупь под скатертью. Сердце при этом бешено колотилось. Здесь, конечно, всё зависело от везения, и огромной была радость, если жребий падал на этрог без изъянов.

Мы с радостью возвращались домой. Я держал высоко длинный лулав, закреплённый двумя деревянными планками, и следил, чтобы его верхушка не прикасалась к веткам придорожных деревьев и не сломалась. На коленях у меня лежала небольшая жестянка, а в ней находился завернутый в мягкую шёлковую ткань красивый душистый этрог, который выбрал отец.

Лулав и этрог доставляли радость евреям нашего села на протяжении всех дней Сукойс. Каждый день они заходили к нам в сукку, опасаясь, как бы не задеть головой её кровлю, благословляли этрог и лулав, ветви которого находились внутри великолепной корзиночки, сделанной руками папы (он всё умеет). А я уже в своём воображении готовился к ударам гошанот на Гошана-Рабба, когда мы, дети, бьём каждый изо всех сил, пока не вмешивается кто-нибудь из взрослых. Видения меняются одно за другим. Возникают весёлые образы вечера Симхас-Тойре: не только застолье, но и кружение* с единственным свитком Торы. Каждый из нас тоже хочет самостоятельно нести это сокровище и ощущает жгучую обиду, когда кто-то из взрослых держит сверху свиток за «эц хайм»*. Особенно привлекательно на утро восхождение к Торе* под папиным талесом, когда каждого ребёнка громко вызывал чтец Торы: «Ямод га-хатан плони бар плони ...»¹

В то время все мужчины ходили по субботам молиться в соседнее село Тесновку. Расстояние до него было немалое и едва не превышало допустимые пределы ходьбы*. Но было приятно идти, особенно летом, на рассвете, когда поля ещё покрыты росой и ноги окунаются в мягкую влажную траву. Тяжело было только на обратном пути, во время зноя, когда начинал донимать и голод. Но отец всегда облегчал ходьбу своими анекдотами

1 «Вызывается зять имярек сын имярек ...» (древнеевр.)

и историями. Он владел мастерством рассказа и воодушевлял нас, в особенности меня, поскольку я имел тогда редкую возможность остаться наедине с папой и вступить с ним в беседу. Ведь ему было вечно недосуг разговаривать со своими детьми. И вообще, какой отец беседует со своими детьми? Такое вообще не было заведено в то время. Отец ругает детей, читает им наставления, иногда и наказывает, если нужно. Это было его обязанностью. В конце концов, он – отец, и на нём возложена обязанность воспитания детей. Но чтобы так просто говорить, вести с ними беседу – такое совсем не приходило в голову. Только в субботу утром, когда мы идём длинной дорогой в Тесновку на миньян одни (старый дед лишь изредка присоединялся к нам, да и беседа с ним была не из приятных, поскольку он уже был тугоухим), разговор между мной и папой завязывается сам по себе. При этом папа говорил, а я лишь время от времени задавал вопросы. Но какие прекрасные истории услышал я от него, особенно хасидские легенды и народные предания о спорах евреев с выдающимися христианами. У него был целый кладёзь легенд. А как красиво он их рассказывал! Казалось, будто всё происходило наяву, и я получал огромное удовольствие.

К самому миньяну в Тесновке я не испытывал сильной любви. Местные евреи были из одной большой родни: пожилой отец с шестью взрослыми сыновьями и муж единственной дочери. Их многочисленные дети были старше меня, уже после бар-мицвы. Отец со своими сыновьями-здоровилами были хорошими евреями, но очень простыми, едва умели молиться и при этом допускали много искажений и ошибок, из-за которых во всей округе над ними строили насмешки. Все дети жили отдельно в большой нужде. Старший сын, холостяк, имел маленькую бакалейную лавку и считался среди них богачом. Второй сын был гончар. Чем занимались третий, четвёртый и пятый сыновья, я не помню, но знаю, что их занятие не затрагивало интересов друг друга. Шестой сын, просто великан, которого отец называл «майн мизынык»¹, недавно вернулся после воинской службы в Польше, где провёл четыре года вдали от отчего дома. Он привёз из Лодзи нарядно одетую, хоть и не очень красивую жену, которая своей одеждой и манерами произвела большое впечатление на всех сельских евреев. Они судачили о её прошлом, ничего толком не ведая.

Целую неделю братья почти не общались. Каждый был занят своим делом, и не было причин ссориться друг с другом. Однако в субботу, когда они собирались вместе для молитвы, малейший пустяк приводил их к столкновению и всеобщей ссоре. Всплывали на поверхность давным-давно позабытые обиды и упрёки, возможно, берущие своё начало ещё с того времени, когда они вместе жили впроголодь в отцовском доме.

В общем шуме возвышался голос второго сына, гончара, наиболее агрессивного из братьев. Он жил в очень большой нужде и тесноте, был обременён маленькими детьми и поэтому больше всех озлоблен. Ему казалось, что все его обижают. Когда он вступал в спор, положение становилось опасным, и отец вынужден был вмешаться: – Илель, успокойся!

Но это замечание только подливало масло в огонь. Илель возбуждённо вскакивал и дерзко кричал:

– Папа, ты уж лучше помолчи!

– Что? Так отвечают отцу?! – вскипел отец и влепил Илелю звонкую пощёчину.

– Папа, – дико заорал Илель, – не поднимай на меня руку! ...

После этой внезапной пощёчины сыну, который сам уже был отцом взрослых детей, старик сразу успокаивался и удалялся с поля битвы. Но спор лишь разгорался, и в этом кавардаке принимали участие дети и внуки. Лишь младший сын, который прожил четыре

1 Мой младший (идиш)

года вдали от родных и имел жену из Лодзи с современными нравами, сидел в стороне и не вмешивался, отчуждённо наблюдая за спорщиками. Наконец, кто-то воскликнул:

– Вот здесь рэб Мэйше Нэсэлинэр. Пусть он выслушает и рассудит!

– Пожалуй, пожалуй! – слышно со всех сторон. – Пусть рэб Мэйше сам скажет, кто прав.

Тотчас они оставляют в покое друг друга и сообща наваливаются на отца, которого против его воли избрали судьёй. Каждый оглашает друг к другу свои претензии, хотя из-за общего шума ничего нельзя разобрать. Однако это уже начало разрядки, спор подходит к концу.

Вначале папа старался разъединить спорщиков, но никто его не слушал. Каждый старался перекрыть своих братьев. Но мой мудрый отец знал, что накал уже миновал, и нужно дать им выпустить весь пар. Он сидел молча и делал вид, будто выслушивает их жалобы, а когда они уставали, вставал и обращался ко всем:

– Ну, евреи, пора заканчивать молитву. Сегодня суббота, дома ждут жена и дети, да и путь предстоит неблизкий.

Он ударял по маленькому столику, служившего балемером*, и возвышал свой прекрасный голос в мелодии субботнего мусэфа: «Йеку́м пурка́н мин шемайа́, хина́ вэ хисда ...»¹ И происходит чудо: все вместе, как ни в чём ни бывало, подхватывают за ним хором: «Йеку́м пурка́н ...» После окончания молитвы идём домой, кушаем субботний обед и ложимся спать.

Такие сцены часто повторялись. Папе это надоело, и он решил искать для себя миньян в другом месте. Но не так легко найти в соседних сёлах достаточное количество евреев, которые согласились бы приходить каждую субботу для пополнения миньяна. После множества неудачных попыток папе удалось уговорить нескольких евреев из села Тупалец, чтобы те приходили молиться к нам домой. Он также взял на себя все хлопоты и расходы, связанные с устройством миньяна.

Для устройства миньяна нам недоставало лишь свитка Торы, который можно было достать только в Звягеле. Папа сам поехал за ним. Он был макаровским хасидом и мог без труда получить свиток Торы в Макаровском кло́йзе. Помню до сих пор, каким счастливым чувствовал я себя, сидя в телеге на мягкой подстилке из сена и держа в руках свиток Торы. Свиток был довольно тяжёлым и почти таким большим, как я сам. Но я прилагал все силы, чтобы, Боже упаси, не выронить его из рук, особенно тогда, когда телега подпрыгивала на камнях. Время от времени папа спрашивал меня:

– Может быть, ты устал? Давай поменяемся. Ты будешь править лошадьми, а я буду держать свиток.

Я очень любил править лошадьми, но ни за какие богатства не променял бы эту почётную миссию, которую возложили на меня, и с гордостью возразил:

– Нет, папа, мне не тяжело.

При этом я ещё крепче держал в руках свиток. Мы едем дальше. Приехав домой, я чувствовал себя измученным, но очень гордился тем, что выдержал до конца.

В углу большой гостиной поставили орн-койдеш со свитком Торы, и весь дом наполнился святостью. Все домашние ощущали себя стражами дорогого сокровища, которое оберегает нас от любых напастей, и мне казалось, что все жившие по соседству евреи завидовали нам за ту честь и счастье, которые нам выпали.

С тех пор у нас был собственный миньян. Наш дом стал маленьким духовным центром для немногочисленных евреев нашего села и соседних Тупалец. Гостиная, самая просторная комната в доме, стала священным местом и всю неделю была закрыта, а мы пользовались прихожей, соединявшейся с кухней. Там мы ели и принимали гостей. В

1 «Да будут дарованы с Небес избавление и милость ...» (древнеевр.)

прихожей на кровати либо на полу спали все дети. В зал, где стоял орн-койдеш, мы заходили лишь изредка.

Я вспоминаю один случай, который перепугал меня в детстве. Однажды к нам зашёл урядник в сопровождении двух стражников. Ему было не впервой гостить в нашем доме, и он сразу направился в гостиную, где был вечный покой после того как установили орн-койдеш. Не имея выбора, мы открыли ему двери, и они тотчас же вошли туда. Я поспешил вслед за ними, чтобы сторожить орн-койдеш, хотя и не знал, каким образом. Одно было ясно мне: нельзя оставлять их там без присмотра. Они вынули из своей сумки бутылку водки и колбасу и сели за стол. При этом гости не обращали никакого внимания на тот угол, где стоял орн-койдеш с шёлковой занавеской. Но, окончив застолье, они стали разгуливать по комнате. Один из них заметил на орн-койдеш шойфер, который забыли спрятать после молитвы «неила»*, и взял его в руки. С криком «Нельзя!» я подскочил к нему. Стражник был сильно удивлён моей неожиданной дерзости перед ним, представителем власти.

– Почему нельзя?

– Это святыня, для молитв! – ответил я.

– А что с ним делают? – продолжал он спрашивать, не выпуская шойфер из рук.

– В него дуют, и выходит звук

– Значит, играют на нём? – спрашивает он, и его интерес к шойферу усиливается.

– Нет ... То есть, да ... На нём играют.

– А ты умеешь на нём играть?

– Нет, не умею, и папа тоже не умеет. Для этого надо учиться.

Попробуй объясни этому гою суть шойфера: разве он поймёт? А стражник вертит в руках шойфер, подносит его к своим губам, на которых ещё лоснится свиное сало, и пытается дуть в него. Разумеется, оттуда не выходит ни звука. Я проворно подбегаю, выхватываю у него из рук шойфер, выбегаю из дома и прячусь.

Сытые стражники разразились громким хохотом, и на этом инцидент был исчерпан. Но я этого забыть не мог. Для меня шойфер уже стал негоден, поскольку к нему прикасались порочные уста, едящие всякую мерзость и трэфное*. Вечером папа успокоил меня, только посоветовал окунуть шойфер в водный раствор уксуса и затем прополоскать чистой водой, и тогда он опять будет кошерным. Я последовал его совету и был доволен собой: шойфер спасён ...

Духовной метрополией, более того – большим нервным узлом – был для всех евреев округа Звягель, от которого тянулись во все стороны невидимые нити, приводившие в движение все части тела в самых отдалённых еврейских поселениях. Однако евреи не только **брали** из Звягеля, но и кое-что **давали** ему, одаривали его щедро и по доброй воле.

Среди тысяч нитей, связывавших сельских евреев со звягельской общиной, следует упомянуть их пожертвования через различных габаев и посланников: для цадика, ешивы, посещения больных и т.п. Посланники приезжали довольно часто и принимались с большим почётом и радушием. Они всегда находили не только накрытый стол и ночлег, но также открытое сердце и щедрую руку, и в ней кое-что, в зависимости от великодушия и материальной возможности каждого.

Звягель для сельских евреев был также жизненным центром в **семейных и общественных** делах. Во всех радостях и, Боже упаси, бедах они обращались к Звягелю. Выросла дочь, и ей искали супруга, устраивали торжественную помолвку и писали тноим*. Обычно довольствовались раввином из близлежащего местечка Соколова. Но приближались шабэс-нэхамо*, шабэс-шира*, шабэс-бэрэйшис или шабэс-шува* –

традиционные дни свадеб, и нужно было ехать в Звягель. Там искали всё необходимое для невесты и сватов: одежду, драгоценности, подарки. Оттуда привозили сарвера*, который всё устраивал для хуны и трапезы, а также раввина и клезмеров. На обычной свадьбе довольствовались небольшой капеллой из пяти-шести музыкантов, но каждая невеста из зажиточной семьи мечтала привезти на свадьбу знаменитого скрипача и руководителя большой капеллы – самого Зелига-клезмера собственной персоной. Зелиг был «нашим Стемпеню*». Да что я говорю, он был «нашим Паганини». Это имя пришло мне в голову только сейчас, а в то время оно было у нас неизвестно. Но такой была ценность нашего Зелига-клезмера.

Только та свадьба, на которой играл Зелиг, считалась настоящей. Когда он начинал играть, а вся капелла умолкала, как бы растворившись на некоторое время, все затихали и изумлённо прислушивались к волшебным звукам. Каждый погружался в собственные мысли и грёзы. Уши внимали нежный рёв струн, а сердце трепетало от трелей несчастного пастуха, который потерял своих овец, заблудившихся в густом лесу, и не мог их найти. Каждое сердце затаённо оплакивало вместе с ним утерянное счастье, прошедшую молодость, которую не вернёшь, детей, ушедших из жизни в цвете лет, заработок, который невозможно найти, муки изгнания среди иноверцев и т.д. Ведь бед и мучений у евреев предостаточно, и на душе скорбь ... Но вот внезапно раздаются иные, полные воодушевления и радости звуки: пастух издала увидал своих овец и с бурной радостью спешит им навстречу. Настроение слушателей поднимается, меланхолия исчезает, и, хотя глаза ещё влажные, сердце стучит с укрепившейся надеждой, верой в будущее ...

Рэб Зелиг Гехтман (Зелиг-клезмер)

В этом была большая сила незабываемого Зелига-клезмера, который очаровывал слушателей, раскачивал их звуками своей скрипки во всех крайностях чувств, наполнял радостью. Так было во время «базэцн ди калэ»*, когда у женщин и (нет надобности говорить) вообще у каждого после его игры лились потоки слёз, а также во время «голдэнэ юх»* и до конца. Действительно, без Зелига-клезмера не могла быть ни одна настоящая свадьба.

После свадьбы ещё много дней звучали в голове его мелодии, а сердцем владели чувства, которые он пробуждал. И много лет спустя, вспоминая прошлое, мелкие и крупные, весёлые и грустные эпизоды свадьбы, продолжали рассказывать о чудесах

скрипки Зелига-клезера.

И если, не дай Бог, в семье случилось горе, сельские евреи ехали в Звягель. Нарушено, не приведи Господь, согласие в семье, муж охладил к жене или жена к мужу, умирают дети, либо прошло несколько лет после свадьбы, а детей нет, и жена уже считается бездетной – что ещё остаётся делать еврею, если не обратиться к ребе? В Звягеле были хасиды разных цадиков: макаровские, чернобыльские, турийские, столинские и другие, которым нет счёта. Каждый молился в своём клойзе и ехал только к своему ребе, ибо только тот мог помочь. Но двор ребе далеко. Поездка была связана с большими расходами и хлопотами, и не каждый мог оставить свой дом и дела. Да и сам ребе иногда приезжал в Звягель к своим хасидам. Но сельские евреи не очень строги были в выборе: к какому ребе им обращаться? При нужде они ехали к звягельскому цадик у р.Шлёмкэ, который тоже был святым и мог помолиться за еврея, нуждающегося в милосердии и Божьей помощи. После дачи «выкупа» и ободряющих слов ребе они возвращаются домой со спокойной душой и твёрдой верой в то, что всё закончится благополучно: Бог сжалятся и спасёт. И если на самом деле приходило спасение, полное или частичное, не было и тени сомнения, что это заслуга ребе ... Еврей снова торопился в город одарить ребе мешком картошки, парой кур, а также мелкими деньгами ...

Сельские евреи искали также в Звягеле медицинскую помощь. Многотысячное сельское население не имело тогда медицинской помощи. Из-за антисанитарии время от времени вспыхивали заразные болезни, принимавшие иногда форму эпидемий. Первыми жертвами были обычно дети, которых в таких условиях не могли уберечь. Вдруг ребёнок начинает жаловаться на боли в голове или животе. Лоб у него, как будто, горячий. Кто знает, что с ним случилось. Может, съел незрелые фрукты или брал в рот какую-то гадость. Ему дают касторовое масло или зовут старую Хану, которая заговаривает сглаз. Она катает яйцо по горячему лбу и тихо шепчет заговор (нельзя понять, что и на каком языке), затем разбивает яйцо и выливает его в стакан с водой. Белок плавает, не смешиваясь с водой, и принимает разные очертания. Хана узнаёт в одном из них старую колдунью, да изгладится имя её, и произносит заклинание. Вот она, цыганка, которая несколько дней бродит по селу! Это она сглазила ребёнка и уже не в первый раз! Хана вновь произносит заклинание, снимает порчу с ребёнка и накликает всяческие недуги на злую цыганку.

Папа вообще не верил во все эти заговоры от сглаза и даже в саму силу сглаза.
– Так что с ребёнком?

– Разве я знаю? Может быть, это месячные. Так бывает у детей: растёт температура, они жалуются на боль, их рвёт. А потом всё проходит само по себе, и они здоровые.

Но состояние больного ухудшается. Тогда ребёнку на голову кладут холодные компрессы, натирают тело уксусом, дают касторку. Что ещё можно сделать в домашних условиях? Если нет другого выхода, нужно ехать в Звягель. А если больного уже нельзя везти на подводе по испорченной дороге, особенно в студёную зимнюю пору или осеннюю слякоть, нужно привезти оттуда врача. Но врач соглашается ехать в село только за высокую плату, 25 рублей, и при условии, что его привезут в фаэтоне. А это ведь ещё 5-6 рублей. К этому следует прибавить плату за лекарства, уколы и т.д. Далеко не каждый имел возможность оплатить всё это. Поэтому привозили пожилого, очень опытного фельдшера, служившего в этой должности ещё в царской армии. Он считался большим знатоком своего ремесла, выписывал как и врач рецепты. Но был у него большой недостаток: его трудно застать в трезвом виде. Когда его подводили к постели больного, он был пьян в стельку. Глаза красные, затуманенные, речь невнятная. Иногда он велел везти больного в город, в больницу, а иногда сам ухаживал за больным, и тогда опасность возрастала. Во всяком случае, из четырёх моих братьев он не спас ни одного. Все они

умерли в детстве от разных эпидемий: первый болел скарлатиной, второй – ветряной оспой, третий – брюшным тифом, а четвёртый – неизвестно чем. Папа был готов поклясться, что пьяный фельдшер **отравил** ребёнка. Будучи пьян, он налил в ложку отраву из зелёной бутылки и дал ему пить. Ребёнок вскоре после этого умер. Когда папа присмотрелся к бутылке, которая осталась на столе после ухода пьяного фельдшера, оказалось, что это была карболовая кислота.

Я не знаю, было ли это обвинение обоснованным. Во всяком случае, в голову не приходила мысль обратиться к властям и требовать медицинского расследования. Во-первых, это бесполезно, ребёнок уже мёртв, а во-вторых, само обращение к властям было сопряжено с трудностями и поездками. Кто думает о полиции, расследовании и правосудии, когда перед родителями лежит мёртвый ребёнок? И, наконец, главное. Судебно-медицинское расследование влечёт за собой, так или иначе, вскрытие трупа. А какой еврей согласится, чтобы так поступали с мертвецом? ...

Моя несчастная болезненная мама потеряла уже пятого ребёнка (одна из моих сестёр утонула в реке). Вопли её возносились до самых небес. Заламывая руки, она ежеминутно повторяла суровую жалобу:

– Господи, зачем Ты меня так караешь? ...

Под конец она упала без сознания, и её пришлось приводить в чувство.

Папа не плакал. Но его окаменевшее лицо и застывший взгляд свидетельствовали о больших душевных муках. Это немое выражение сокрушало сердце больше маминых воплей, больше самой катастрофы.

Папа запрягал лошадей, брал в руки вытянувшееся тельце и клал на телегу. Ведь нужно везти его на погребение в город, и никто за него не выполнит эту работу. Дед уже очень старый и сломлен от всех обрушившихся на него семейных несчастий. Он уже отвёз в Звягель на кладбище немало дорогих людей: жену, старшую дочь, умершую во время первых родов и оставившую крошечную девочку, любимого зятя, мужа второй дочери, и ещё столько внучат ...

Таким был последний путь каждого сельского еврея в город-мать Звягель. Так освобождался он раз и навсегда от мучений, которые причиняла ему жизнь среди иноверцев. Отныне будут лежать его кости в вечной обители среди евреев.

Где вы, простые, наивные, добросердечные сельские евреи? Куда делись вы, не удостоенные даже последней милости – покоиться на еврейском кладбище вместе с вашими родными? Звери-люди настигли вас в полях и лесах и положили конец вашим жизням, вероятно, в тяжёлых мучениях. Рука злодея разбросала ваши останки по всем осквернённым местам, чтобы не осталось от вас никакой памяти. Неизвестными были вы при жизни и неизвестными остались после смерти.

Да будет благословенна память о вас, многотысячных жертвах святой и праведной общины Звягеля!

Местечки вокруг Звягеля

... И в прекрасном свете
Виден город, вокруг него местечки ...
Вершины иного бытия,
Тропинка вверх идёт, красиво до умопомрачения.

Ш.Шалом

Гирш Розенфельд* /Нью-Йорк/

Рогачёв

В холмистой местности на западном берегу реки Случь между Звягелем и Барановкой расположено наше местечко Рогачёв, окружённое широкими полями ржи, пшеницы и гречихи. На другом берегу реки, до самого Каменного Брода, тянулся чудесный сосновый лес. К западу, за полями, у самого горизонта простирались заросли низкорослого кустарника и Халявец – помещичий участок со старыми высокими деревьями и маленьким озером посредине.

Главная улица тянулась с юга на север и имела два названия. Северная её часть, ведущая в сторону Звягеля, называлась Звягельской, а южная, в сторону Барановки – Барановской улицей. На востоке, параллельно главной улице, проходил переулок. К западу от главной улицы отходили ещё две маленькие улочки – Смолдыревская и Новая. В центре местечка широко расположился базар с кольцом магазинов и лавок (около 20), встроенных в фасады нескольких жилых домов.

Недалеко от базара, на Барановской улице, стоял бес-медреш – старое каменное здание с толстыми стенами и тяжёлыми коваными дверями. Когда мне было лет 7-8 (свыше 60 лет назад), на Барановской улице построили Макаровер клойз с двумя голубыми львами над входом. Немного позже прибавился Трискер клайзл на углу базара. В здании бес-медреша была также маленькая молельня, в которой молились ремесленники только по субботам и праздникам.

Еврейское кладбище было на Звягельской улице, почти в местечке. Но в Рогачёве когда-то было старое еврейское кладбище в самом центре, недалеко от пивоварни. Когда я был ребёнком, от пивоварни остались только старые развалины, и туда было опасно заходить: могла упасть балка или обвалиться стена. В нескольких шагах от развалин находилось обнесённое высоким забором старое еврейское кладбище. Доски забора были уже чёрными от старости и местами сгнили, надгробия попадали, разбились и стёрлись. Мне так и не удалось узнать, сколько лет этому старому кладбищу. Со временем сгнивший забор совсем обвалился, а новый не сделали. Старую пивоварню снесли. На этом месте построили большой дом. Место, на котором было кладбище, заросло маленькими деревьями, высокой крапивой и другими травами.

Недалеко от бес-медреша стояла баня. Она была в местечке важным заведением и служила источником заработка для старого Янкеля, шамеса бес-медреша. Набожные евреи каждое утро окунались в «воду», т.е. микву*. А баню топили лишь по пятницам. В этот день после полудня почти все евреи ходили в баню, чтобы очиститься перед субботой. Неевреи тоже пользовались баней, но ходили в пятницу вечером.

Сколько евреев было в Рогачёве и чем они жили?

В Рогачёве было свыше 100 еврейских домов и примерно 120 семейств. Я предполагаю, что у нас проживало примерно 400-500 душ. Около 20 семейств добывали средства к жизни от магазинов и лавок. В местечке было также примерно десяток меламедов, раввин, три шойхета, которые служили также хазанами, три шамеса, несколько мясников, бал-такса*, изготовитель свечей. Ещё было несколько портных, сапожников, каменщиков, менакеров*, столяров, плотников, стекольщиков и архитектор, старый высокий еврей, худой, с красным загорелым лицом от постоянного пребывания на солнце. Были также жестянщик, котляр, кузнец, несколько ткачей, кожевников, парикмахер, лекарь и аптекарь. Жил архитектор-строитель, высокорослый тощий еврей с загорелой кожей. В местечке были два маленьких кожевенных завода и крупорушка, позднее была возведена паровая мельница. Один еврей держал кирпичный завод, где работала нееврейская супружеская пара. Остальные евреи работали на «папиране» (фабрике папиросной бумаги) и Каменнобродском фаянсовом заводе.

В двух верстах от местечка находилась бумажная фабрика с двумя отделениями. На ней работало около сорока девушек. В первом отделении, внизу, девушки тупыми косами растирали тряпки, очищая их от застывшей грязи. Окна там забиты досками, поэтому воздух был спёртым. Девушки обматывали платками головы и рты для защиты от густой пыли. Второе отделение находилось в другом здании на втором этаже. Здесь разрезали готовую бумагу на маленькие полоски и упаковывали в свёртки. В этом чистом светлом помещении все окна во время работы были открыты. Плата в упаковочном отделении была выше, чем на складе тряпок. Рабочий день начинался в шесть утра и заканчивался в шесть вечера с обеденным перерывом всего лишь на полчаса. Работницы, опоздавшие на несколько минут, не допускались к работе. Девушкам приходилось вставать рано утром и каждый день в любую погоду ковылять две версты до фабрики и вечером обратно. Зарабатывали они 8 пятиалтынных (1 рубль 20 копеек) в неделю. Эта плата тогда считалась довольно приличной.

Мужчины, работавшие в Каменном Броде, в 8 верстах от Рогачёва, были ненамного счастливее девушек из «папирни». Каждое воскресенье на рассвете рогачёвские евреи направлялись группами с котомками харчей на плечах в Каменный Брод. В пятницу после полудня они возвращались домой на субботу. Вместе со взрослыми работали 10-12-летние мальчики. Взрослые, как и мальчики, обеспечивались на неделю ночлегом в домах каменнобродских рабочих.

Лавки были одним из источников доходов евреев Рогачёва. Но лишь немногие лавочники и ремесленники жили на широкую ногу. О богачах Воловниках, владельцах бумажной фабрики, и говорить не приходится: те жили как помещики. Все остальные едва сводили концы с концами. Были евреи, правда, немногие, которые имели такой низкий доход, что, если бы их не выручали время от времени подаянием, они бы умерли с голода.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что 10-12-летним детям приходилось идти работать в Каменный Брод или к ремесленнику, чтобы помочь семье. Эти дети едва умели читать на древнееврейском. Но и в те годы были у нас молодые пареньки, уезжавшие в далёкие города в поисках работы и образования. Некоторые, в конце концов, получали образование, другие обучались хорошему ремеслу.

Рогачёвские евреи и их руководители

В мои юные годы Рогачёв был набожным местечком. Но уже было в нём несколько маскилим (среди них мой отец Буним блаженной памяти), которые хорошо знали древнееврейский, изучали «Морэ нэвухим»*, «Кузари»* и другие полуфилософские произведения. Они также читали «Кнэсэт Исраэль»* и «Га-Шахар»*, даже «Хатэот нэурим»* Мойше-Лейба Либиенблюма* и «Га-дат вэ га-хаим» Браудеса*. Один из них имел «Зихронот ле-бэйт Давид» и «Парижские тайны», которые читали все. Потом к ним присоединилось несколько молодых – «настоящих маскилим». В их числе был и я, юноша, вернувшийся домой из ешивы.

Все эти люди относились к «Ховевей Цион». Они часто разговаривали между собой на иврите. Молодые выучили несколько ивритских песен: «Ойя ки отиа ани», «Шошана» и др. Они пели их так душевно, что даже старшие прислушивались и тихо им подпевали. Разумеется, что старшие маскилим ходили молиться и иногда ещё заучивали лист Талмуда.

За этой группой евреев следуют холостяки и старшие евреи, которые сидели и учились в бес-медреше. В их число входили Шмуль-Лейб, сын престарелого Менделя-шойхета, и его шурин Шмуль Лангер. Оба больше всех в местечке занимались изучением Торы. Особенно выделялся Шмуль-Лейб, фамилия которого была Островский (его сын Борух Островский – глава местного совета колонии Раанана в Израиле), прославившийся на весь край своей большой эрудицией и острым умом. К тому же, он умел рисовать и сочетать цвета чернил, которые сам готовил. В Рогачёве Шмуль-Лейб использовал весь свой талант, разрисовывая восточную стену синагоги. Линии его были изящными, рисунки – живыми, а краски – удивительно спокойными и плавными. Кроме того, он был человеком добродетельным.

Среди пожилых евреев, которые ходили учиться в бес-медреш, были Меер Нусис и старик Ици. О старике Ици говорили, что он уже десять раз изучил весь Талмуд. К старику иногда обращались парни из бес-медреша с вопросом о каком-либо отрывке из Геморы. Меер Нусис приходил в бес-медреш только на рассвете. У него было своё постоянное место у восточной стены. Прийдя в бес-медреш, он зажигал керосиновую лампу, которую оставлял для него вечером Янкель-шамес перед уходом домой, подходил к большому шкафу с книгами, вынимал оттуда Гемору, ложил на свой стендер* и раскрывал. Затем вынимал коробку с табаком, разрывал наполовину листочек папиросной бумаги, скручивал сигарку и закуривал. Первая пара затяжек была глубокой. Он выпускал много дыма сквозь толстые усы и начинал тихо напевать мелодию Геморы. Никто не осмеливался подойти к нему и беспокоить в эти минуты. Характер у него был скверным. Он внимательно следил за всеми и знал, что делается в бес-медреше: кто усердно изучает Тору, а кто втирает очки.

Этот старый злой еврей стал сердито смотреть на меня, когда я сошёл с прямого пути и начал учить русский язык. Понятно, что он избегал вступать со мной в контакт. И я делал то же самое. Просто не хотел его огорчать. Но оказалось, что он знал обо всех моих делах. Об этом я узнал позже, когда меня арестовали в бес-медреше. Это было в 1904 г. на Симхас-Тойре во время чтения Торы. К бес-медрешу подъехали пристав с жандармом, послали двух сотников, которые вывели меня наружу. Пристав спросил меня, хочу ли я идти пешком домой из-за праздника или подъехать с ним. Я не хотел идти между сотниками и выбрал последнее. А в это время в бес-медреше была паника. Половина молящихся вышла посмотреть, что будет со мной. Но переполох быстро прошёл. Я сел в бричку вместе с приставом и поехал. После того как перетрясли наш дом и ничего не нашли, меня отпустили. Позже отец мне рассказывал, что происходило в бес-медреше,

когда меня увели оттуда. Большинство евреев, разумеется, сожалели о моём аресте. Все думали, что меня сошлют на вечную каторгу или спустят через тюремную трубу в Днепр и утопят там, как поступают со многими бунтовщиками. Лишь один, Хаим Лейбишес, зашёл в бес-медреш, вознёс руки и радостно воскликнул:

– Слава Богу, избавились от этого безбожника!

Услышав эти слова, старый Меер Нусис аж побледнел от гнева и закричал:

– Как смеешь ты, смутьян Израиля, так говорить о нашем Гершоне? Ведь он пожертвовал своей жизнью, чтобы каменнобродские евреи зарабатывали большой кусок хлеба и не трудились так тяжело ... Что ты сделал в своей жизни для несчастных?!...

Эти энергичные слова охладили нахального Хаима Лейбишес, который еле-еле отвертелся от старого Меера Нусис и выбежал из бес-медреша. А я наивно полагал, считал, что Меер Нусис ненавидит меня.

Несмотря на удручающую бедность, Рогачёв отличался большой щедростью по отношению к своим и чужим нищим. Было несколько добровольцев, которые возложили на себя обязанность обход домов местечка в канун каждой субботы и сбор пожертвований для нуждающихся, которые по болезни или из-за стыда не могли сами просить милостыню.

У нас было братство «Омрей тилим»*. Большинство его членов были ремесленниками. Каждую субботу на рассвете они шли в молельню читать псалмы. Один из них, Лэйб Борухс, каменщик, обладавший чудесным тенором, будил для чтения псалмов. В самые сильные морозы, снег и дождь Лэйб Борухс обходил всё местечко и пел:

«Исраэль, ам кдошим
Штэйт иф, штэйт и-и-и-ф
Ла-аводат га-бо-о-рэ,
Ки ле-ках но-о-о-царта.»¹

Всех должен был Лэйб Борухс пробудить ото сна, только не портного Матэса. Матэс-портной на самом деле был «латутником»: латал лохмотья, ремонтировал рваные кофухи для крестьян округи. В воскресенье утром он уходил в одно из сёл в поисках работы и приходил домой лишь в пятницу в полдень. Матэс был очень набожным и довольствовался всю неделю коржиками, которые пекли для него украинки, жареной картошкой и кислым молоком. И так – неделя за неделей.

Если бы Вы глянули на Матэса-портного, то увидели бы коренастого, но очень худого еврея. Казалось, что он едва держится на ногах, и его можно опрокинуть одним дуновением ветра. Но этот еврей был редким силачом. Очень тихий человек, однако время от времени показывал большую силу. Не в драках, Боже упаси, а в играх. На исходе субботы, после гавдалы*, чтобы развеять печаль в тускло освещённом доме с наступлением будней, он хватал деревянное корыто, сажал туда своих двоих 7-8-летних детей, поднимал корыто одной рукой или зубами и носил по дому. Соседи сбегались, чтобы увидеть его истинную силу, и с изумлением глазели на трюки. Но ни разу не случалось, чтобы Матэс поднял на кого-то руку. Даже когда кто-нибудь состязался с ним, он боялся, как бы не зашибить того одним ударом на смерть.

В субботу на рассвете, ещё до того как Лэйб Борухс приходил будить для богослужения, Матэс вставал и читал псалмы с такими сладко-печальными напевами, что

1 «Евреи, народ святой,
Вставайте, вставайте
Для богослужения,
Ибо для этого созданы вы .»

они расходились в каждую часть тела.

Большинство молодых ремесленников уже брилось. Зелигл-сапожник, Шмерл Зейдлс и его брат Лейзерл, Михл Ароникс и его друзья брили бороды и не оставляли никаких признаков пейсов*, хотя их отцы были набожными евреями. Один из этих приятелей, рядом с которыми мне из-за набожности не хотелось стоять, был Лейви Сосис, столяр-ученик лет 19-20. Он ходил молиться в бес-медреш вместе с отцом и младшими братишками. Щёки у него были каждую пятницу вечером аж синими, потому что он «в честь субботы» брился у парикмахера. Разумеется, на него я не мог смотреть.

И вот однажды, как раз на Симхас-Тойре, в Рогачёв прибыла компания сусловских мужиков, которые везли тюки бумаги в Полонное на железнодорожную станцию. Эти мужики очень часто проезжали с грузами через Рогачёв. Здесь они останавливались посреди базара возле корчмы, кормили лошадей, пили водку и чем-то закусывали. Но был праздник. Никто из пекарей не продавал хлеб на базаре, корчма была закрыта. Мужики постучали в несколько домов, но никто не хотел им продавать. Они остановили несколько евреев на улице и стали к ним задирать. Слово за слово – и началась драка. Сусловские мужики стали бить окна и избивать любого еврея, который им попадался.

В местечке поднялся шум: сусловские мужики бьют евреев. Стали бежать на базар. Я тоже побежал, увидел толпу дерущихся и услышал страшные крики. Некоторые мужики срывали замки с лавок, другие били стёкла в домах. А евреев на базаре было недостаточно для сопротивления. Вдруг к толпе мужиков от угла базара рванулся Лейви Сосис. Держа в руке ножку от стола, он стал рубить направо и налево. Мужики увидали на себе кровь, испугались и стали бежать в панике к подводам, сбивая на бегу своих дружков. Но Лейви Сосис не успокоился. Тем, кто немного отстал, досталось от него порядочно. Через несколько минут все мужики разбежались ...

С тех пор я так полюбил Лейви Сосис, что следовал за ним по пятам и больше не замечал его гладко выбритого подбородка. Он вырос в моих глазах, став героем, который спас местечко от погрома. Я сравниваю его с Самсоном-богатырём и в душе испытываю по сей день благоговение к нему.

Доктор Давид Моисеевич Торговец

В 90-х годах прошлого столетия в Рогачёве поселился молодой еврейский врач Давид Моисеевич Торговец – высокий, широкоплечий молодой человек с каштанового цвета, мягкими, слегка вьющимися волосами, голубыми глазами, коротко остриженной, каштанового цвета бородкой и открытым приветливым лицом. Он приехал со своей женой Софьей Константиновной и тремя маленькими детьми – мальчиком и двумя красивыми девочками. Прошло немного времени, и все жители местечка уже знали его как хорошего врача и как добросердечного человека, готового помочь любому, кто нуждался в его помощи. Говорили, что он не только не берёт денег у бедных больных, но даже оставляет несколько пятиалтынных на лекарство.

Д-р Давид Моисеевич Торговец

Но этим благодеянием д-р Торговец не довольствовался. Наряду с лечением больных, молодой доктор также стал пробуждать в сердцах молодёжи потребность в светском образовании, интерес к национальным проблемам, современной еврейской и мировой литературе. Первым делом он привлекал к себе лучших меламедов, знавших ТаНаХ и грамматику. Одного из них, моего отца, он взял для обучения своего мальчика. С этими меламедами он запланировал основать современную талмуд-тору, в которой будут учить иврит, как в больших городах, а также русский язык.

С талмуд-торой дело сразу пошло на лад. Сняли большую красивую квартиру, обставили её маленькими стульями и столами, повесили на стену большую чёрную доску, закупили учебники, еврейские и русские, Хумеши и ТаНаХи. Наняли двух учителей из меламедов древнееврейского языка для 30-40 учеников, которые начали обучать по новой системе: иврит на иврите.

Д-р Торговец стал хозяином. Он доставал деньги, чтобы покрыть недостачу, занимался снабжением талмуд-торы, часто посещал уроки. В этой талмуд-торе учились также дети состоятельных родителей, которые оплачивали обучение. О бедных детях заботился уже д-р Торговец. Разумеется, что параллельно с талмуд-торой существовали также хедеры. Некоторые из них из-за конкуренции вынуждены были выделить 1-2 часа на русский язык, которому обучал нанятый учитель.

Именно благодаря тому же доктору Торговцу в Рогачёве становилось всё больше и больше учителей. Он знал каждого парня, который учился в бес-медреше, и ждал, пока тот не станет зятем на содержании. Некоторые из них ехали в соседние сёла на кондицию. Таких парней доктор Торговец привлекал к себе, советовал им остаться в местечке и взяться серьёзно за учёбу для поступления в университет.

Так он переубедил Мойше Новомейского, который позже стал известен в литературе на идиш под именем М.Ольгин*. Новомейский тогда был меламедом на кондиции в соседнем селе Смолдыреве. Д-р Торговец познакомился с ним, когда больного Мойше привезли с кондиции, и он пришёл его лечить.

Семья Новомейских прибыла к нам в Рогачёв из села Бук Киевской губернии. Его отец работал (кажется, бухгалтером) в лесу, который должен был откупить у рогачёвского помещика один еврейский лесоторговец. У Мойше был ещё младший брат и несколько сестрёнок. Отец, вероятно, не имел больших заработков, и Мойше вынужден был что-то

предпринимать. Поэтому он поехал на кондицию.

Во время лечения д-р Торговец уговорил Мойше остаться дома и взяться всерьёз за учёбу. Так и произошло. Выздоровев, Мойше нанял комнатку у вдовы Перл-Нехамы и приступил к учёбе. В то же время он организовал класс из нескольких парней, младших его. В классе с учениками он проводил лишь 2-3 часа в день, а всё свободное время учился самостоятельно. Излишне говорить, что Торговец много помогал ему в учёбе. Он показывал ему, что учить, какие учебники приобрести, иногда помогал решить задачу или проверял сочинение.

У д-ра Торговца был шурин, Гирш Гохштейн, который учился на аттестат зрелости. Торговец свёл их обоих. Гирш на каникулах тоже давал в местечке частные уроки. Так в Рогачёве постепенно сформировалась сильная тяга изучать «христианскую Тору». Ученики этих двух молодых людей сами очень быстро становились учителями. И даже их ученики, которые только что закончили курс учебника русской грамматики, тоже начали обучать других. Неожиданно Рогачёв прославился на всю округу. Молодёжь из Барановки, Полонного и ближних сёл приезжала в Рогачёв на учёбу. Даже пареньки, которые ходили на работу в Каменный Брод, и девушки из «папирни» стали учить русский язык.

В то время д-р Торговец, у которого было много книг, основал в своём доме библиотеку. Любой желающий мог прийти к нему и одолжить книги, и люди использовали эту возможность. У доктора также можно было достать газеты и журналы. Внезапно в Рогачёве просветлело. Молодёжь стала в массовом порядке укорачивать капоты, стричь пейсы, разговаривать по-русски и петь украинские песни даже посреди улицы. Некоторые даже осмеливались курить папиросы в субботу ...

Полместечка стало немного просвещённым, молодёжь училась и читала книги. Появились книги на идиш: «Йом-тов блэтлэх»* И.-Л.Переца*, «Ди кляче» Менделе Мойхер Сфорим*, произведения Шолом-Алейхема, от которых получали большое удовольствие. Однако Торговец этим не удовлетворился. В Рогачёве было ещё значительное число рабочих, которые не умели читать даже на идиш. И Торговец решил помочь им тоже. Он не успокоился, пока не организовал вечерние курсы для взрослых, не имевших возможности учиться в молодости.

Так Рогачёв стал центром образования всей округи. Многие местечки последовали примеру Рогачёва. Одним из них был Каменный Брод. Несколько рогачёвских парней, которые учились у учеников Новомейского, поехали в Каменный Брод и обучали там молодых рабочих. Позже, когда возник «Бунд», это принесло большую пользу.

В 1897 году д-р Торговец решил поехать за границу, чтобы пройти курс подготовки в определённой отрасли медицины. Когда он был за границей, в Базеле проходил I сионистский конгресс. Будучи националистически настроенным в то время и подружившись с «Ховевай Цион», д-р Торговец приехал на конгресс как гость. Возможно, что он нарочно запланировал использовать этот курс, чтобы побывать на сионистском конгрессе и представлять там наш край. Однако русские сионисты официально не считались делегатами из-за страха перед преследованиями. Поэтому д-р Торговец был, несомненно, зарегистрирован как гость. Вернувшись назад, он с большим воодушевлением рассказывал о работе конгресса нескольким членам «Ховевай Цион», которые после этого стали сионистами.

Излишне говорить, что Торговец и несколько маскилим-сионистов делали всё, что могли, чтобы распространить сионистскую идею. Помню, как однажды доктор вместе с этой группой устроил в Макаровском клойзе специальное собрание о сионизме. На

собрании выступали два оратора – мой отец блаженной памяти и д-р Торговец. Речь отца я уже не помню, а доктор свою речь начал так:

– Мой народ! Мой бедный несчастный народ! Встань! Встань и сбрось с себя цепи! ...

По телу у меня пробежали мурашки от этих слов и от того, как он их произнёс. Я был тогда ещё мальчишкой. Больше мне ничего не запомнилось.

Однако его увлечение сионизмом было недолгим. В те годы в городах и местечках Волыни разгорелось более сильное движение. Я имею в виду рабочее движение под руководством еврейского рабочего «Бунда» в Литве, Польше и России.

Первые известия о «Бунде» привёз в местечко студент Киевского университета Аншелес, зять нашего богача Янкелэ Воловника, владельца фабрики папиросной бумаги. Приезжая в гости к тестю, Аншелес очень часто заходил в дом к Торговцу, познакомился также с Новомейским-Ольгиным и некоторыми его учениками. Здесь до полуночи велись острые дискуссии о социализме, сионизме, марксизме и революции. Именно Аншелес ввёл позже Новомейского в «Бунд», когда тот поступил в Киевский университет.

Интеллигенция Рогачёва во главе с д-ром Торговцем стала прислушиваться к отголоскам нелегального революционного движения. Но реальная деятельность началась только после приезда представителя «Бунда» Гершона Равребе. Он был родом из Полонного, учился в бес-медреше и несколько лет жил в Житомире, готовясь в качестве экстерна* к экзамену на аттестат зрелости. Когда уже пришло время сдавать экзамены, Гершон забросил учёбу и стал членом житомирской организации «Бунда». Когда Новомейский уехал в Киев, Равребе приехал в Рогачёв учителем на его место. Получив по рекомендации Новомейского частные уроки, он организовал кружок по изучению политической экономии по книгам Богданова и Железняка, «Манифеста Коммунистической партии» Маркса. Равребе также предпринимал усилия для организации каменнобродских рабочих.

На мою долю выпало организовать первый кружок в Каменном Броде, поскольку я там немного учительствовал и был знаком со многими рабочими фаянсового завода. Собралась группа из десятка молодых рабочих. К сожалению, их имена я уже не помню. От житомирского комитета «Бунда» мы получили несколько нелегальных брошюр. Равребе и я специально ездили в Житомир за этой литературой. Заодно мы получили несколько русских брошюр, и дело пошло на лад.

Летом мир перед нами открылся по-новому. Мы начали встречаться с каменнобродскими рабочими в живописном лесу в нескольких вёрстах от местечка. С каждым разом круг слушателей возрастал, а однажды собралось несколько сотен рабочих Рогачёва и Каменного Брода. Мы тихо усаживались на бархатисто-мягкую зелёную траву. Когда приходил последний каменнобродский рабочий, подзывали патруль, сдвигались, и Равребе начинал говорить. Тихий шелест деревьев, мерцание далёких звёзд и мягкий голос оратора смешивался с дыханием и биением сердец слушателей, и нас всех уносило куда-то в мир иной, желанный мир свободы и равенства. Когда Равребе закончил, раздались аплодисменты, и рабочие стали выдвигать лозунги, казалось, что весь лес прислушивался к нашему галдежу ...

Расходились мы с песнями, каждый своей дорогой. Через некоторое время завели разговор об организации забастовки на заводе в Каменном Броде, но я и Равребе находились в это время в Бердичеве. Для руководства забастовкой житомирский комитет «Бунда» послал старого революционера Хаскеля Лихтмахера, который отсидел шесть лет в Бутырьках.

Когда разразилась забастовка, арестовали её руководителей. Мне кажется, их звали Кавкэ, Цимириг и Бэрл. Был ещё один или двое, чьи имена я не помню. В числе арестованных был и д-р Торговец. Их продержали короткое время в большой Звягельской

тюрьме и затем освободили. Позже арестовали в нашем доме Хаскеля Лихтмахера и отвезли в Звягельскую тюрьму.

Забастовка немного облегчила положение рабочих завода, и это придало смелости другим. В самом Рогачёве готовились бастовать девушки, работавшие на бумажной фабрике. Я и Арл Майн, совсем юный парнишка из зажиточной семьи, принялись за организацию девушек. Не знаю, как сложилась судьба у Арла Майна. У меня было такое впечатление, что в нашем движении растёт великий оратор. Присутствовать во время забастовки девушек мне, однако, тоже не было суждено, поскольку я был арестован и увезён в Звягельскую тюрьму.

Когда я вернулся домой, мне рассказали, что один престарелый еврей, Леви-Ици Сундельзон, заставил двух своих дочерей идти работать во время забастовки, хотя даже христианские девушки из сёл содействовали в забастовке. Леви-Ици дружил с моим отцом и хорошо знал меня. А я дружил с его сыном, моим ровесником Срулыком. Однажды, когда Леви-Ици встретил меня после освобождения, он хотел приветствовать меня благословением «матир асурим»¹. Я отпрянул от него и с гневом бросил в лицо: «Штрейкбрехер» ...

Леви-Ици был надсмотрщиком на фабричном складе тряпок. В его очень большой семье было двенадцать или тринадцать детей. Администрация угрожала ему увольнением, если он не приведёт на работу хотя бы двух своих детей. Этот местечковый еврей никогда не слышал о забастовках и не понимал, что бастующие могут заставить администрацию принять его обратно. Поэтому он покорился администрации.

Звягельская группа

Полагаю, что о звягельской группе маскилим, писателей и сионистских деятелей напишет наш всеми любимый писатель Ш.Ц.Зецер. Я здесь коснусь лишь маленькой группы звягельских социалистов, за исключением Аврума и Бузи Ческисов, которых в то время уже не было в Звягеле.

Эта группа, принадлежавшая к ядру «Бунда», состояла примерно из десятка молодых рабочих и нескольких девушек из состоятельных семей, в том числе двух сестёр Ческис, а также Хисе, Этл и Пнины. Среди парней были Айзик Вайс, Аврумчик и Аншель, изготовители стульев, Шулим Гехт, Йошке-кузнец, Алтер Винарик, Дувид Перельмутер и ещё несколько. Я здесь не упоминаю товарищей Исака Шлаена и Элю Ротенберга, потому что их революционная деятельность проходила в других городах. В Звягеле мы поддерживали дружеские отношения с польским студентом Островским, который был старше нас.

Мы, рогачёвцы, часто приезжали в Звягель, привозили нелегальную литературу и проводили 2-3 дня вместе со своими городскими товарищами. Звягельчане тоже часто бывали в Рогачёве. Настроение после житомирского погрома было очень подавленным. Мы боялись, что и у нас вспыхнут погромы.

Как-то осенью в одну из суббот после полудня (я как раз был тогда в Звягеле) распространился слух, что завтра, в воскресенье, сусловские мужики готовятся совершить погром в местечке. У них уже всё организовано, есть даже оружие. Мы собрались и стали обсуждать положение. Оружия у нас не было, достать его можно было только в Житомире. Но поездка дилижансом продолжалась бы всю ночь туда и столько же обратно. Так что оружие прибыло бы лишь в понедельник утром, т.е. после погрома. Сидим мы так и ломаем себе головы: что делать? Вдруг отзывается Йошке-кузнец:

1 Здесь приведена часть цитаты «Господь разрешает узников» – Тегилим (Псалмы) 146:7

– У меня есть план. Давайте сделаем большие кинжалы. Кинжалом тоже можно отогнать погромщика. Я иду сейчас в кузню и начну работать. Как вы считаете, друзья, сколько кинжалов нам понадобится?

Кто-то сказал:

– Штук двадцать пять.

– Хорошо, до рассвета я успею, – ответил Йошке, поднялся и ушёл в кузню. Он работал всю субботу после полудня и ещё целую ночь. На рассвете у нас было уже достаточно кинжалов, чтобы распределить их между всеми товарищами, вступившими в самооборону. Мы собрались в молельне раввина р.Мордкелэ и, как мне кажется, принесли туда все кинжалы. Когда я получил кинжал, мне аж темно стало в глазах. Придётся вонзать его в хулигана-погромщика. Как-никак, он ведь тоже человек. А после этого нужно ещё этот кинжал вытаскивать ... Выдержу ли я это испытание? Всё же я взял кинжал и вышел патрулировать улицы. На душе было очень тяжело. Я боялся не так за собственную жизнь, которая сейчас находится в опасности, как за то, что должен убить человека ... К счастью, весь день прошёл спокойно. Суловские мужики даже не думали о погроме, и в воскресенье под вечер мы снова собрались и с лёгкой душой сложили эти ужасные кинжалы.

Я должен здесь упомянуть ещё об одном. Когда меня арестовали и привезли в Звягель, об этом сразу же стало известно в городе. Прошло немного времени, и друзья стали ходить в участок, где я был заперт первые дни, и носить мне еду и табак. Тогда я не знал, кто обо мне проявляет заботу, лишь сейчас эта тайна раскрылась. Ента Перельмутер рассказала, что её дед и мой престарелый дядя, шойхет Симхе-Буним приносил специально для меня мясо из мясной лавки, велел его сварить и отнести мне в тюрьму. «Хоть не будет голодать. Он же беспокоится о других, а не о себе», – говорил Симхе-Буним домашним, озабоченный моей судьбой. Дядя хорошо знал, что я был безбожником. Но я был дорог ему тем, что заступался за евреев и помогал улучшить их тяжёлое положение. Такое отношение было у дяди и к другим социалистам.

Среди звягельских социалистов следует упомянуть также Эзру Брахмана и Йегоше Эйдельмана. Эзра Брахман, приезжая домой из Одессы, несколько раз навещал д-ра Торговца в Рогачёве. Я никогда не забуду, как замечательно выступал он с речью и как глубоко анализировал положение. Все в доме, включая доктора, очарованно слушали его и ни разу не перебивали. Кроме того, у него было красивое утончённое лицо, которое нельзя забыть. Я слышал, что при большевиках он стал профессором в одном из университетов России. Возможно, жестокий режим убил и его во время «чистки» ... Кто знает?

О Йегоше Эйдельмане я не слышал с 1906 года, т.е. с тех пор, как уехал в Америку. Он тоже нередко приезжал в Рогачёв и проводил там несколько дней. Большим удовольствием было сидеть с ним и слушать его речи в доме д-ра Торговца. Каждый раз, когда он приезжал к нам, мы проводили совместные собрания с каменнобродскими товарищами. Где он сейчас?

О Корце помню я очень мало. У меня такое впечатление, что в мою бытность там было мало социалистов. Лично я был в Корце лишь пару раз. Во время моей последней поездки в Корец в 1905 году самой активной там была молодая работница Рэйзл, которая в настоящее время живёт в Нью-Йорке.

Моё местечко Рогачёв

В моём родном местечке Рогачёве проживало примерно 150 семей. Меньшую часть составляли торговцы, большую часть – ремесленники, часть работала на бумажной фабрике Воловника, в 3 милях от местечка. Их зарплата составляла 4-6 рублей в неделю, и за эти средства нужно было содержать семью из шести-восьми лиц. Целую неделю жили бережливо, но в четверг возникала проблема: чем справлять субботу? Многие семьи не имели на субботу халы*. Большинство еврейских девушек работало на фабрике с ранней юности. Матери слёзно умоляли Боруха-старосту выдать им метрики, согласно которым дочке исполнилось десять лет, чтобы её приняли на фабрику. Девушки работали в ужасных условиях. После окончания рабочего дня их лицо и туловище были покрыты пылью, у многих болели лёгкие. Они сортировали тряпки и очищали их перед варкой в котле для производства бумаги. Замужние женщины пытались как-то содержать свою семью: вязали и шили для крестьян, некоторые молодые женщины кормили грудью младенцев из состоятельных семей. Еврейское кладбище находилось почти в самом местечке. И во время посещения могил предков в месяце элуле ещё громче звучали стоны, призывавшие заботиться о живых и страждущих.

Движение за улучшение экономических и политических условий жизни в нашем местечке возглавили д-р Торговец, его сестра Ольга и Мойше Новомейский (Ольгин). Ольгу арестовали и увезли на ужасную инквизицию в Житомирскую тюрьму, поскольку она отказалась быть доносчицей. Молодёжь, разделившаяся тогда на бундовские и сионистские группы, рвалась в большие города, где евреям разрешалось проживать. Те, кто побогаче, уезжал на учёбу, а рабочая молодёжь отдавала себя в залог на два года, чтобы научиться ремеслу. Некоторые юноши учились также в Звягельской ешиве и затем становились учителями.

Старшее по возрасту население разделялось на турийских и макаровских хасидов. Время от времени в местечке появлялся проповедник, и в субботу днём народ собирался в бес-медреше. Все проповедники выдвигали одни и те же призывы о необходимости быть набожными, рассказывали страшные истории об аде и рае и о том, что этот мир является лишь коридором к тому свету.

Река Случь, протекавшая возле местечка, доставляла много удовольствия. Летом молодёжь купалась, а зимой каталась на льду.

В годы первой мировой войны многих мужчин мобилизовали. Были раненные и убитые, появилось немало вдов. После революции большая часть молодёжи вступила в Красную Армию, боровшуюся за демократию и справедливость. Вскоре немцы заняли Украину, поставили правительство во главе со Скоропадским, наложили тяжёлые контрибуции и вывозили трофеи на свою родину. Когда немцы покинули Украину, начали бушевать банды Петлюры и Деникина, грабили еврейские дома под предлогом поисков оружия и убивали тех, кто им сопротивлялся. Но вскоре Красная Армия заняла наше местечко, и евреи стали дышать свободнее. Но она оставалась у нас недолго и отступила под натиском польской армии. Последняя обстреляла местечко снарядами, а Красная Армия оставалась в лесу за рекой. Заняв Рогачёв, польская армия приказала всем евреям в течение двух часов покинуть местечко, поскольку ожидаются большие сражения. А когда мы через несколько недель вернулись, всё в наших домах было разграблено.

В моей памяти запечатлелись два эпизода из того периода. 1. Польская полиция

сделала еврейское население ответственным за охрану коммуникаций, которые часто подрывались подпольным сопротивлением. Вдруг раздался взрыв возле дома Гершла-Менделя Гершмана. Всё еврейское население было потрясено. Оказалось, что один из его мальчиков нашёл на поле снаряд и принёс этот «подарок» домой. Одного сразу убило, а второй ещё прожил несколько часов. Пока второй ещё оставался живым, коменданту удалось выведать, где он нашёл снаряд. Таким образом были спасены все остальные. 2. Йосиф Генесис Кипнис приехал из деловой поездки и увидел, что местечко осаждено крестьянами, некоторые из них с оружием. Они ему рассказали, что звон церковных колоколов возвестил смолдыревских и суемецких крестьян об опасности, грозящей со стороны рогачёвских евреев, которые хотят их уничтожить. Поэтому крестьяне собрались, чтобы опередить евреев и напасть на них. После долгих переговоров удалось привести в местечко группу крестьян и убедить их в том, что евреи не замышляют никакого нападения. Так удалось избежать резни в местечке. А в соседнем со Звягелем местечке Каменном Броде крестьяне, натравленные незнакомыми людьми, убили 80% мужчин.

Вскоре в местечке вспыхнула эпидемия тифа, которая не миновала ни одного дома. Единственный врач, оставшийся в местечке, организовал молодёжь на помощь больным. Ворвалась банда петлюровцев и расстреляла врача посреди улицы из-за того, что тот пытался отрицать своё еврейство. Все больные остались без медицинской помощи.

В это время много молодёжи эмигрировало в Россию и Польшу. Некоторым удалось связаться с родственниками в Америке и при большой помощи «Гайаса»* эмигрировать туда.

Моё родное местечко Барановка

Растопыренная кисть

Посреди дороги из Звягеля в Полонное стоит моё родное местечко Барановка. С той далёкой поры, как я её покинул, представляется она мне в виде распростёртой растопыренной кисти руки. Широкая базарная площадь в центре местечка напоминала мне распростёртую ладонь, а улицы, тянувшиеся от неё – растопыренные пальцы. На самом деле было их гораздо больше пяти, и не все одинакового размера. Эта растопыренная кисть была открытой со всех сторон. Её услугами пользовались приезжавшие сюда жители местечек и сёл округи. Ворота трёх больших заезжих дворов, стоявших поблизости друг к другу посреди базара, были всегда открыты и готовы вместить все подводы с грузом и экипажи с пассажирами. Каждое воскресенье или во время ярмарки базар заполнялся крестьянами округи, которые привозили свою продукцию и таким образом снабжали в местечке всех лавочников. Возле трёх заезжих дворов, в которых обычно останавливались приезжие торговцы, толпились еврейские спекулянты и маклеры, совершавшие сделки.

Разумеется, как и во всех других местечках, в Барановке хватало своих нищих: вдов, обременённых детьми, опустившихся ремесленников, калек, нуждающихся и «знатных» (то ли разорившихся, то ли просто неудачников по своей натуре). Главное пропитание они черпали из получаемого ими «пособия» и тайного подаяния. Но подавляющее большинство в местечке считалось зажиточным и в достатке добывало средства для жизни.

Я весьма сожалею теперь, что мне ни разу не приходило в голову расспросить у местных старожилов об истории местечка. Кто же были те предки, которые строили дома на этом месте, между Звягелем и Полонным? Когда была основана Барановка и почему так названа? (От слова «баран» – смотри статью Арье Блувштейна «Барановка»).

В детстве я не раз бывал на еврейском кладбище: в день Тишебов* и в месяце элуле* вместе с отцом, а в другие дни – с компанией подростков. Мы, дети, часто рвали незрелые маленькие яблоки, которые росли там в изобилии. Кладбище заросло старыми деревьями. Ряды между могилами были узкими, а многие деревянные надгробия сгнили. Всё это свидетельствовало о многолетнем поселении евреев в местечке. Но ни разу у меня не было в мыслях искать даты на этих старых надгробиях, чтобы определить по ним годы жизни его обитателей. Тогда я был ещё мальчишкой, и подобные исследования меня не интересовали. А когда немного вырос, меня, как и моих друзей, беспокоил другой вопрос: как уехать отсюда?

Маскилим-экстерны

Так же, как я не обращал внимания на исследование истории Барановки, не приходило мне и в голову узнать число её жителей. Сейчас я помню только, какие улицы были более протяжёнными и заселёнными, а какие – менее. Во всяком случае, очень маленькой Барановка не была. Возле неё были гораздо меньшие местечки. В четырёх синагогах, насколько я помню, кроме женских отделений, вероятно, молилось 600-700 мужчин. Исходя из этого, мы можем определить приблизительно количество её жителей.

Однако я хорошо помню и знаю наверняка, что число знатоков святого Писания было очень маленьким. Почти все домохозяева, кроме нескольких служителей культа, раввина, шойхетов, 3-4 меламедов и, может быть, ещё примерно миньяна изучающих Тору, едва понимали раздел Хумеша и главу Мишны с комментариями Раши*. Большая часть была простыми невеждами и не умела читать на древнееврейском. Зато в местечке было ещё в начале прошлого столетия довольно много просвещённых евреев, экстернов-маскилим, которые добились своего образования самостоятельно и изучали, главным образом, классиков русской литературы, а также политическую экономию. Лишь немногие из них знали также ивритскую литературу Гаскалы.

Откуда проникла в местечко тяга к просвещению, которая в определённой мере превышала окружающие местечки, какие жизненные факторы побуждали к этому – это, как и многое другое, меня мало интересовало. Я воспринимал это без всякого размышления. Хочется только вспомнить двух старших маскилим – Хайкеля Фогеля и Бенциона Винокура. Первый из них был уже в мои детские годы глубоким стариком из поколения старых ивритских маскилим времён И.Эртера* и Авраама-Бэра Готлобера*. В нём сочетался знаток святого Писания и маскил. Второй, Бенцион Винокур, был моложе его и ещё более невозмутимым в своём свободомыслии. Он воспитывался на «Га-Цефира»* Слонимского* и «Га-тоэ бэ-дарке га-хаим»* Смоленскина.* О нём рассказывали, что один из богатых домохозяев Барановки привёз его молодым из одного близкого местечка как жениха из хорошей семьи для своей дочери. А после свадьбы тесть в качестве приданного построил ему лавку по продаже зерна. Но этот молодой человек предпочёл торговле в лавке проповедование Гаскалы среди молодёжи и дружеские беседы с местными бездельниками. Каждое утро он открывал лавку, но сразу же оставлял её на произвол судьбы и уходил к соседним лавочникам вербовать новых приверженцев Гаскалы. Находившиеся поблизости свиньи крестьян, учуяв запах зерна в открытой лавке, начинали рыться в ней и пожирать зерно, в то время как Бенцион с воодушевлением рассказывал о Слонимском и Смоленскине. И они опустошали её до тех пор, пока Бенцион из торговца не стал меламедом-маскилом.

Эти маскилим представляли в местечке поколение Гаскалы, но их воспитанники, как поступают всегда хорошие ученики, ушли намного дальше их в своём просвещении. В те годы – канун первой русской революции – у них было ещё стремление вырваться из обычного традиционного уклада жизни своих родителей. Революционный порыв увлёк их, цели изменились. Прежнее воодушевление Гаскалой сменилось у них новым революционным пылом, и они бросились со всем юношеским энтузиазмом в революционное движение против царского режима.

Теперь они откладывали в сторону «Граматику» Кирпичникова, «Математику» Верещагина и «Географию» Иванова, начали собираться на конспиративные собрания и обсуждали, как свергнуть с престола царя Николая Второго. Каждую ночь, когда местечко погружалось в глубокий сон, зажигались маленькие укромные огоньки в окнах женских отделений синагог. Там собиралась революционная молодёжь и занималась делами, которыми нельзя было заниматься при дневном свете. Многие родители потеряли покой и сон, беспокоясь о своих детях: как бы их, Боже упаси, не схватила полиция за политику. Не один из них хотел ворваться в женское отделение и насильно увести оттуда своего сорванца, но тут же останавливал себя, признавая, что уже не имеет никакой власти над ними и напрасными будут его старания. Родители ворочались в постелях до поздней ночи и не успокаивались до тех пор, пока до их ушей не доходил тихий скрип дверей и не входил украдкой их сын или дочь. А когда они рано просыпались и шли в свои лавки, им попадались наклеенные на стенах домов революционные воззвания, написанные большими буквами красным по белому: «Долой деспотический режим! Николай, сходи с

престола!» ... Родители быстро расходились по улочкам местечка, чтобы стереть или сорвать со стен воззвания, прежде чем в местечко приедут мужики.

Рабочие фарфорового завода в Барановке

После этого, в 1907-08 гг., когда царские жандармы одолели борцов за свободу в Барановке и многих других местечках, и революционный порыв был жестоко подавлен, парни огляделись и увидели, что в революционном пожаре сгорели их лучшие годы и осталась пустота. Немногие из «Паолей Цион» репатриировались в Эрец-Исраэль, а их противники, бундовцы, эмигрировали в Америку. Арестованные были сосланы в места отбывания наказания. А оставшиеся в местечке стали временными учителями для нового подрастающего поколения 12-13-летнего возраста. Днём они обучали своих учеников, а ночью занимались самообучением и готовились к экзаменам-экстернам за 4 или 6 классов государственной гимназии в Житомире. Год за годом ехали они на экзамены и каждый раз возвращались сконфуженными. Но не из-за того, что не знали гимназических предметов (их они как раз знали больше, чем нужно). Жестокие экзаменаторы-антисемиты нарочно издевались над ними и чинили преграды. Иногда их подводило и обилие знаний, в которых они сами же запутывались.

Однако маскилим не прекращали поиски новых общественных идеалов. А когда революционный порыв утих, они примкнули к толстовству. Однажды, в канун субботы, во время обеда были демонстративно отодвинуты в сторону тарелки с традиционным жарким, и парни торжественно объявили своим матерям: «Мы – вегетарианцы, толстовцы, и отныне больше не притронемся к мясному!» С тех пор Толстой и его учение стали очень популярными в Барановке. Прошло немного времени, и к моему отцу, раввину, явилась делегация толстовцев и задала вопрос: можно ли кушать вегетарианскую пищу, которая варилась в горшках для мясного?

Я помню местечковых маскилим-экстернов, которым было уже за тридцать и которые держались особняком. Они были всегда погружены в мысли о своём мире, который так быстро разрушился. Несмотря на гордую выправку, их грустные глаза выражали душевные муки. Все были холостыми и незамужними, несмотря на близкие дружеские отношения между собой. В местечке говорили, что они ищут для себя цель.

Поколение гимназистов и студентов

В те годы в каждом доме незаметно выросло новое молодое поколение, которое совершенно отличалось от своих предшественников, маскилим-экстернов. Никакие политические или общественные идеалы не интересовали их. Но и к традиционной жизни родителей и их занятиям они чувствовали отвращение. Это было подвижное, энергичное, жизнерадостное поколение. Единственным его стремлением было вырваться из местечка в большие города и стать там гимназистами или студентами.

Большинство родителей одобряло их выбор, было довольно, что их дети намерены стать врачами, и помогали им добиться этого. Основы знаний по русскому языку, математике, истории и географии эти юноши и девушки получали от временных учителей, маскилим-экстернов, а затем ехали в Житомир, Киев, Одессу и поступали в гимназии. На праздники и летние каникулы они приезжали в Барановку, одетые в гимназическую форму, вызывая уважение и зависть у местечковой молодёжи. Барановка прославилась на всю округу как «интеллигентное» местечко.

Как мне кажется, уже в те годы в местечке можно было видеть ясные признаки упадка. На первый взгляд, всё выглядело как прежде. Рано утром лавочники спешили в свои лавки, а ремесленники – в мастерские. В синагогах, которые и прежде не были заполнены во время утренних и вечерних молитв, за исключением субботы, не ощущалось, что число прихожан постепенно убывает. Из близлежащих сёл на подводах в местечко приезжали торговать крестьяне. На дороге через Барановку из Звягеля к железнодорожной станции в Полонном было как всегда много торговцев, чиновников и других проезжих. Каждый день они делали короткую стоянку на базарной площади, заворачивали в заезжие дворы, чтобы подкрепиться и немного отдохнуть, или вели торговые дела. К вечеру возвращались местные лавочники на подводах, наполненных товаром, который привозили из Звягеля, Полонного и Любара, где был сахарный завод. А торговцы из ближних местечек, которых заход солнца заставал на обратном пути, останавливались в Барановке на ночлег.

Среди бела дня Барановка продолжала внешне вести нормальную жизнь, как в прежние годы. Но к вечеру, как летом, так и зимой, когда мрак распространялся по местечку, цельность местечка нарушалась, и оно делилось на три части. Первая: домохозяева, купцы, лавочники, ремесленники и меламены; вторая: маскилим-экстерны; третья: молодое поколение – гимназисты, студенты, а также те, кто намеревался стать ими. Каждая часть шла своим особым путём, и Барановка больше не представляла собой единое общество.

Старые родители торопились ложиться спать, и в большинстве домов местечка гас свет. Синагоги погружались в мрак ещё вечером, сразу после вечерней молитвы. Желавших изучать Тору по ночам, как и в прежние годы, не было, а странствующие проповедники давно перестали читать проповеди в местечке из-за небольшого количества слушателей. Лишь иногда, по субботам, собирали они подаяния. Два-три раза в году приезжали на неделю в местечко к своим хасидам цадики из Макарова р.Шаелэ и р.Мойше-Мордкелэ, а также р.Нухимци из Острополя – ребе ремесленников. Они поселялись в заезжих дворах местечка. Их приезд немного ободрял оставшихся хасидов. А когда они уезжали, старики оставались наедине со своей печалью.

Маскилим-экстерны к вечеру тоже оставались дома вместе с родителями и не находили себе покоя. Ложиться спать ещё рано, а выйти погулять – стыдно перед своими юными учениками, наполнявшими шумом улицы местечка. И они украдкой медленно

прогуливались вдвоём-втроём возле своих домов, разговаривали шёпотом и быстро возвращались домой.

А молодое поколение заполняло летними вечерами все улицы и дороги. Компании юношей и девушек прогуливались до поздней ночи вдоль главных дорог, ведущих в Звягель и Полонное, а также по главной Заводской улице. Приезжавшие на каникулы гимназисты рассказывали о шумной жизни в больших городах, а те, кто готовились к поступлению, слушали их с бьющимся от вожделенного желания сердцем. В своём воображении они уносились на край света и совершенно забывали о своей маленькой Барановке.

Теперь родители спали спокойно и больше не переживали за детей, которые приходили поздно домой. Совсем не то что лет десять назад, когда их старшие братья целыми ночами сидели в женских отделениях синагог и печатали воззвания против самодержавия. За это поколение родители были спокойны и мечтали увидеть скоро своих детей врачами. Разве приходило им в голову, что ожидает их торговлю и ремёсла, когда их дети станут докторами? Подумали они, что будет тогда с их Барановкой? Похоже, что каждый думал только о собственном «удовольствии», своём сыне или дочери.

Последним из могокан в местечке, который стоял на страже старого мира и продолжал бороться, был мой старый отец блаженной памяти, человек богобоязненный и честный. Он был тихим простодушным евреем. Один короткий путь был у него всю жизнь: из дома в близкий бес-медреш. И дома, и в бес-медреше он проводил дневные и вечерние часы за Торой и молитвой. В спорах со мной он наивно утверждал:

– Сколько вас, небольшой миньян?! ...

А я жалел его и не отвечал, что скоро у него самого не останется миньяна в синагоге.

И вот настал день, когда я объявил ему, что еду в Одессу. Папа побледнел от внезапного удара и обратился ко мне, запинаясь:

– Значит, и на тебя подействовал этот яд?

Через минуту он вознёс руки к книжному шкафу и тихо пробормотал сквозь слёзы:

– Эти священные книги остались у меня по наследству от прародителей-раввинов. А кто будет их изучать после моей смерти? ...

На восходе революционного солнца

Не прошло и полгода с тех пор, как я уехал в Одессу, и в России разразилась мартовская революция 1917 г. Весть о революции привезли два еврея-торговца, которые проезжали через местечко из Звягеля в Полонное. Местечковые евреи сперва этому не поверили, пока не получили «Киевскую мысль». Газета прибыла в местечко, как обычно, на следующий день после выхода в свет, и в ней большими буквами чёрным по белому писалось об этой радостной вести.

Никакая другая весть, кроме вести о приходе Спасителя, не могла бы так обрадовать местечковых евреев, как весть о революции. Шёл третий год первой мировой войны, и число «зайцев», как называли скрывавшихся от воинской мобилизации, достигло нескольких сотен. Пристав, который представлял в Барановке царскую власть, был известен во всей округе как взяточник и смотрел на это сквозь пальцы. Поэтому «зайцы» из многих населённых искали здесь пристанище под покровительством пристава-благотетеля. Не было тогда дома в местечке, в котором на чердаках или других тайниках не прятались «зайцы». Было немало домов, где скрывались отцы и взрослые дети. Но чем больше было «зайцев», тем больше пристав требовал денег за каждую «голову». Все были у него на учёте. Постепенно он разорил многие семьи в местечке, которые нищали так или иначе из-за пребывания в укрытиях глав семейств, кормильцев. Но к большим суммам

взяток прибавлялся также ежедневный страх перед штрафными отрядами, которые в поисках дезертиров часто делали обходы местечек

Это произошло между Пурим* и Пейсах¹. Как и все годы, многие были заняты подготовкой к празднику, выпечкой мацы, но люди ходили хмурые и подавленные. Казалось, что на всё местечко обрушится бедствие, если скоро не придёт Избавление. И вот в те тяжёлые дни пришла неожиданная весть о революции. Как только «Киевская мысль» подтвердила эту весть, внезапно появилась энергичная еврейка Стыся, которую из-за этого называли «мужеподобной». Она бегала из дома в дом, стучала в двери и кричала:

– Эй, «зайцы», выходите из нор! В Петербурге рабочие совершили революцию и свергли Николая с престола!

Этим Стыся не довольствовалась. Она собрала их всех, повела торжественной процессией по всем улицам к дому пристава и потребовала у него вернуть все деньги, которые он от них получил. Испуганного пристава, готовившегося уехать из местечка, застали тогда за упаковкой пожитков. Он сразу же вынул из кармана несколько сотенных ассигнаций и передал Стысе.

Три-четыре дня Барановка была без власти, пока из Звягеля не прибыл один парень, комиссар новой революционной власти в уезде, который собрал всех жителей, христиан и евреев, на большой базарной площади, чтобы они избрали местный революционный совет. Шмулик Шпринцес, столяр и старый революционер-бундовец с 1905 г., который уже не надеялся увидеть собственными глазами революцию, так обрадовался, что не удовлетворился общим собранием, а поспешил привести капеллу клезмеров и раввина. На этом он не успокоился и послал за шамесом, чтобы тот принёс свиток Торы. Нашёлся также революционер-христианин, который позавидовал евреям и привёл вскоре попа с хоругвями из церкви. Комиссар выступил с торжественной речью о значении революции, семь местных жителей были избраны в революционный совет. Запели «Марсельезу», а клезмеры в заключение исполнили фрейлехс* и другие мелодии, которые обычно играют на свадьбах. Так справили в Барановке революционный праздник за несколько дней до начала праздника Пейсах.

Но идиллия продолжалась недолго. В мае в местечко на каникулы приехали студенты и гимназисты из Житомира, Киева, Одессы и других городов. В первые месяцы революции в больших городах они увидели истинное лицо революции и убедились в том, она вовсе не идеальная, как полагали их родители в маленькой Барановке. Взволнованной приехала молодёжь в местечко, страстно желая дать волю своей революционной энергии. Если бы у них был хотя бы единый политический взгляд, эта идиллия, возможно, не была бы нарушена. Но они принадлежали к различным партиям, существовавшим тогда в России: социал-демократам, эсерам, большевикам, бундовцам, объединённым, «Паолей Цион», «Цеирей Цион» и т.п. Ещё в поезде, по пути в Барановку, между ними вспыхивали пламенные споры, служившие как бы репетицией перед той общественной работой, которую каждый мысленно готовился выполнять. Тотчас по прибытии они созывали собрания своих партий. Поскольку в местечке не было залов для собраний, по вечерам, после окончания рабочего дня, занимали синагоги, из-за чего неоднократно откладывалась вечерняя молитва.

Лёва, член партии «объединённых» и студент юридического факультета, был разгневан, узнав о том, как отмечали революционный праздник. Это был высокий широкоплечий парень с выразительным лицом и решительным взглядом. Несмотря на то что Лёва был тогда только на втором курсе, и до окончания учёбы оставалось ещё три

1 Пейсах 1917 г. начинался вечером 7 апреля

года, он уже готовил себя к профессии адвоката и научился говорить возвышенно. На первом собрании партии «объединённых», которое состоялось в Большом бес-медреше, Лёва громогласно возвестил тенором:

– Революция – это не местечковая свадьба, на которой играют клезмеры, и не «далёкое будущее», когда будут развлекать раввин и поп, а свитки Торы будут соседствовать с хоругвями ... Революция – это прежде всего классовая борьба между эксплуатируемым пролетариатом и мерзкой плутократией. Революция – это кровь ...

Его слова нагнали страха в местечке, и на следующее утро, во время молитвы, когда папа снял тфилин Раши, перед тем как наложить тфилин Рабэйну Там*, его окружили молящиеся и рассказали о том, что проповедовал вчера Лёва в этом бес-медреше. Папа покачал головой и сказал:

– Думаю, эта революция нужна только гоям, а не нам, евреям.

Если бы ему дали сидеть спокойно и учить Тору, он бы, конечно, отказался добровольно от этой революции, которая пришла без его желания и ведома, и совсем не интересовался бы ей. Однако революция, которая быстро распространилась по всему местечку и проникла во все его уголки, увлекала за собой каждого и не обошла стороной папу.

В столицах России, Петрограде и Москве, других больших городах шла тогда кровавая борьба между кадетами и октябристами справа, эсдеками и эсерами в центре и большевиками слева. Судьба революции ещё не была решена и зависела от того, кто победит в этой борьбе. Но в Барановке, как и в многих других еврейских местечках, уже спорили о создании демократических общин, как будто революция уже стояла на прочном фундаменте. Здесь разворачивалась война между социалистическими партиями, с одной стороны, и сионистскими и близкими им партиями, с другой стороны. В стране велись тогда две войны: одна, нееврейская, была кровавой войной за само существование революции, а другая, еврейская, была словесной войной за формирование облика революции.

В Барановке, например, спор вёлся, главным образом, по двум основным пунктам: о выборах совета народно-демократической светской общины и об учреждении народной светской школы. Бундовцы, «объединённые» и «Поалей Цион» требовали, чтобы языком преподавания в школе был идиш, а «Цеирей Цион» хотели иврит. Те и другие проводили собрания в синагогах и дискутировали до поздней ночи. Для усиления своего влияния время от времени привозили знаменитого оратора, и всё местечко было взбудоражено. Потоки речи лились со всех сторон.

Увидел один из руководителей «Цеирей Цион», что «левые» берут верх, подумал и собрал домохозяев местечка с авторитетом из общины во главе, которые ещё не принадлежали к какой-либо партии, выступил перед ними и организовал как общих сионистов. Те никогда не были сионистами, но всё-таки понимали, что в такие дни, когда всё решается через партийные организации, хорошо бы им тоже вступить в партию, пусть даже общесионистскую. Членом комитета этой организации был избран и мой отец, местечковый раввин, который не был «ускорителем событий» и терпеливо ожидал прихода Мессии. Папе пришлось против своей воли заседать в комитете общих сионистов и принимать участие в революционной полемике. Понятно, что этот комитет общих сионистов самостоятельно палец о палец не ударил без указаний руководителя «Цеирей Цион».

Из-за такого мудрого тактического приёма значение фракции в глазах левых упало, и они на своих собраниях осуждали клерикально-буржуазное обличье «Цеирей Цион». Но руководителю «Цеирей Цион» удалось ловким манёвром укрепить положение своей фракции: была создана дружественная партийная организация, членами которой стали

весьма влиятельные лица.

Очень бурной была революционная полемика в местечке в те летние дни. Неоднократно одна сторона с помощью разных провокаций мешала своим противникам проводить собрания. Порою едва не доходило до драк. Но это не помешало студентам и гимназистам, которые были тогда главными ораторами в местечке, сохранять между собой как и в прежние годы дружеские отношения. В отличие от маскилим-экстернов, которые оставались неисправимыми холостяками, у гимназистов и студентов с юного возраста завязывались интимные отношения, независимо от партийной принадлежности. Юношам из «объединённых» нравились девушки «Цеирей Цион» и наоборот. Лозунг товарища Лёвы о классовой борьбе не находил у них отклика. И свободными вечерами, в перерывах между собраниями или выборами, компании молодёжи из различных политических лагерей и партий как и раньше отправлялись на прогулку по Заводской улице. В конце улицы за заграждением стоял большой дворец помещика Гриппари с большим садом. Вход туда для жителей местечка был до сих пор закрыт. Теперь ограждение было взломано, и открывалась широкая дорога к зелёным лугам на берегу реки Случь, протекающей недалеко от местечка. Сам Гриппари, которому принадлежал большой фарфоровый завод, вскоре после начала революции бежал из Барановки, и одним из первых постановлений местного революционного комитета было открытие сада для гуляющих. Отныне еврейская Заводская улица служила лишь проходом во время вечерних прогулок компаний молодёжи, а сами прогулки проводились среди аллей сада и возле прудов большого загадочного сада Гриппари. Оттуда шли к лугам его брата до реки Случь. Гулявшим не зубоскалили псы из христианских домов. Революционный дух свободы, по-видимому, настолько овладел собаками, что те перестали лаять. Подойдя к реке, компании отплывали на лодках, и при свете звёзд или луны смешивалась громовая песня анархистов «Га-шемеш зорахат аль пнэй адматну»¹ с песней тоски по далёкой родине М.-Ц.Мане* «Айех, айех адмат кодеш»².

Картина тех дней и ночей будет неполной, если я не уделю в ней место экстернам-маскилим, революционерам 1905 года. Сразу после начала революции 1917 г. их словно обдуло свежим ветерком и пробудило ото сна после долгих удушливых лет реакции. Они бродили взволнованные, потрясённые и, казалось, грезили наяву, не в силах постичь своими чувствами это великое чудо. Но, понемногу привыкнув к этой новой жизни, они поняли, что она им чужда. Казалось, будто кто-то ввёл их в заблуждение. Не такими были их желания и мечты 13 лет назад. Революция виделась им более идеальной, тихой и скромной. Тогда они предполагали, что вместе со свержением с трона Николая Второго сбудутся их красивые грёзы. Такое впечатление, что революции ещё не было. Сейчас в Барановке их место заняли шустрые студенты и гимназисты, которые по своему обыкновению наполняли улицы шумом и криком. А они, старые настоящие революционеры, оставались снова в стороне. Так и продолжали они тем летом гулять втихую по вечерам возле своих домов.

В круговерти бедствий и разрушений

Если мне не изменяет память, летние каникулы в России в том году продолжались три месяца. С началом нового учебного года из Барановки выехали все студенты, гимназисты и прочие учащиеся, и местечко утихло. Казалось, что революционному порыву пришёл конец. Но события в стране, развивавшиеся с головокружительной быстротой, охватили и Барановку, правда, без какой-либо зависимости от молодёжи местечка, которая

1 «Солнце сияет над нашей землёй» (ивр.)

2 «Где ты, где ты, Святая земля» (ивр.)

находилась тогда далеко от него.

Неудачное наступление Керенского на фронте ободрило первый мятеж большевиков в столице, который закончился за считанные дни полным провалом. После этого вспыхнул мятеж монархистского генерала Корнилова, который был тоже быстро подавлен Временным правительством при активной помощи большевиков. Но прошло немного времени, и вспыхнула вторая революция большевиков в ноябре, и на сей раз они стали властителями страны. В Брест-Литовске было подписано соглашение о мире между новыми правителями России и Германии, в результате чего войска императора Вильгельма заняли всю Украину и возвели на престол гетмана Скоропадского. На этом революционной власти в Украине пришёл конец. В Барановку, как и в остальные поселения Украины, возвратились прежние чиновники. Под их покровительством вернулся и помещик Гриппари, который вновь загородил чудесный парк вокруг своего дворца. Его охраняла немецкая стража. Местечковые евреи боялись приближаться к нему из опасения быть заподозренными в революционности. Но колесо событий остановилось лишь на короткое время. Вскоре оно совершило второй оборот, и в этой головокружительной круговерти между его зубцами была раздавлена, вместе с другими еврейскими поселениями страны, и маленькая Барановка.

Когда осенью 1918 года в Германии вспыхнула революция, немецкие войска, которые своей мощью нагнали тогда страх на всех, начали бежать в беспорядке, оставляя за собой оружие и боеприпасы. С их уходом одним махом была стёрта власть гетмана Скоропадского. С тех пор началась цепь бедствий и разрушений: погромная зверская власть Петлюры; война большевиков с украинской Радой; короткое завоевание Украины большевиками; восстание крестьян, уничтожившее сотни еврейских общин; завоевание Украины погромными армиями польских генералов Пилсудского и Галера; стремительное контрнаступление большевистской кавалерии на Варшаву и её быстрое отступление; погромные насильничающие кавалеристы генерала Будённого; новое завоевание части Украины польскими войсками и заключение мирного договора между Россией и Польшей в Риге 20 октября 1920 г., согласно которому Звягельский уезд до реки Горынь¹ был передан советским властям.

Разруха в Барановке не отличалась от общей разрухи во всех еврейских городах и местечках. За зверскими погромными убийствами последовали эпидемии гриппа и тифа, уничтожившие массы людей. Те, кто остались живыми, напоминали призраков.

Как сухие мумии стояли без окон и дверей взломанные пустые лавки. Большая базарная площадь сгорела, дорога из Звягеля в Полонное стала безлюдной. Местные крестьяне уже не приезжали в местечко. Покупать и продавать они не хотели, да и платить было нечем. Если у кого-то оставалась ценная вещь или праздничная одежда, он приносил их в сёла и выменивал у крестьян на пуд муки или мешок картошки. Растопыренные пальцы руки, дававшей в изобилии пропитание, были обрубаны до кисти, а сама кисть сморщилась и высохла. Новой власти не нужно было много трудиться, чтобы выравнивать всех жителей: за последние годы богатые сравнялись с нищими.

Почти вся революционная молодёжь лета 1917 года не вернулась в местечко. В больших городах она включилась в огромный аппарат советской власти и Красной Армии. А местные органы власти в местечке сейчас возглавили приезжие комиссары. Им активно помогали здешние пареньки, бывшие подмастерья, которые теперь достигли высокого положения. Свои обязанности они выполняли энергично, с верой и умением. А большинство просвещённой молодёжи стремилось поскорее уехать из местечка за границу. Ещё зимними ночами в начале 1921 г. они вблизи Полонного сначала по одному,

1 Граница проходила по реке Корчик

а затем маленькими группами переходили через границу в Польшу. Большая часть их затем прибывала в Эрец-Исраэль.

Кто передаст мне привет?

Когда пришла моя очередь прощаться с домом и местечком, чтобы перейти границу в одну из тёмных зимних ночей, отец стоял возле кровати и читал молитву «Шма»*. Губы его тихо шептали: «В Твою руку предаю дух мой; Ты избавлял меня, Господи, Бог истины ...»

Он протянул мне на прощание руку с немой покорностью и принял печальный приговор нашей вынужденной разлуки. Потом я получил сначала весть о смерти отца, а ещё через несколько лет – о смерти мамы. Оба они умирали в больших страданиях. Короткие письма, которые я получал из дома сначала от родителей, а затем – от сестёр и единственного брата, рассказывали мне об их страданиях и ужасном одиночестве. Одна цитата, которая время от времени повторялась: «Счастливый ты, что живёшь там ...», – объясняла мне то, о чём они боялись рассказать мне открыто.

Последнюю почтовую открытку я получил от сестры. Она послала её 22 июня, в тот день, когда гитлеровские войска вторглись в Украину, а вражеские самолёты бомбили окрестности местечка: «Дай Бог, чтобы я могла написать тебе снова», – было её последним желанием. Только оно не сбылось. Больше она не писала, и по сей день я не знаю, как и в какой день встретила она свою смерть вместе со второй сестрой, братом и всеми остальными жителями местечка.

Кто передаст мне привет из моего бедного местечка Барановки и отчего дома? Уцелело ли что-нибудь от него? Куда делись священные книги отца? Не распахан ли еврейское кладбище под зерновое поле? ...

Барановка

Ещё 200 лет назад, когда немногочисленные украинцы занимались здесь, главным образом, выгоном мелкого рогатого скота, местечко называлось Барановцы (от слова «бараны»). Это название было изменено на Барановку польской помещицей Юзефовой, которая построила здесь фарфоровый завод, что привело к поселению в местечке нескольких евреев из Польши и Галиции. Пока не была построена железная дорога Шепетовка – Новоград-Волынь (Звягель), Барановка служила промежуточной станцией на дороге между Полонным и уездным городом Звягелем, а также местом ночлега и отдыха для верениц экипажей и проезжавших.

Когда была проложена новая железная дорога, движение совершенно прекратилось, и местечко было изолировано. Но это не повлияло на его экономическую и культурную жизнь. Его жители, примерно 300 семей, зарабатывали, главным образом, на торговле и ремесле и лишь немногие из них работали на фарфоровом заводе. Обладая энергией и коммерческим чувством, многим евреям удавалось установить торговые связи со многими центрами Украины и Польши, куда они вывозили товары местного производства: фарфоровую посуду и стекло, древесину, стулья и т.д. Это способствовало улучшению экономической жизни в местечке.

Власть в местечке была в руках пана, который составил план застройки немногих улиц по примеру большого города. Следствием этого является красивый облик местечка, расположенного на берегах Случи и отличавшегося своим величием. Его жители гордились этим, вели тихую безмятежную жизнь и были преданны друг другу как члены одной большой семьи.

Немногие из местечковых изучали Тору, так как большинство их было погружено в заботы повседневного заработка. Несмотря на это, Барановка отличалась большими интеллектуальными силами. И сейчас в разных странах можно найти немало выходцев из местечка среди специалистов во всех отраслях науки. Стремление к просвещению среди молодёжи началось, главным образом, в конце XIX века и охватывало также тех, кто не имел денежных средств. Энергичная молодёжь начала уезжать в большие города, главным образом в Одессу, и со временем возникло поколение просвещённых и разных специалистов: писатели, учителя, врачи, адвокаты. Особенно отличился Ихил Равребе* – сын р.Шимона Равребе, шойхета и контролёра, который, находясь в бес-медреше, сумел выучить в совершенстве шесть языков. Многие из этих просвещённых не находили места в местечке и рассеивались по городам России, а также уезжали за границу. Глава общины Детройта журналист д-р Шмарье Клейнман и управляющий известным банком в Кливленде г-н Мойше Гузман – выходцы из Барановки. Некоторые добрались также до Эрец-Исраэль и занимались там земледелием, административными работами и т.п.

Из видных людей, служивших на благо жителей и разных учреждений, следует отметить Боруха Шумахера блаженной памяти – старосту общины, уроженца Звягеля, Шахнэ Гринфельда, который был также делегатом сионистской конференции в Ленинграде, раввина Шмуля Маргуляна и ребе р.Шмуля Блувштейна блаженной памяти. Эти люди не жалели своего времени и энергии и создавали разные учреждения взаимопомощи, например, ссудо-сберегательное товарищество, общество взаимного кредита, общество пособия бедным и больным евреям, еврейскую больницу, современную ивритскую школу и др. И в национальной работе выделялась Барановка, служившая для

близких поселений центром сионистской деятельности.

В первую мировую войну и особенно после октябрьской революции начался большой по масштабам отток в большие города России. Петлюровские погромы привели к также к эмиграции за границу. Петлюровцы замыслили истребить еврейское население. 7 тамуза 5680 г.¹ они собрали всех мужчин в Большую синагогу и сообщили им, что сожгут вместе со зданием, как это делали в других местах. Вся толпа сжалась от испуга. И вдруг Ицхок Файерберг (теперь в Аргентине) открыл орн-койдеш и взволнованно обратился к убийцам. Ему удалось повлиять на них. Получив вознаграждение, убийцы успокоились, а евреи были спасены.

В 1917-20 гг. в местечке возникло национально-культурное движение. Партия «Цеирей Цион», организованная после революции, работала с большой энергией. Проводились лекции, и среди докладчиков был Менахем Рибалов* блаженной памяти, д-р Пинес и поэт Ицхок Ламдан* блаженной памяти, которые приезжали к нам из Звягеля. Две библиотеки были в местечке, и в них много книг на иврите и идиш. Местные активисты участвовали в работе уездной конференции в Звягеле и сионистской конференции в Ленинграде.

Но с переменами, произошедшими в России вследствие октябрьской революции, все эти учреждения исчезли. Вместо них правительство создало новые организации с очевидным большевистским направлением. Завершился прекрасный период кипучей интересной жизни. Население понемногу привыкало к переменам. Злодейский нацистский режим уничтожил жестоким образом всё местечко и стёр его с лица земли.

1 23 июня 1920 г. Здесь, очевидно, имелось в виду 7 тамуза 5679 г., т.е. 5 июля 1919 г.

Моё местечко Барановка

В память о моих братьях-мучениках
из родного местечка Барановки,
убитых врагами

Моё местечко Барановка ... «Барановкер стрицерс» называли нас. И за что? – За то, что мы любили чистоту, порядок и великолепие. Я не погрешу против истины, если скажу: «окно в Европу», очевидно, открывалось сначала у нас и лишь затем в соседних местечках. Мы выглядели странными в глазах соседей своей склонностью к чистоте, свежему воздуху и воде. Помню, как удивлялись люди, когда в нашем доме были установлены зимой двойные форточки в окнах, в то время как в остальных домах окна заклеивались бумагой на всю зиму, чтобы вовнутрь, Боже сохрани, не проникло немного холодного воздуха. Мы также были единственными в своём роде, когда приобрели деревянную ванну для мытья дома вместо хождения в общественную баню. С быстротой распространялись в нашем местечке правила гигиены, и мы были, во всяком случае, считали себя передовыми во всём. Также успешно развивались у нас дружеские отношения с неевреями. Деловые связи с людьми двух вероисповеданий поддерживались не только родителями. Нам разрешалось встречаться с христианской молодёжью в свободное от учёбы время. До сих пор, погружаясь в мысли, я непроизвольно пишу несколько строк по-русски. Евгения Яковлевна Перлмутр – так звали меня в еврейско-русском обществе. Не просто по-домашнему Шейнлэ, или Женя, как в народной школе, а именно так, как упоминалось выше. И другие друзья были согласны с подобными именами. Но это было в юности. Помню, как в детстве у меня произошёл неприятный случай. Наш дом был напротив христианской церкви. Что-то толкало меня войти и посмотреть, что делается там внутри. Однажды я отважилась и вошла. Увидела священника, предметы религиозного культа и молящихся. Никто не обратил на меня внимания. Во время молитвы все упали на колени, продолжала стоять лишь я. Невидимая рука пыталась нагнуть меня и поставить на колени, но я убежала. Ничего страшного не произошло. Затем я стала заглядывать в дома русской интеллигенции, не пострадав от этого. Мы вместе устраивали прогулки в большом парке, ходили на поляны, собирали красные ягоды, плыли на лодке по чудесной реке Случь, протекающей вблизи нашего местечка, и даже вместе устраивали постановки, в том числе несколько пьес Чехова. Русские интеллигенты посещали наши представления вместе с просвещённой еврейской молодёжью. Мы лелеяли мечты о братстве и равенстве. Так продолжалось до тех пор, пока к власти пришли красные, и я не поехала в Харьков продолжать учёбу. Моя сестра Бейла была уже в Эрец-Исраэль. С ранних лет она мечтала об этом. Мы были сердечно привязаны, но Бэйла уехала одна в Польшу. Там она полностью посвятила себя детям сиротского дома И.Белкинда. Через некоторое время сестра репатриировалась в Эрец-Исраэль.

Я жила в интернате для девушек педагогического института в Харькове. Зима была тяжёлой и жестокой, не было топлива. Мы были полуголодные, но я принимала всё с любовью, поскольку верила в построение социализма и братство народов. Но в одно прекрасное утро пришло заявление от семьи Х., наших соседей из Барановки, в котором указывалось, что я не достойна пользоваться благами государства, поскольку являюсь сионисткой из буржуазной семьи и т.д. Ведь у моего отца блаженной памяти была

маленькая смолокурня, в которой он работал сам и иногда брал себе помощников. Этой семье папа помогал открыто и втайне. Но их положение было тяжёлым, и они всегда завидовали мне и моей сестре за то, что наши родители жили экономно и посылали нас учиться. В результате этого доноса меня вскоре исключили из института, и я была вынуждена вернуться домой. Прошло немного времени, и я стала свидетелем кровавых событий. До конца жизни буду я помнить вторжение в наш дом погромщиков. Особенно буду помнить дерево, которым мы гордились. Погромщики излили на него свою ярость и выкорчевали. Оно давало необыкновенные белые вишни (марель). От смерти мы спаслись только благодаря хранившимся в погребе запасам варенья, фруктовых напитков и других лакомств, которые приготовила мама (чистая душа и благословенные руки). Спустившиеся в погреб погромщики набросились с жадностью на лакомства и забыли про нас. Это нас спасло.

Пусть эта заметка послужит поминальной свечой для наших близких, погибших в те дни и во время последней Катастрофы.

Моё местечко Каменный Брод и завод Зусмана

Каменный Брод, возле Звягеля, благодаря заводу Зусмана стал местечком с населением почти в тысячу человек. Вся промышленность состояла из большого завода, на котором производились фаянсовая посуда (тарелки, миски, блюда), другая домашняя утварь, а также декоративные изделия, рассылавшиеся по уезду. Население местечка, за исключением нескольких семей ремесленников, едва содержащих себя, зарабатывало на жизнь работой на заводе.

Однако это местечко, каким бы маленьким и бедным оно ни было, однако по своей культуре стояло выше соседних более крупных местечек. Несмотря на это, его называли «деревней», и почтово-телеграфной конторы здесь не было. Она находилась в близлежащем местечке Рогачёве, откуда почту привозили в заводскую контору.

Некоторые рабочие-счастливчики, чьи родственники жили в «золотой стране», часто шли пешком в Рогачёв, чтобы быстрее получить письма.

Рядом с Каменным Бродом находился красивый сосновый лес, распространявший весной повсюду аромат и привлекавший гостей-дачников. Одни приезжали лечить больные лёгкие в хороших климатических условиях, другие – наслаждаться здоровым воздухом и красотой природы. Они предавались богатым развлечениям, и местечко оживало. Был здесь свой фельдшер, считавшийся мастером на все руки, даже в вырывании зубов. К доктору нужно было ехать 30 миль в город Звягель. Не один человек умер преждевременно из-за того, что вовремя не могли найти врача. В местечке была также синагога с полишем* под ней, баня, разумеется, с различием для бедных и богатых, но веники, шайки и миква – одинаково для всех. Под баней тоже был полуподвал. Там останавливались нищие, которые в большом количестве прибывали из окружающей местности. Каким бы ни было бедным местечко, тамошние евреи отличались добродушием и отдавали последний кусок нищим. Поэтому это помещение было всегда полным, и каждую пятницу вечером все евреи в синагоге брали несколько орхим* на субботу и делились с ними последним куском. Такое происходило и в нашей семье. Мне запомнился один эпизод. Моя мать была известна в местечке своей исключительной честностью. Все звали её «мамой». Она действительно была мамой для всех, прежде всего, для тех, кто жил беднее нас. Как-то один нищий, который ходил по домам за подаванием, имел при себе много денег. Он использовал честность моей мамы и оставил имевшиеся у него деньги, поскольку была суббота, и с собой нельзя было ничего носить. Моя честная мама спрятала деньги, не глянув даже, сколько. Но мы, дети, не могли успокоиться до тех пор, пока не нашли мешочек и были поражены, насчитав в нём восемьсот рублей. Таких нищих, отбиравших последний кусок, было много.

Бедность местечка была безграничной. Зарплата заводских рабочих составляла от 5 до 8 рублей в неделю. Поэтому на фабрике вынуждены были работать 8-летние дети, чтобы семья могла как-то прожить. Эти маленькие заработки сразу же отбирались администрацией. Зарплата рабочего была нищенской, а служащие – кассир, директор, бухгалтер и т.д. – жили за счёт голодающих. Мой отец был одним из более счастливых, поскольку у него было больше детей, которые вместе приносили больше денег. Все вместе мы зарабатывали до 10 рублей в неделю. Чтобы не испытывать нужды, мама с детьми должна была ещё обслуживать полдюжины чужих людей, квартирантов, работавших на заводе.

Эксплуатация была ужасной. Работали с шести утра до шести вечера. Три гудка, исходившие из высокой трубы, верх которой, казалось, подпирал небо, пугали рабочих. Первый гудок будил их, второй требовал, чтобы они уже ждали перед воротами, третий означал, что следует стоять у станка. Если кто-то опаздывал на одну минуту, ворота закрывались перед носом у рабочего, и он терял рабочий день, испытывая из-за этого большую нужду.

Я ещё в восьмилетнем возрасте понимала несправедливость по отношению к бедным. На мой вопрос: «Почему не работают директорские дети, у которых есть всё самое лучшее, а бедные дети, работающие так тяжело, не едят хлеб досыта?» – моя умная мама вздохнула и ответила коротко: «Не задавай, дитя моё, трудных вопросов. Так суждено». Но думала она иначе, и это доказало время. Когда поднялось первое восстание против тёмных сил, мама была в первых рядах боровшихся за лучшую жизнь своих детей. Эта система и бедность местечка страшили меня и погнали юной в дальние дали на поиски более совершенного мира.

Позже, когда я уже была в «золотой стране», стало известно, что положение в моём местечке изменилось к лучшему благодаря взрыву масс и их восстанию против режима.

А когда население хотело лишь перевести дыхание и начать наслаждаться этой победой, небо вдруг заволокли тучи, и тёмная волна погромов обрушилась на еврейские города и местечки. Катастрофическая волна погромов настигла и моё местечко Каменный Брод. Петлюровцы, свои мужики, наши соседи, с которыми мы вместе работали на заводе, объединились, собрали всех евреев-мужчин и устроили им резню, расстреляв всех до одного. А женщины, испытавшие этот ужас, остались живыми. Но «азохн вэй»¹ их жизни..

¹ «Тогда будет стенание и боль» (идиш). Популярное восклицание, близкое по смыслу русскому «не дай Бог»

Моё местечко Каменный Брод

Пустое пространство среди густого первобытного леса, губчатые торфяные поля и глинистые болота. Благодаря горючим материалам и глинистой почве Фишелэ Зусман построил на этом месте завод фаянсово-фарфоровой посуды.

Завод, занимавший три четверти всей площади местечка, располагался в конце длинной улицы и был огорожен высоким забором из остроконечных досок. На заводе работали 12 часов в день и, хотя все были наёмными рабочими, в некоторых специальностях существовало определённое классовое разделение на высшие и низшие слои. Живописцы, которые разрисовывали заводскую посуду, были самыми высокооплачиваемыми сдельными рабочими, входили в коронованную аристократию местечка, и, разумеется, пользовались авторитетом в общине. У них были постоянные места у восточной стены синагоги. Ко второй категории относились те, кто изготавливал изделия из сырой глины. Третья категория состояла из тех, кто работал с сухими необработанными изделиями и возле обжиговых печей. Для этого нужны были здоровые плечи и сильные руки.

В местечке был один портной, два сапожника и три «латутника» – отец с двумя сыновьями, для которых набожные жёны габаев каждый четверг обходили местечко, чтобы собрать на субботний харч.

Частые похороны стирали на некоторое время высокомерие и сословные различия. Большинство жертв были рабочие, изготавливавшие изделия из сырой массы. Кроме густой пыли, мокрая глина содержала некое химическое вещество, проедавшее лёгкие за очень короткое время. Если умершему уже достиг возраста 38 лет, на похоронах утешали: «Чтоб никто не умирал моложе его ...»

С возникновением революционного движения завод испытал три забастовки под руководством «Бунда». В то же время молодёжь стремилась к образованию. На заводе тогда работало 1200 рабочих. Половину их составляли крестьяне из окрестных сёл.

Во время революции, за несколько дней до того как большевики заняли местечко, туда вошла деникинская банда¹ с угрожающим приказом: всем мужчинам старше 18 лет собраться в лесу, где атаман зачитает важное заявление. Если кто-то из них останется дома, то будет расстрелян.

Жёны, матери, сёстры бегали испуганные, разыскивали своих близких и отправляли в лес для спасения собственной жизни. В местечке остались только женщины и дети. Вскоре раздались сотни выстрелов. С безумными дикими криками женщины и дети побежали к лесу, но их остановила охрана на лошадях. Когда стрельба умолкла, один из стражников приказал всем женщинам выкопать ямы и похоронить мертвецов.

Каменнобродский фельдшер Кисельгоф

Старый фельдшер Мотл-лекарь верно служил директору, кассиру и всем другим служащим завода. Но рабочие были для него злой напастью. Когда его звали к больному, он приходил двумя днями позже. В пятницу вечером и в субботу вообще не ходил к больным. Только если прибегали в синагогу с криком, что больной умирает, он со злостью снимал талес и шёл не спеша. Жители местечка питали к нему тихую злобу. Но поскольку

1 Армия Деникина не имела никакого отношения к описываемым событиям

он был набожным, о нём говорили и добрые слова. У него был кошерный дом, жена Этя носила парик, в доме всегда говорили на идиш. И когда его уволили, никто не знал – почему.

Когда привезли издалека нового фельдшера (об этом сообщили в конторе) и увидели его, сразу поняли, что слово «лекарь» ему не подходит. Вскоре стало известно, что жену фельдшера зовут Вера и в доме говорят по-русски. Люди почувствовали себя обманутыми. Кто знает? Может быть, этот «русак» будет баловать своих «сицилистов», а к остальным проявит ещё менее отзывчивости, чем тот. Когда евреи беседовали между собой и заводили речь о фельдшере, то выражались лишь кратко: «Проучили нас? ... Нельзя просить нового царя ...» Ещё придётся говорить по-русски. Всё это ощущалось лишь в первый день.

А на следующий день произошло чудо: фельдшер стал посещать больных. Как только его вызывали, он приходил и вступал в беседу на сочном литовском диалекте идиш. А когда к нему обращались «пан фельдшер», сразу останавливал: «Меня зовут Кисельгоф», – и просил, чтобы его именно так называли. Женщины стояли возле дверей и удовлетворённо рассказывали об очередном сюрпризе: новый фельдшер долго осматривал больного. Он вёл себя как родной брат, расспрашивал о пище и советовал, что надо кушать. Из дня в день возникали новые неожиданности. В одном случае фельдшер быстро привёз доктора из Рогачёва, в другом дал полрубля, четвертак, чтобы больному купили больше молока. А самая большая неожиданность: больше одного раза звать его не нужно. Он сам знает, куда идти. Фельдшер стал притчей во языцех. «Ангел. У него золотое сердце», – говорили о нём. Вскоре по местечку разнёсся слух, что возле фельдшерского дома скоро начнут строить новый флигель, который станет больницей. Люди наблюдали, как разгружают полные повозки древесины, и молча обменивались удовлетворёнными взглядами. Уже перестало быть секретом, что фельдшер Кисельгоф добивался у заводской администрации пристроить помещение хотя бы на несколько кроватей для тех больных, которые могут ещё серьёзнее заболеть в своих душных домиках. Поставили пять кроватей, на которых блестело чистое постельное бельё. Под его надзором был организован комитет из группы местечковых девушек, и каждая из них один день в неделю занималась обслуживанием больных.

После этого опять разнеслась новость, что совсем скоро в комнате фельдшера под надзором молодёжного комитета откроется библиотека с новыми книгами, еврейскими и русскими, с платой 10 копеек в месяц. Я получала эти десять копеек: не подобало мне просить книгу даром.

«Бунд» провёл тогда три забастовки на заводе, а также принимал активное участие в культурной работе. Часто приезжали бундовские теоретики и проводили дискуссии в битком набитых домах, а по субботам после молитвы в Большой синагоге. Им оппонировал Кисельгоф, сторонник «рабочего сионизма». Дебаты были острыми, мнения разделились. И хотя эта деятельность велась конспиративно, всему местечку стало известно, что фельдшер – идейный противник, и с ним нужно бороться. Таким был лозунг бундовской молодёжи. Старшее поколение пожимало плечами и не могло понять: какие могут быть претензии к человеку с таким добрым сердцем?! Однажды во время жарких дебатов в Большой синагогу прокрались мальчики из хедера и уловили слова о том, что фельдшер – противник, враг. На следующий день двое из них встретили Кисельгофа на улице, бросили в него палку и попали в ногу. Хромая, он поплёлся домой. Местечковое руководство «Бунда» вскоре узнало об этом и сразу же направилось к нему, заявив, что никто из них не виноват в подстрекательстве. Кисельгоф добродушно ответил: «Меня не беспокоит удар по ноге, это пройдёт ... Но душа болит: дети невоспитанные, растут дикарями».

Я покинула Каменный Брод в 1912 году. Это всё, что я помню о том времени. Общая картина стоит перед моими глазами целиком. Отчётливо помню детские годы, будто это было вчера. Начала я работать на заводе, когда мне было 9 лет, и уже состояла в профсоюзе. О некоторых деталях погрома и героической смерти Кисельгофа мне стало известно из вашей мемориальной книги: все мужчины были убиты местными крестьянами, которые работали все годы вместе с евреями на заводе. Евреи не подозревали, что их ведут на резню, иначе сумели бы собраться с силами и разбежаться. Я верю, что эти факты действительные.

Городница

Что я помню о своём родном местечке Городнице? А что я не помню?! До одиннадцати лет там рос, игрался, учился, мечтал, пока однажды на рассвете не взял меня с собой раввин из местечка на подводе в Корец. А из Корца я поехал в Звягель, и передо мной открылся большой мир. Из Звягеля в Корец, из Корца в Ровно, и всё время на подводе. Лишь из Ровно ехал по железной дороге, затем на корабле поплыл в Канаду, из Канады – в США, а оттуда – в Израиль. Так и годы пролетели ...

Сейчас я мысленно возвращаюсь назад в Городницу. Разве только сейчас? Как только закрываю глаза, вижу базар с лавками, бес-медрешами, Холодную синагогу, улицу, ведущую к фабрике и вниз к реке Случь.

Эх, Случь! Я знаю Гудзон и широкую Миссисипи, чудесный Кинерет и Иордан. Но берега Случи, паром через реку, мост – это картины детства, оставившие отпечаток в моей душе на всю жизнь. Случь, лес, двор помещика и завод – эти места нельзя забыть. Местечко не было даже точкой на карте, но еврейская жизнь там кипела, только бы в книгах описать. В миниатюре перенесли сюда из большого мира каторжный труд на заводе, классовая борьба с хозяином, который однажды на юбилей посетил свою собственность, а пожарная команда встречала его словно пожар. Страх напал на местечко: хозяин приезжает! Как выглядит он? Всю жизнь проработали жители местечка на заводе и не видели, для кого гребут золото. Имеют дело только со служащими. А служащие выплачивают карточки, и за эти карточки покупают пропитание. И вдруг – приезжает хозяин! Гудят фабричные сирены. Работа останавливается, все мчатся в рабочей одежде к воротам ... Бегут со всех сторон, из закоулков, базара.

– Где горит?

Ужасно гудят сирены, пожарники несутся с бочонками воды. Всё местечко на ногах. Закрывают магазины, мужики гонят повозки с базара, мамы бегают за детьми, лошади ржут, из стойл выгоняют коров.

– Гвалт, евреи, где горит?

– Дурак, не горит!

– Что это значит?

– Хозяин приезжает!

– Тьфу, чтоб всем моим врагам так было! Пусть бы уже он сам сгорел, «татэ зисэр»¹!

Долго-долго не успокаивалось местечко после приезда хозяина. Кто же его видел? Проехала бричка, запряжённая четырьмя лошадьми, и оставила много пыли и шума ...

Тихо в местечке. Зимний день, суббота. В бес-медреше сидят и греются возле печки. На улице над снегом кружат чёрные вороны. В местечке ожидают погромщиков: вороны не к добру. Печально звучит напев псалмов, и страх овладевает бес-медрешем Меера-Лэйба. На улице уже темнеет, и в сумраке снег становится белее. Каждый раз, когда открывается со скрипом тяжёлая дверь бес-медреша, сердце замирает ... Очень страшно ребёнку ...

Каждый раз, когда доходили слухи о погроме, я натягивал на себя ещё пару штанишек на тот случай, если придётся бежать из местечка ... Куда бежать? С одной стороны река, с другой – лес, с третьей – село и улицы иноверцев, а с четвёртой – мельница. Кто знает, откуда придут убийцы?

1 Отец наш (идиш)

Самооборона. Во всех четырёх концах стоят наготове местечковые юноши. Завтра, в воскресенье, ярмарка. «Не будет никакой ярмарки. Мужиков даже в местечко не пустят», – говорят возле печки. А если евреи говорят, они, наверняка, знают!

Свадьба в местечке, странная свадьба. Десять лет прожили вместе, и вдруг свадьба? Да, десять лет не было без детей, и дело идёт к разводу. Супружеская пара «пишет чистоту», и возле Холодной синагоги ставят хупу. Звёздная ночь. По всему базару разносится запах пряников. Супруги-пекари напекли вкусное печенье и пригласили всех на свадьбу. Клезмеры играют грустные мелодии, детвора ведёт жениха и невесту к синагоге со свитком Торы. Танцуют хоровод. Ноги стучат по засохшей грязи. Две еврейские души не хотят расставаться. Пусть «чистота» сбережёт их, одарит долголетием. Мазл-тов, евреи, мазл-тов!*

После свадьбы в местечку свирепствует эпидемия. Тиф косит во все стороны, не пропускает ни одного дома, не различает бедных и богатых. Евреи, спасайте местечко от эпидемии!

В богадельне сидит старая дева. В полише остановился нищий. На еврейском кладбище ставят хупу. Это должно остановить эпидемию. Объявляют «дроше гешанкн»* для несчастной парочки: богач, рэб имярек, даёт десять рублей, рабочие завода преподносят посуду.

На подкошенных ногах ковыляет невеста из кладбища назад в богадельню после «эпидемической» свадьбы, а жених плетётся за нареченной в новом капоте и штраймл*.

В местечке парит от летнего зноя. Почему не идут купаться? Боятся: река ещё не «приняла» лето. И вдруг – гвалт! От берега реки несутся люди на одном дыхании. Тонет мальчик! Течение унесло. Не могут спасти. Все бегут к реке, глядят на воду и дрожат. Прибегают родители, сёстры, братья. Крики рассекают воздух. Пускаются на лодках по течению. Долго ждут и ничего не видят. Темнеет, на душе мрачно. Злятся на реку, на любимую Случь. Завтра она отдаст свою жертву. Откуда-то издалека привезут мальчика несчастным родителям. Каждое лето забирает Случь свою жертву! – Теперь можно уже купаться.

Выборы в местечке. Бурлит. «Бунд» действует. Все рабочие в его руках. Сионисты – сыновья и дочери служащих, лавочников, служителей культа, интеллигенты, студенты, экстерны, шёлковая молодёжь – оглушают криком улицы. Звучат вычурные лозунги:

– Голосуйте за список номер ... !

– Долой сионистов!

– Смертельный удар домохозяевам!

– Рабочие! Братья!

Больше всех шумят дети. Они несут плакаты: кто от одного списка, а кто от иного. По вечерам в бес-медрешах, больших залах домохозяев, сарае пожарной команды идут собрания. Афиши на базаре, написанные каллиграфическим почерком, призывают и призывают: голосуйте!

Однажды вечером, на Хануку, мне как представителю детского клуба «Пирхей Цион» выпала честь выступить на собрании сионистов. Я, «оратор», начинаю произносить заученную проповедь:

– Од ло авда тикватэну¹.

На столе, застеленным белым покрывалом, стоят передо мной два красивых подсвечника с большими белыми свечами. Они озаряют пламенем моё нервно-красное лицо. А сбоку лежит большая коробка Фонда Еврейского агентства или Еврейского Национального Фонда.

1 Ещё не пропала наша надежда (ивр.)

Я говорю. Сам не знаю, что говорю. Меня лихорадит. Всего мне десять-одиннадцать лет. Я вижу перед собой множество глаз. Такая тишина ... Я заканчиваю. Аплодируют. Я стою, горю и не сгораю. Подходит один мужчина, целует меня в лоб и даёт полрубля «хануке-гелт»*. Серебряная монета сверкает перед глазами. Я держу её мгновение и бросаю в большую коробку. Возникает шум, рукоплескания. Меня несут на руках, и я горю. Меня лихорадит, и я дрожу от холода ...

До сих пор не жалею, что бросил эту серебряную монету в коробку ...

Я отчётливо помню своих мелаamedов, учителей иврита и русского языка, учителей-неевреев школы и гимназии, домохозяев, ремесленников, лавочников, мужиков на ярмарках, «зайцев», сменяющиеся времена года, голод и отъезд в Звягель. Тоска по дому. Утешало, что река у нас общая – Случь. Звягель я полюбил. Пусть в Вашу большую мемориальную книгу «Звил» вольётся воспоминание о городничьих вырезанных, погибших, сгоревших и отравленных газом евреев. Пусть они найдут покой вместе с Вашими героями и мучениками, имеющих одну общую реку, которая покраснела от их крови во время большого несчастья. Мы увековечиваем память о них и произносим кадиш*.

Тель-Авив, 1956 г.

Б. В.

Городница

Местечко расположено на реке Случь, в 35 верстах от уездного города Звягеля, и окружено с трёх сторон большими лесами. Его население до первой мировой войны насчитывало примерно 600 семей, из которых приблизительно 350 составляли рабочие и служащие фарфорового завода Зусмана. Жили там также лавочники, ремесленники и торговцы, главным образом, лесом и древесиной, чей доход также был связан с заводом. Среди них было несколько зажиточных семей.

Евреи местечка были в большинстве своём хасидами, соблюдали традиции и изучали Тору. Имелось также значительное число маскилим, читавших книги и газеты на иврите и русском. Набожные не были фанатиками и относились толерантно к маскилим и неверующим. В местечке насчитывалось пять синагог и молитвенных домов, а также один хасидский клойз.

До 5665 г.¹ в Городнице не было сионистских обществ, однако некоторые евреи симпатизировали палестинофильской идее, платили членские взносы (3 рубля в год) в Одесский комитет, покупали акции Колониального банка и в канун Йом-Кипур ложили в миски пожертвования на заселение Эрец-Исраэль. Эта деятельность проводилась по инициативе и под наблюдением г-на Гершгорна, казённого раввина соседнего Корца. Он приезжал в местечко один-два раза в год для исполнения своих обязанностей. Время от времени посещали местечко ораторы и проповедники сионизма, которые выступали в Большой синагоге, но до организованной сионистской деятельности не доходило. На меня в детстве произвёл впечатление приезд одного такого проповедника во время траура по р.Шмулю Могилёверу* блаженной памяти. Все сидели тогда в заполненной до отказа синагоге на полу без обуви и оплакивали смерть раввина и гаона еврейского народа, одного из главарей сионистского движения.

Первое сионистское общество под названием «Герцль» основали 20 тамуза 5665 г.¹ шесть 16-17-летних юношей. Число членов росло, и вскоре превысило сто. Среди них было много рабочих, которые разочаровались в первой революции и покинули «Бунд».

«Бунд» у нас появился немного раньше, чем сионистская организация, и прилагал много усилий в организации движения среди рабочих. Почти каждую неделю в местечко приезжал посланник от центра и проводил собрания в лесах вокруг местечка. На эти собрания приходили молодые рабочие, а также члены нашего сионистского общества. Однако очень редко позволяли одному из наших товарищей дискутировать на их собраниях. Чаще всего, нас с самого начала не пускали на собрание. Мы вели упорную борьбу с «Бундом», пока, наконец, не победили. А через 2-3 года у них почти никого не осталось, кроме одиночек-фанатиков. Сионисты господствовали в еврейском обществе местечка до вспышки второй революции в 1917 г. Они основали общественную библиотеку, усовершенствованный хедер, в котором обучали ивриту, арифметике и русскому языку, создали и совершенствовали такие благотворительные учреждения, как «Линас га-цедек» и т.д. Жители Городницы, большей частью, люди труда, которые едва зарабатывали на хлеб, чутко относились ко всему, что связано с благодеянием и помощью не только для населения местечка, но и для поселений и общественных учреждений России и Эрец-Исраэль.

1 Вторая половина 1904 г. и первая половина 1905 г.

1 23 июля 1905 г.

После того, как местечко перешло на советскую сторону, большая часть сионистских деятелей покинула его и продолжала свою работу в Польше. Несколько активистов нелегально продолжало и при советской власти заниматься в местечке сионистской работой, особенно в области ивритской культуры. Двое из них были сосланы в Сибирь.

Следует упомянуть нескольких почтенных людей местечка:

А. «Меламед», р.Вольф Дондер, ставший родоначальником поколения ивритских сионистских маскилим. Его отец был мясником, простым евреем и жертвователем. Своим сыновьям он не дал особого воспитания, и когда они выросли, то помогали ему на бойне и в мясной лавке. Исключение составлял вышеупомянутый Вольф. Кроме того, что он был знатоком Геморы с комментариями и талмудической литературы, Вольф увлекался также Гаскалой и изучал основательно ТаНаХ, иврит, новую литературу, а также русский язык. Он также писал время от времени и посылал из местечка в «Га-Мелиц»* и «Га-Цфира» статьи и письма под псевдонимом Нэр Дор. Его мы считали основателем сионистского движения в местечке. Работая меламедом, р.Вольф формально не считался сионистом, но своих учеников воспитывал в сионистском национальном духе, особенно на уроках ТаНаХа и еврейской истории. Он с трудом зарабатывал на хлеб, но всегда был весел и рад своей участи. К ученикам р.Вольф относился как старший товарищ и помогал им советом и наставлением. Эта связь сохранялась долгие годы после того как они покинули стены хедера и местечко.

Б. Рэб Шае-Бэр блаженной памяти – габай Большой синагоги. Это был общественный деятель старого поколения, уважаемый человек, умевший настаивать на собственном мнении. Его дом был всегда открыт настежь для всех нуждающихся, хотя он не был богат. Люди обращались к нему и за советом. Он имел авторитет не только внутри еврейской общины, но и у властей местечка и уезда, сделал много для отмены или смягчения приговоров в отношении некоторых людей при царе и затем при украинском правительстве. Этот еврей хотел построить большую красивую синагогу и посвятил этой цели многие годы своей жизни. Строительство синагоги, достойной большого города, стоило десятки тысяч рублей. Никто не знал, где он достал столько денег. Рэб Шае-Бэр постоянно заботился об усовершенствовании здания.

Когда Городница отошла к Советской Украине, и делами евреев стала заправлять Евсекция, последняя начала конфискацию молитвенных домов в местечке. Однако с Большой синагогой ничего не вышло, потому что р.Шае-Бэр блаженной памяти противился изо всех сил. Иногда он добивался отмены приказа у местных властей. А если не удавалось получить поддержку, этот 70-летний старик не успокаивался и, несмотря на бездорожье, несколько раз совершал поездки в Харьков, подавал петиции во ВЦИК против Евсекции, и несколько раз приказ о конфискации Большой синагоги отменялся. Через некоторое время донесли на его зятя, что он – сионист, и того вместе с дочерью и двумя маленькими внуками выслали в Сибирь. В конце концов, Евсекции удалось конфисковать единственную оставшуюся в местечке синагогу и превратить её в склад зерна. С огорчением и болью старый подавленный р.Шае-Бэр покинул местечко, переехал в Житомир и умер там после нескольких лет одиночества.

В. Рэб Фроим Куперштейн, управляющий завода, знаток святого Письма, маскил, знавший несколько языков – русский, французский, немецкий и т.д. – был зятем гаона р.Шлоймэ Болеховера блаженной памяти. Его слушались и повиновались не только еврейские и украинские рабочие, но и все, кто имел с ним деловые отношения. Все уважали и ценили его за честность и мужество. Его рука была щедрой для общественных нужд и благодеяний, и все знаменитости, приезжавшие в местечко, стояли рано утром у дверей его скромной квартиры на территории завода. Жители местечка сдавали ему на хранение свои сбережения только по обычной расписке, так как он остерегался

подписываться на векселях и пользовался у всех доверием.

На протяжении 20 лет советской власти до последней войны еврейское население местечка росло благодаря тому, что Городница находилась возле границы, и там было сосредоточено много учреждений и ведомств. Правительство усовершенствовало завод, который был им национализирован, и использовало местные леса в качестве строительных материалов для промышленных центров Украины. Это служило источником доходов для многих сотен дополнительных еврейских семей, и число евреев выросло в 3-4 раза по сравнению с 1914 г.¹

После нашествия гитлеровской военщины на Советскую Украину еврейское население Городницы было полностью уничтожено. По сведениям, дошедшим до Эрец-Исраэль, после ухода немцев там остались в живых лишь 3 еврея.

1 Не соответствует действительности

Пулин

На столбовой дороге, ведущей из Житомира в Звягель, в 40 верстах от Житомира и примерно в 80 верстах от Звягеля, расположено маленькое местечко Пулин. По бокам дороги стояли многочисленные местечки, поместья и сёла, в том числе еврейское земледельческое поселение Садыба¹ и немецкие колонии.

Города Житомир и Бердичев служили для евреев Пулина центрами, откуда они приглашали учителя и куда посылали учиться своих детей, как принято в маленьких местечках на Волыни. По официальной переписи 1897 года, в местечке проживало 2736 жителей, в том числе 1168 евреев. В 1925 г. число евреев оценивали в 1300 душ.²

Земля в окрестностях Пулина тучная, плодородная, есть много полей и садов. Украинские и немецкие крестьяне, а также помещики продавали урожай полей и садов евреям, а те переправляли его на рынки. Это было источником заработка многих евреев местечка.

Дома местечка, числом примерно 200, были низкими, построенными из дерева, с деревянными или соломенными крышами. На площади в центре местечка стояли два ряда деревянных лавок, прилепившихся друг к другу. Этим очень старым лавкам удалось спастись от пожаров, случавшихся в местечке. Согласно преданию, старый магид из Макарова благословил местечко, чтобы огонь не уничтожал эти лавки, и жители верили, что благодаря этому лавки до сих пор уцелели.

В местечке стояли четыре синагоги. Одна – старая синагога, в которой молились раввин, шойхеты, старые домохозяева и простой народ. Вторая – Макаровский клойз – красивое здание, в котором молились местечковые эрудиты во главе с р.Аврумом Зингерманом. Он был просвещённым хасидом, читал постоянно «Га-Цфира» и «Га-Мелиц», а также авторитетов еврейского закона. Там училось талмудическое братство, и молодые люди продолжали здесь изучение Талмуда до достижения брачного возраста. Третья – молитвенный дом портных. В нём выделялся р.Алтер-Шимон, который устроил братство «Омрей тилим» и имел обыкновение устраивать для многих царскую трапезу. Бедные и путники ели за его столом. Четвёртая – молитвенный дом мясников, в котором высокую должность меламеда занимал р.Мойше из Веледников, знаток святого Письма и большой эрудит. Евреи Пулина, которые были богобоязненными, перед молитвой произносили псалмы и продолжали традиционную жизнь поколений в соответствии с еврейским календарём, соблюдали субботы и праздники. Многие обычаи укоренились в жизни местечка и превратились со временем в закон.

В такой атмосфере росло молодое поколение евреев в начале XX века, которое впитывало в себя традиции предков и в то же время ощущало дух пробуждения социальной и национальной жизни в России. Идеи свободы и равенства проникли и в Пулин. Антиеврейские погромы вызывали у них стремление избавиться от жизни в изгнании. Взрослая молодёжь решила покинуть местечко. Одни уехали в Америку, другие – в Эрец-Исраэль.

Во время первой мировой войны материальное положение много евреев Пулина ухудшалось. Немцы, выселенные из своих имений, а также покупатели не вернули им долги. Кроме того, определённое число евреев уехало отсюда и рассеялось по городам.

1 Более распространённое название – Вильская

2 Согласно переписи 1926 г., в Пулине проживало 1056 евреев

Мобилизации мужчин и приближение фронта приносили несчастья. А после революции над евреями Украины сгустились тучи. Внутренние войны между армиями и враждующими лагерями жестоко затронули евреев, и евреи Пулина также отведали вкус этих «вылазок».

Это продолжалось примерно двадцать лет до оккупации нацистской Германией. Евреи тяжело страдали, занимались принудительными работами, испытывали разного рода унижения, были порабощены физически и имущественно. В период массового уничтожения, которое испытали евреи Волыни, нацисты вывели всех евреев Пулина за пределы местечка и убили. Пришёл горький конец еврейской общине Пулина.

Моё разрушенное местечко

В нашем маленьком местечке Пулине Волынской губернии, которое большевики переименовали в Красноармейск, было около тысячи душ еврейского населения. Среди них были люди Торы и Гаскалы, торговцы, ремесленники и бездельники. Сейчас я хочу лишь упомянуть некоторых из тех, кого я хорошо знал и чьи образы запечатлелись в моей памяти.

Первый, кого я помню – Хаим-Бэр Яффе. И в самом деле, он был высоким красивым¹ евреем, благообразным, с длинной рыжей бородой, которая постоянно пахла шафраном. У него была мучная лавка, и все местечковые женщины покупали у него муку для выпечки плетённых хал на субботу. Крестьяне тоже покупали у него муку, из которой пекли пироги на свои праздники. Хаим-Бэр был честным евреем, макаровским хасидом. Каждый раз на Рош-а-Шонэ и Йом-Кипур ехал в Макаров к цадику р.Шаелэ блаженной памяти праведника. Он всегда имел хороший доход, был очень дружелюбным, общительным человеком. Его любили как евреи, так и христиане. Большим эрудитом Хаим-Бэр не был, но мог всё же выучить раздел Мишны или «Хок ле-Исраэль». Он любил сидеть в бес-медреше до последнего миньяна, беседовать о хасидизме, рассказывать о чудесах старого макаровского цадика р.Янкеля-Ицхока* блаженной памяти. При этом давал несколько монет шамесу р.Авримлу, чтобы тот купил бутылку водки с закуской. Евреи пили «лехаим» и желали спасения и утешения всему Израилю.

Его жена Нэхамэ, или Нэхэ, как её звали, была ему верной помощницей. Когда в местечке устраивали какое-нибудь застолье, она первой вносила свою лепту. Особенно радовалась, когда приезжал макаровский цадик. Она тогда отдавала ребе свой просторный дом, который стоял на главной улице, и обслуживала его с большой преданностью, чтобы цадик дал ей своё благословение родить ребёнка ... Но всемогущий Создатель не осчастливил её «жизнеспособным потомством» ... Когда братство изучающих Мишну отмечало окончание, она разрешила праздновать у неё дома. А когда хасиды были уже навеселе, ложили руки друг другу на плечи и начинали плясать, она тоже входила в хоровод, брала мужа за руку и участвовала в танце ...

Хаим-Бэр и его жена совершали много благодеяний. Они одалживали всем беднякам муку на субботнюю халу без всяких закладных и процентов. Конечно, много денег не возвращалось и пропадало. Интересно, что перед смертью он завещал положить долговую книгу в их могилу. Хаим-Бэр говорил, что это «частица его труда под солнцем».

* *

*

Второй еврей, которого я хочу упомянуть, заслужил, чтобы о нём знали будущие поколения. Это был редкий человек, которого в наше время днём с огнём не сыщешь. Имя этого еврея – Гершл, звали его по имени тестя Гершл Ицис, а фамилия – Городецкий. Двоюродный брат знаменитого ивритского писателя Шмуля-Абы Городецкого*. Родом он из Бердичева. Был бедным сиротой, ешиботником. Его тесть, Ици Цвет, был богатым евреем и имел единственную дочь Бетю. Красотой она не блистала и, кроме того, была низкорослой, почти карлицей, в противоположность своему высокорослому красавцу-мужу с большими чёрными мечтательными глазами и длинной чёрной бородой а-ля доктор Герцль* блаженной памяти. Если вы спросите: «Как устраивается такой брак?», – я

1 Слово «яффе» в переводе с иврита означает «красивый»

ответу: «За деньги всё можно достать» ... Он владел магазином скобяных изделий, а маленькая жена рожала ему каждый год ребёнка. Их первенца звали Алтэр-Шмуль, по имени бердичевского деда, который был большим эрудитом и знатного происхождения, из родословной вплоть до Бешта блаженной памяти.

Рэб Герш, как уважительно называли его в местечке, хорошо знал математику. Многие студенты, которые приезжали в местечко в качестве учителей и имели большие проблемы в математике, приходили к нему, и он легко и быстро отвечал им. Он также был большим знатоком грамматики, читал Тору в соответствии с грамматикой, что было удивительным у нас в маленьком местечке. Хорошо играл в шахматы и быстро побеждал самых лучших игроков в местечке.

Он обладал феноменальной памятью, знал наизусть всего «Мишну Тору»* и «Морэ га-нэвухим» Рамбама*, «Кузари» р.Йегуды Галеви*, а также в стихи р.Шломо ибн Габириля*, р.Моше ибн Эзры* и р.Йегуды Галеви. Он любил учить Хумеш с ибн Эзрой и вести схоластические дискуссии с парнями, любителями бес-медреша о загадках р.Авраама ибн Эзры*. У нас в местечке было братство изучающих Талмуд. С большим остроумием давал он уроки Геморы для его членов. Несмотря на это, он был очень скромным, никогда не проявлял высокомерия и не щеголял своими знаниями, любил вести в бес-медреше душевные беседы с шамесом и простолюдинами.

* *

*

Жил у нас, как и в других местечках, свой сумасшедший, которого звали Йосл, чей отец был состоятельным евреем. Его постигла трагедия: из-за несчастной любви он сошёл с ума. Йосл останавливался в бес-медреше и спал возле печки. Ученики бес-медреша наливали ему воду в сапоги или подсовывали сальный светильник под нос, чтобы он обжёгся ...

Рэб Герш строго отчитывал тех, кто содействовал это, и говорил:

– В псалмах написано: «И милости Его на всех творениях Его».¹

Помню один его афоризм, который стоит пересказать. Однажды его друг, смышлённый еврей р.Бэриш, имевший магазин мануфактуры и расторопную красавицу-жену, спросил у него:

– Рэб Герш, почему у Вас, мудрого еврея, такая маленькая жёнушка?

Он ему тут же ответил остроумно:

– В Геморе сказано: «Женщина – мех, полный кала ... и все бегут за ней»² ... Ну, у меня маленький мех, а Вы выбрали большой мех кала. Постыдились бы!

Он умер в 5670 г.³ ещё молодым, оставив пять юных сирот.

1 Тегилим (Псалмы) 145:9

2 Перефразированная цитата из трактата «Шабат», лист 152

3 Вторая половина 1909 – первая половина 1910 г.

Полонное

Полонное, расположенное на реке Хоморе, было одним из старейших городов на Волыни. Ещё в далёкие дни, когда оно было под властью поляков и относилось к Луцкому повету, здесь было примерно 12 тысяч евреев.¹ Развитие торговли способствовало процветанию еврейской общины. Во время погромов 1648-49 гг. крепость дала приют евреям и полякам всего региона, которые сражались с гайдамаками. Но они не устояли перед врагом, и город был захвачен войсками Хмеля². Гайдамаки устроили в городе большую резню. Тогда были убиты примерно 10 тысяч евреев, в том числе популярный цадик р.Шимшон Острополер*. Согласно преданию, в синагоге собрались 300 евреев вместе с р.Шимшоном, облачённые в китлэн* и талесы. Они стояли и молились, пока не ворвался враг и жестоко вырезал всех. Со временем многие подробности тех и последующих лет были утеряны. В 1684 г. графиня Любомирская предоставила права евреям Полонного. Город начал приходить в себя и отстраиваться. В книге «Пинкас ваад арба арцот»³ Исраэля Гальперина Полонное упоминается несколько раз в связи с тем, что город, наряду с Ровно и Межиричем, получил возможность посылать представителя сейма четырёх стран. Среди других памятников старины отмечают остатки старой крепости, а также большой камень на старом кладбище, на котором, согласно легенде, гайдамаки Хмеля точили свои сабли для резни евреев и поляков.

Во время раздела Польши, когда Полонное перешло в Россию, в нём находилось 350 евреев, и оно относилось к Звягельскому уезду. Благодаря удобному географическому положению возле Полонного была проложена железная дорога Киев-Бердичев-Ровно. Это весьма содействовало развитию и росту города, но с точки зрения административной оно считалось местечком.

Полонное находится в живописной местности, а земля его плодородна и благословенна. Его окружают зерновые поля, пастбища и фруктовые сады, которые кормили тысячи семей. Урожай из сёл перевозили через местечко по железной дороге в разные города и селения округи. Движение в местечке и на железнодорожной станции было всегда большим. Со временем были построены несколько заводов: бумажный, сахарный, фарфоровой посуды, пивоваренный, кожевенный, паркетный и т.д. Наряду с промышленностью, развивалась также торговля. Тысячи жителей (в том числе евреи) были заняты в промышленности и торговле. До революции в местечке работали три банка.

Много лет назад в Полонном существовала типография, одна из первых на Волыни, в которой печаталась, главным образом, хасидская литература.

Когда хасидизм начал распространяться на Волыни и в Подолии, Полонное стало одним из центров хасидизма, и в нём жили ученики Бешта – р.Яков-Йосиф га-Коген и р.Йегуда-Лэйб «Моралист», которые вербовали сторонников хасидизма и распространяли эту идею в местечке и его округе. Оба покоятся на старом еврейском кладбище в большом склепе, о котором старики рассказывали разные легенды. Из династий, пустивших корни в местечке, следует упомянуть, прежде всего, макаровскую, турийскую и садагурскую. Во время приездов цадиков народ был сильно возбуждён. Хасиды приходили послушать

1 Речь идёт о общем числе евреев, укрывавшихся в крепости этого города от войск Хмельницкого

2 Имеется в виду Богдан Хмельницкий

3 «Книга хроник сейма четырёх стран (ивр.)

Тору и напевы. Наряду с хасидами, в местечке появились знатоки Торы и проповедники просвещения, но их было немного. Среди них необходимо упомянуть поселившегося затем в Одессе Шмуля-Абу Пена, редактора «Га-Цофэ»* А.Людвиполя, российского певца Сибирякова* и др. Из раввинов в местечке памятен р.Йошкелэ из черныбыльскай династии и р.Борухл Йозпов, один из внуков р.Шмуля из Каминки*. Одним из выдающихся людей в местечке был р.Нухимци, исследователь каббалы* и большой эрудит, который часто постился и получал удовольствие только от субботы.

Раввинами в Полонном служили известные знатоки Торы. В начале нынешнего столетия этот пост занимал р.Янкель-Шимон, внук гаона р.Янкеля-Шимона из Шепетовки, репатриировавшегося в Эрец-Исраэль примерно 150 лет назад, и дед певца П.Горина (находится в Израиле). Раввин р.Аба, выдающийся знаток святого Писания, хорошо разбирался в геометрии и благодаря своему богатому жизненному опыту пользовался большим уважением в обществе и играл роль арбитра среди торговцев. Внук р.Абы, г-н Бенцион Аргов, был кассиром в Тель-Авивском муниципалитете и директором банка «Купат ам».

Еврейские дети учились прежде в хедере и талмуд-торе, но в последние десятилетия (до установления советской власти в местечке) существовали уже три всеобщие казённые школы, гимназия и торговое училище. В талмуд-торе были введены радикальные изменения, в качестве заведующего был приглашён д-р Крейнман. В местечке был также основан усовершенствованный хедер по образцу бердичевского.

По переписи населения Полонного число евреев достигло в 1847 г. 2647 душ, а в 1897 г. – 7910 душ. Под конец первой мировой войны в местечке насчитывалось примерно 13 тысяч евреев.¹

После возникновения сионистского движения к нему примкнули несколько жителей Полонного. Они распространяли в местечке акции фонда колонизации, продавали «шекели», собирали деньги для заселения Эрец-Исраэль. В 1912 году состоялась тайная сионистская конференция, о которой затем стало известно русской жандармерии. Прошли обыски, некоторые участники конференции были арестованы. Тем временем в местечке появились также несколько партий: «Поалей Цион», «Бунд», С.С.² Большинство молодёжи были на стороне сионистов. В демократической общине в 1918-19 гг. сионисты составляли подавляющее большинство, некоторые из них участвовали в качестве делегатов на сионистской делегации, которая состоялась в хешване 5678 г.³ в Звягеле. К числу выдающихся сионистов относилась семья Мармер. Цви Мармер был председателем сионистской организации, а Йегуда Герман – секретарём (теперь Гур Арье в Кирьят-Анавим).

Ш.Ан-ский* во время своих путешествий останавливался несколько раз в Полонном, собирал исторический и этнографический материал, еврейский фольклор, записывал множество легенд, которые имели хождение в местечке. В 1914-15 гг., когда пронеслась волна беженцев, изгнанных войной из приграничных и прифронтовых областей, евреи Полонного проявили преданность и заботу о своих братьях по несчастью. После войны жители Полонного отведали вкус погромов. В то тяжёлое время евреи Полонного организовали вооружённую самооборону, а нееврейские жители были на стороне евреев и защищали разными способами.

По требованию украинской власти, 25 молодых евреев из Полонного были мобилизованы на военную службу. Их послали в Звягель. Но затем стало известно, что всех этих мобилизованных убили в казарме гайдамаки. Когда в Звягеле в 1919 г. бушевал

1 Эта цифра сильно завышена

2 Сионисты-социалисты

3 Вторая половина октября – первая половина ноября 1917 г.

погром, и его жители рассеялись по близким лесам и местечках, евреи Полонного позаботились о них, накормили и приютили в своих домах.

Осенью 1919 г. в Полонное прибыла украинская армия, которая устраивала погром евреям Проскурова. Во главе её стоял командир Катамия. Когда эта армия находилась возле местечка Романов, в плен к русским попал гайдамак Голова, родственник командира. Узнав об этом, командир арестовал 8 евреев местечка в качестве заложников. Он потребовал от евреев послать делегацию к русским, чтобы те освободили Голову. Командир угрожал, что даст своим казакам свободу действий, если Голова не вернётся, и тогда те совершат в Полонном то же самое, что и в Проскурове. Положение было тяжёлым. Не имея выбора, послали делегацию из трёх евреев. Катамия снабдил их разрешением перейти линию фронта. Но охрана не дала им пройти через линию фронта, и они возвратились в Полонное. Катамия не смирился с этим и потребовал послать других по лесной дороге. И вновь направили делегацию (автор этих строк был в её составе). Посланцам выдали удостоверение о свободном проходе с приказом не возвращаться без Головы. Евреи пребывали в страхе и обратились за помощью к своим соседям-христианам. И вот нашёлся среди них бывший эсер, который занимал пост заместителя главы Центральной Рады (воевода). Тот послал срочную телеграмму в главный штаб армии и описал ситуацию. По-видимому, его слова принесли пользу, и Катамия получил срочный приказ передислоцироваться со своим войском на другой фронт. Таким образом, миновала опасность, нависшая над местечком.

В канун Пейсах 5679 г.¹ Полонное захватила Красная Армия. Той же ночью украинские солдаты убили восемь евреев, тела которых были обнаружены на следующий день около железнодорожной станции. На похоронах жертв принимал участие оркестр Красной Армии. В воскресенье, на хол-а-моэд², Красная Армия отступила, и многие евреи устремились за ней из-за страха перед армией Петлюры. Эта длинная вереница беженцев напоминала картину Гиршенберга* «Изгнание». В местечке почти никого из евреев не осталось. Выполняя приказ атамана, гайдамаки не посмели трогать имущество беженцев. Соседи вместе с оставшимися евреями охраняли дома и лавки. Через неделю Красная Армия вновь завоевала местечко. Вместе с ней возвратились в свои дома евреи-беженцы.

На некоторое время успокоилось. И вот через шесть месяцев, на Шмини-Ацерет* и Симхас-Тойре³, солдаты Будённого, расположившиеся лагерем в местечке, устроили погром, грабили лавки и квартиры, убили 40 евреев. Потом стало известно, что несколько солдат из числа погромщиков предстали перед военным судом в Бердичеве и были понесли суровые наказания за содеянное ими в Полонном. Некоторых приговорили даже к смерти.

Нет ничего удивительного, что после этих событий и ввиду туманных перспектив у многих усилилось стремление покинуть местечко. Одни уезжали в Америку, другие – в Эрец-Исраэль. После установления российско-польской границы Полонное осталось в пределах России. Жизнь в местечке изменилась, но о том, что происходило вплоть до нацистского захвата, нам известно немного.

Евреи Полонного, как и их собратья из других мест Волыни, страдали под германским игом в 1941-1942 гг., пока нацисты вместе с украинскими помощниками не повели их на казнь. После отступления немцев в местечко вернулись лишь 13 евреев, которые в своё время ушли в Россию вслед за Красной Армией. Они застали своё местечко разрушенным и сожжённым. В нём не было ни одного живого еврея.

Горе нам, что от великолепной общины с 13 тысячами евреев уцелело 13 душ.

1 Вечером 14 апреля 1919 г.

2 20 апреля

3 22 и 23 октября

Знатоки еврейского закона и общественные деятели

Мордехай Бонэ (Бибер)

Тора, хасидизм и Гаскала

Нам посчастливилось выбраться из водоворота и посвятить себя возрождению нашей исторической родины. Мы должны увековечить память тех, кого смыло на волнах ненависти. Это является священным долгом всех уцелевших. Перед нами стоит нелёгкая задача. Ведь большинство из нас – поколения третьей алии – около 36 лет отрезано от своего родного города. Память о нём и его видных людях стирается. Связь со Звягелем совершенно оборвалась с тех пор как мы его покинули. Город перешёл к Советам, и «никто не выходил из него и никто не входил».¹ Вот почему мы не находим в литературе об уничтоженных городах и общинах ни одной книги о городе, находившемся под властью Советов. Вышли книги о Пинске, Белостоке, Ломже, Барановичах, Варшаве, Кременце и др. Но о таких важных общинах, как Житомир, Полтава, Харьков, Екатеринослав, Одесса и др., культурных и экономических центрах, из которых вышли деловые люди, мудрецы и знаменитости, нет упоминаний, поскольку за последние 35 лет с этими городами нет никаких связей.

Итак, на нас возложено трудное, дерзновенное и весьма ответственное задание.

Звягель (многие пишут «Звил» или «Звул», а мудрецы толкуют эту аббревиатуру следующим образом: «зе бэйт-ваад ла-хахамим», т.е. «это место встречи мудрецов») – один из видных городов в центре Волыни. Он играл важную роль в жизни евреев и вносил большой вклад в развитие религии, культуры и экономики края. Острог и Дубно знамениты, главным образом, своими мудрецами, гаонами и светилами Торы, а Кременец – своими маскилим. Но эти города древние, и их величие осталось в далёком прошлом. А Звягель – город молодой, новый, о чём свидетельствует его русское название Новоградволынский (означает «новый город на Волыни»). Солнце его начало восходить в то время, когда слава тех городов была уже на закате.

Ещё в середине XVIII в. Звягель был одним из центров хасидизма и Гаскалы в Украине. Расположенные вблизи от Звягеля местечки Корец, Межирич, Полонное и Шепетовка прославились цадиками: р.Пинхас из Корца, Межиричский магид, моралист р.Йегуда-Лейб из Полонного, святой р.Яков-Шимшон из Шепетовки. Они были учениками Бешта, распространителями его учения. Хасидизму удалось поддержать и утешить часть народа, пребывавшую в отчаянии после резни Хмельницкого, движения Шабтая-Цви* и в более поздний период, после установления тирании царей дома Романовых – Павла I, Александра и Николая I, особенно в период бесчинства «хаперов»*. Слова цадиков, почерпнутые из источников веры, служили для масс противовесом от печали и поднимали их дух.

Звягель тоже прославился двумя династиями распространителей хасидизма. Династия р.Мойше Иш-Гурвица с помощью своих учеников и знатоков Торы

1 Книга Йошуа (Иисуса Навина), 6:1

проповедовала простому народу Мишну и «Эйн Яков»* для укрепления веры. Эта династия, которая была ответственной за назначение служителей культа общины (раввинов, шойхетов, хазанов и шамесов), просуществовала лишь четыре поколения: р.Мойше Иш-Гурвиц, его сын р.Йегоше-магид, внук р.Мойше и правнук р.Йегоше. Сын блаженной памяти р.Йегоше, р.Мойше-второй, избрал ремесло шойхета и контролёра, не захотел быть цадиком, снял с себя штраймл и уехал в Эрец-Исраэль. Умер он в 5640 г.¹ и нашёл вечный покой на Оливковой горе в Иерусалиме. Его дочь, блаженной памяти Брайнци – моя бабушка и мать моего отца. До пожара города в 5679 г. (1919 г.) существовала синагога имени р.Йегоше. В ней хранился городской пинкас, сгоревший вместе с синагогой. Из огня была спасена рукопись «Мидраш Танхума»* с комментарием, автором которого был, по-видимому, р.Йегоше или р.Мойше-первый Иш-Гурвиц. Рукопись этого комментария, составленного мистическим способом, я видел собственными глазами. Её забрал в Америку мой покойный брат. В доме у отца блаженной памяти хранилось удостоверение о «принятии» от 5530 г.², которое выдал блаженной памяти р.Мойше-первый шойхету и контролёру. Я помню его внешний вид (зелёная бумага) и содержание. В нём были правила поведения шойхета и контролёра, включавшие погружение в микву, ежедневное изучение Мишны и Геморы, обследование ножа. Каждые три месяца шойхет и контролёр должен был обновлять это «принятие».

Основатель второй династии, потомки которой переехали в Эрец-Исраэль, тоже р.Мойше, сын р.Михелэ из Злочова. Помню, как в детстве в день 9-го Ава я бывал возле его памятника на старом кладбище. На его могиле стояла тогда усыпальница с надгробием. Помню, что дата его кончины, выгравированная на камне, соответствовала цифровому значению букв библейского стиха: «И умер Моше, раб Господень».³ Но из каких букв складывается дата, в памяти моей не сохранилось.

Его сыном был блаженной памяти р.Михелэ, а внуком – р.Мордкелэ (умер в канун Сукойс 5660 г.⁴). У последнего были сыновья р.Михелэ (умер в Корце в конце первой мировой войны) и р.Шлэймэлэ (умер в Эрец-Исраэль). Внук р.Шлэймэлэ – р.Мордкелэ – продолжает династию в Иерусалиме. В эту же эпоху, эпоху распространения хасидизма, происходила французская революция. В Европе подули новые ветры: свобода, равенство, братство. Буря достигла и еврейской улицы. Возникло движение Гаскалы. Началось оно в Берлине, его предвестниками были Мендельсон* и «Га-меасефим»*. Буря прошла через города Галиции и постепенно добралась до Дубно, Кременца и даже до Звягеля. Это удивительно! Даже в Звягель, подобно Ружину и другим центрам хасидизма, лучи Гаскалы проникали в дома цадиков. Рэб Нахман, сын цадика, не мог терпеть древних преданий и разговоров о прошлом. Эхо морских бурь бросает его в Йом-Кипур, День Искупления еврейского народа. Всё более далёкими становились для него мир, в который он был погружён, и вопросы, занимавшие его до сих пор. Решительно отдаляется он раз и навсегда от этого старого мира, нарушает запреты и призывает к обновлению и переменам путём просвещения. Вся история, правдивая сама по себе, описана в книге «Куда?» нашего земляка блаженной памяти Фейерберга. Нет в этой повести действующих лиц с вымышленными именами. Ведь зёрна Гаскалы были посеяны в Звягеле ещё в начале XIX века, если не раньше. Мы можем ссылаться на архивы в синагогах. Там на чердаках мы находили неоднократно среди «шемот»* обрывки книг вроде ТаНаХа с «Бэур»*, опубликованные в XVIII в., а также литературу «Га-меасефим». Это доказывает существование в нашем городе в тот период группы маскилим.

1 Вторая половина 1879 г. – первая половина 1880 г.

2 Вторая половина 1769 г. – первая половина 1770 г.

3 Дварим (Второзаконие), 34:5

4 7 октября 1899 г.

Из всего выше сказанного вытекает, что хасидизм и Гаскала в Звягеле приходили в упадок, будучи связанными друг с другом. Они боролись друг с другом и оставили свой след в будущих поколениях.

Приходится перепрыгивать через 100-150 лет и ограничиваться личностями, которые жили и действовали в наше время. Вспоминая наших земляков, которых больше нет, мы стремимся достичь двух целей: во-первых, увековечить их и, во-вторых, передать нашим детям и будущим поколениям наследие прошлого. Пусть они знают, из какого источника черпали силу наши предки, а после них мы, наши сыновья и дочери, чтобы нести бремя дерзновенной борьбы и выдержать ужасные испытания. Пусть они знают, что корень нашего роста и источник нашей силы – это те, кто готовил нас к будущему и создавал духовные ценности еврейского народа.

Звягель – город хасидизма

Рэб Мэйше – звягельский цадик

Рэб Мэйше, основатель династии цадиков в Звягеле, был учёным, сыном великого магида из Злочова р.Ихила-Михла и внуком известного в своё время р.Ицхока из Дрогобыча. Таким образом, он был магидом и сыном магида. Этот пост передавался по наследству из поколения в поколение. Исполняя роль «магида справедливости» в Звягеле, он проповедовал хасидизм не только по месту жительства, но и обходил десятки больших и малых поселений в округе, распространяя учение среди масс евреев.

Рэб Мэйше был чудесным проповедником и притягивал к себе общину своим приятным назиданием. Он не только яростно обличал, но и способствовал развитию хасидского учения и обычаев. Все его мысли и поступки занимали праведность и набожность. Мысли его были возвышенны, а речь – ясной и приятной. Благодаря двум этим качествам он был вознесён на трон цадика и стал видной личностью.

Звягель, став центром хасидизма, продолжал расти. Его улицы наполняли толпы хасидов, приезжавших на субботу и праздники, чтобы быть под покровительством своего раввина. В городе было большое количество синагог для учёбы и молитвы. Кроме того, р.Мэйше основал в своём дворе молитвенный дом, в котором молился весь год. Только в йомим нойроим он молился в Большой синагоге и изливал свою душу в молитве вместе со всей общиной. Подобным образом поступали также его сын р.Ихил-Михл и сын последнего р.Мордкелэ. Рэб Мэйше умер 17 ияра 5597 г.¹

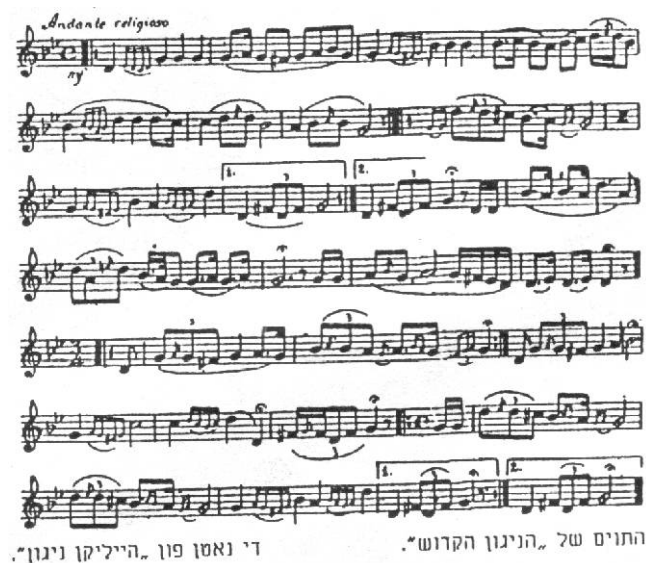
Рэб Ихил-Михл

Рэб Ихил-Михл (5548-5616 гг.²), который после своего отца занял пост цадика в Звягеле, женился на Двойре, дочери р.Исраэля-Хаима, сына раввина Авраама га-Малаха, чьим отцом был Межиричский магид. Она родила ему трёх сыновей и трёх дочерей. Он был чудесной личностью, для которой представлял ценность только старый быт первоначального хасидизма. Он не строил грандиозных планов и не стремился к почестям, был дорог и близок народным массам: ремесленникам, рабочим, лавочникам и т.п. Эта близость основывалась на глубоких человеческих мотивах. Чувства любви, заботы и сочувствия пробуждались в нём постоянно. Он сочувствовал обездоленным и стремился облегчить их страдания, любил простой народ, поскольку любил простоту и скромность.

В его характере сочетались хасидский экстаз и наивная опрометчивая весёлость. Целыми часами он танцевал на субботних и праздничных вечеринках и напевал мелодии из репертуара цадиков-старожилов.

1 22 мая 1837 г.

2 1787/88-1855/56 гг.

Ноты «Га-Нигун га-кадош»

Рэб Михэлэ отдавал в Звягеле предпочтение «Га-Нигун га-кадош»¹ перед остальными мелодиями, которые напевали вместе на субботних и праздничных вечеринках. Мелодию переполняли чувства и фантазии, жизнерадостность и вера. Душевым фоном была атмосфера таинственности, когда хасиды сидели перед цади́ком. Начало мелодии не было удобным для всех слушателей. Но тот, кто постиг её, был прикован её тихими и вместе с тем бурными звуками. Издавна эта мелодия была лишь уделом хасидов Звягеля и родственников с ними династий, например, Степани, Березного, Любишова. Постепенно она завоёвывала сердца, пока не стала привычной для уст всех горожан, как хасидов, так и миснагидов, своеобразной «мелодией мелодий». Ещё в 5638 г.² мелодию напевали в двух вариантах. Через некоторое время, когда мелодия стала популярной среди широких слоёв хасидов, решили проследить её происхождение, и старые хасиды установили, что её сочинил магид р.Ихил-Михл из Злочова, который был одним из музыкантов в доме Бешта. По мнению цади́ков из ХаБаДа, Бешт называл её «мелодией, вызывающей большую жалость». Согласно преданию, Бешт перед смертью велел спеть для него эту мелодию Злочовского магида, и ученики, находившиеся под его покровительством, самозабвенно выполнили приказ. После того как они кончили петь, Бешт им сказал: «Вот что я вам возвещаю. Каждого, кто споёт мелодию, вызывающую жалость и покаяние, я выслушаю всюду и буду пробуждать жалость к нуждающимся в покаянии и милосердии».

Мелодия стала хлебом насущным Звягельской династии цади́ков. Её напевают всюду, куда разбросало звягельских хасидов, и она известна под названием «Га-Нигун га-кадош». И в Иерусалиме, где основал свой дом потомок звягельских цади́ков, тоже поют её.

Рэб Михэлэ умер 12 тишрей* 5616 г.³ в возрасте 70 лет и оставил после себя сына р.Мордкелэ, занявшего его место.

1 «Священная мелодия» (ивр.)

2 Первая половина 1877 г. – вторая половина 1878 г.

3 24 сентября 1855 г.

Рэб Мордкелэ

К нему, третьему в династии, были привязаны хасиды его отца. Тогда его считали одним из великих цадиков своего поколения. Он любил еврейский народ, общественную деятельность и призывал: «Любите истину и мир».¹

Старые хасиды, которые получали удовольствие от сияния его славы, несли в своих сердцах как драгоценность память о нём. И по сей день престарелые звягельские хасиды, поселившиеся в Иерусалиме и в других местах Израиля, говорят о нём так, словно он ещё живой. Они бесконечно восхищены его образом жизни и поведением. По их рассказам, р.Мордкелэ был человеком доброй души и ясного ума. Не было тайны, которая могла бы от него укрыться в Торе или хасидизме, а тот, кто хотя бы раз с ним встречался, был очарован его величием во всех отношениях. Каждое слово, исходившее из его уст, было взвешенным, а советы – непостижимо глубоко обдуманными. Он был общительным и не замыкался в четырёх стенах.

Всю жизнь ему нездоровилось, и он не обращал на это особого внимания. По своей природе он был худым, но имел здоровое сердце и благодаря этому прожил не меньше своего отца. Слабость не мешала заниматься ему общественными делами. Он был скромным и просил габая, который сопровождал его во время путешествий по городам, чтобы его не прославляли. Рэб Мордкелэ всегда был сосредоточен на преданном служении Господу, мог часами стоять на месте, опираясь на свой пюпитр и погрузившись в размышления, а хасиды не осмеливались его тревожить. Деньги были ему ненавистны. Он касался только края записки, которую подавали ему хасиды, чтобы не прикасаться к денежным выручкам. Всю выручку распределял среди бедных и нуждающихся.

Рэб Мордкелэ умер в канун Сукойс 5661 г.² в возрасте 75 лет. Он оставил после себя двух сыновей-цадиков. Один из них, р.Михелэ, переехал в Корец и руководил там хасидской общиной, а другой, р.Шлэймэлэ, много лет занимал его место в Звягеле до своей репатриации в Эрец-Исраэль и поселения в Иерусалиме, в котором умер 26 ияра 5705 г.³

Два его сына – старший, раввин Михелэ, и младший, раввин Шлёмкелэ, занимали место отца после его кончины. Их обоих почитали сотни хасидов из разных слоёв, особенно ремесленники.

После установления советской власти раввин Михелэ вместе со многими другими переехал в Корец. Вскоре после этого он умер и был там похоронен. Раввин Шлёмкелэ оставался в Звягеле и после захвата города Советами в 1920 г., вплоть до конца 1925 г. Советская власть с уважением относилась к его личности и не мешала ему руководить теми, кто находился под его покровительством. На Рош-а-Шонэ 5686 г.⁴ он прибыл в Эрец-Исраэль и поселился в Иерусалиме. Даже здесь сосредоточилось вокруг него множество хасидов. Он приобрёл большую популярность и обожание. Умер 26 ияра 5705 г.

Редакция

1 Книга пророка Захарии, 8:19

2 7 октября 1900 г.

3 9 мая 1945 г.

4 Первому дню Рош-а-Шонэ 5686 г. соответствует 19 сентября 1925 г.

Популярные личности в Звягеле

Во время пожара 1919 г. в Большом бес-медреше сгорел старый пинкас, в который время от времени записывались все важные события в истории города и окружающих местечек. Так были утрачены подробности о многих видных людях и великих цадиках, проживавших в нашем городе и ближних местечках – Межириче, Корце, Полонном и др. – служивших духовными центрами для основателей и толкователей хасидизма.

Во времена Межиричского магида в нашем городе поселился р.Мэйшелэ – четвёртый из пяти сыновей р.Ихила-Михла из Злочова, известных под названием «хамиша хумшей Тора»¹. Когда у Бешта, согласно легенде, попросили перед кончиной назвать имена своих преемников, он сказал, что у него есть три преемника: Межиричский магид унаследовал от него Тору, р.Пинхас из Корца – мудрость, а р.Ихил-Михл из Злочова – святость. Рэб Мэйшелэ получил от Межиричского магида «проповедничество» в нашем городе и основал Звягельскую династию, пользовавшуюся большим влиянием в городе. Её историю рассказывают в книге другие авторы. Поэтому я ограничусь образом одного из лучших и последних в этой династии, цадика р.Шлэймэлэ. А начну с его отца р.Мордкелэ.

Цадик р.Мордкелэ

Цадика р.Мордкелэ я успел застать ещё в детстве. Этот низкорослый еврей вследствие частых постов был очень худым. В своей маленькой комнате он уединялся и отмежевывался от своих многочисленных хасидов. Его влияние в городе было большим. Многие прислушивались к его словам, о нём ходило легенды. Его смерть в канун Сукойс 5660 или 5661 г.² привела в ужас всю общественность города. В тот день прекратилась торговля, были закрыты все магазины и мастерские, толпы людей устремились к дому, в котором он жил, и провожали его к месту последнего покоя.

Цадик р.Шлэймэлэ

После кончины р.Мордкелэ династию продолжили его сыновья р.Михелэ и

1 «Пять книг Торы» (древнеевр.)

2 1899 или 1900 г.

р.Шлэймэлэ. Особенно выделялся набожностью, честностью и добросердечностью младший сын, р.Шлэймэлэ. Он приводил домой учеников ешивы, которые содержались за его счёт, хотя сам жил в постоянной нужде. Его честность и простодушие высоко ценились в хасидских кругах.

Его чистосердечность особенно проявилась во время погромов 1919 г., когда банды захватили власть и терроризировали горожан, не знавших, куда деваться. Подвергая себя опасности, он пошёл вместе с несколькими уважаемыми горожанами на встречу с погромщиками, что предотвратило в немалой степени дальнейшую резню. Очень характерен следующий эпизод. В те дни погромщики требовали от евреев передать им насильника Китай-Бабу, деклассированного элемента, который приспособлялся к любой власти, а в последнее время примкнул к большевикам. Погромщики утверждали, что по его вине среди них было несколько погибших. Китай-Баба спрятался в городе, и трудно было его найти. Погромщики грозили массовыми убийствами, если его не передадут в их руки. Горожане обнаружили, где он скрывается, и пришли к р.Шлэймэлэ за советом, следует ли выдать его и тем самым спасти общину от смерти. Раввин ответил им с содроганием: «Хотя он, насильник, причинил нам много горя, мы в таком случае, согласно раввинскому суду, обязаны пойти на самопожертвование и не передавать никого из евреев на смерть». Гости вынуждены были с ним согласиться и не выдавали Китай-Бабу. В конце концов, погромщики сами нашли его, привели во двор синагоги и потребовали, чтобы старший брат раввина, р.Михелэ, убил его собственноручно. Рэб Михелэ отказывался выполнять их требование, несмотря на все угрозы и побои. Положение было опасным. Грузчик Хуна, видя все эти мучения, не мог больше терпеть, собрался с духом и застрелил Китай-Бабу.

После погромов, с упрочением Советской власти, ему удалось вырваться из города и перебраться в Эрец-Исраэль. На Рош-а-Шонэ 5686 г. р.Шлэймэлэ со своей семьёй прибыл в Эрец-Исраэль. Он поселился в старой части Иерусалима, вёл себя скромно и никому не раскрывал тайну о себе и своей родословной. Ходил каждый день к Стене Плача, даже в то время, когда в узких улочках Старого города буйствовали арабские банды, и проводил там время в молитвах. Он приводил к себе домой душевнобольных и прокаженных, а также беспризорных детей, обучал их Торе и содержал за свой счёт, хотя он и его семья тогда часто голодали. Во время войны и блокады Иерусалима часто, рискуя жизнью, выходил к бойцам и укреплял их дух. Он обожал молодых рабочих и бойцов за их самоотверженность и чистоту души, призывал других не придирается к их недостаточной кошерности. Одной из своих родственниц р.Шлэймэлэ посоветовал выдать дочь только за рабочего человека, живущего плодами своего труда, так как только таким путём можно достичь достойной и справедливой жизни. Он был также большим почитателем раввина Кука блаженной памяти. На его массовых похоронах участвовали все раввины и цадики во главе с главным раввином Герцогом*, а пресса назвала р.Шлэймэлэ «святым».

Раввины

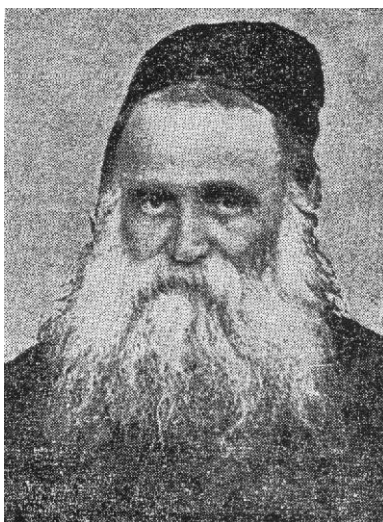
Во времена раввина Мордкелэ в нашем городе было несколько великих знатоков Торы. Среди них особенно выделялся своим большим влиянием раввин **Мойше-Шмуль**. Он сочинил большую книгу «Беэр Моше» о четырёх разделах «Шулхан Арух»*. Лишь ничтожная её часть была напечатана под названием «Нахлат авот». Ещё написал большую книгу о трактате «Кала рабати»*. Он занимал пост главного раввина нашего города 27 лет и умер 5 ияра 5663 г.¹

1 2 мая 1903 г.

В это время в нашем городе был также раввин р.Гершл Бару, который отличался своей нравственностью. Жил тогда и раввин р.**Симха Купчик**. Он не занимал должности в городском раввинате, но сделал много, и великие раввины, которые вели с ним переписку, называли его «раввином звягельским». Среди видных раввинов, которых чтили в городе, был р.Алтэр-даен, один из руководителей тальновских хасидов, выделявшийся своим благородством и утонченностью. О его личности в книге написано отдельно.

Следует отметить уроженца нашего города, служившего раввином в Кременце, которого звали «раввин р.**Зезв Мишнэ** из Звягеля». Он был знаменитым гаоном и хорошо разбирался в житейской практике. Многие деловые люди приглашали его вместе с другом р.Алтэром из Староконстантинова на арбитраж и раввинские суды, касающиеся торговых дел. Он вёл дела в открытую, без поблажек и не раз вызывал против себя гнев заправил общины. После его кончины нелегко было найти преемника, и в городе вспыхнула сильная ссора за пост раввина.

Рэб Йоэль Сорин – «Даровитый»

Это был один из великих воспитателей и богословов, который наложил отпечаток не только на жизнь в нашем городе, но и далеко за его пределами. Я уже писал в своей обобщающей статье о его влиянии в городе через ешиву и хочу здесь только отметить некоторые подробности из его биографии.

Рэб Йоэль Сорин родился в Лохвице Полтавской губернии в бедной семье. Его отец, трубочист, сделал много для воспитания своего сына. Ещё в детстве он выделялся своими способностями и получил тогда прозвище «Даровитый из Полтавы». Узнав о его дарованиях, местный раввин р.Мойше-Бэр Лурье помог ему поехать в знаменитую Воложинскую ешиву. Там у него были тесные отношения с гаонами Нецивом* и р.Хаимом Соловейчиком*, которые поддерживали его, пока он не стал большим эрудитом. Женившись, «Даровитый» переехал к своему тестю, раввину Эльханану Шиффу в Черничи Минской губернии. В это время из крупных общин к нему как знаменитому знатоку Торы поступили многочисленные предложения занять у них пост раввина. Однако «Даровитый» поставил целью своей жизни распространить Тору среди еврейского народа и основать ешивы в тех местах, где обучение не было распространено.

Поэтому он отправился на Волынь и основал ешиву в 5657 г.¹ в местечке Бережнице, а через несколько лет перевёл её в Звягель. Эта ешива, в которой я учился, назвалась «Ор Тора».

Рэб Йозель Сорин выступал за объединение всех сил еврейского народа, опубликовал брошюру о значении единства. Большой была его радость, когда в России была основана «Ахдут Исраэль», объединившая всех набожных. Он лично вёл агитацию за укрепление этого движения на Волыни и во всей Украине.

Когда Советы захватили власть в городе, и ешиве стала угрожать опасность, «Даровитый» перевёл её в соседнее местечко Корец, расположенное на польской территории. Со временем он открыл отделения ешивы в Ровно, Кременце, Домбровице² и заботился об их обеспечении. Но материальное и духовное положение ухудшалось. Из-за болезни он поехал на лечение в Варшаву и, несмотря на все усилия врачей, скончался там 11 ава* 5687 г.³ (1927). На его похоронах принимали участие набожные евреи Варшавы, раввины, главы ешив со своими учащимися. Его могила находится рядом с могилами Нецива, р.Хаима Соловейчика и других гаонов.

Рэб Дувид Бецалель

Он был большим эрудитом. Днями и ночами предавался учению. В среднем возрасте занялся изучением каббалы и мистики, начал себя истязать, поститься, чтобы закалить тело и достичь через страдания глубин каббалы. Это был благородный, утончённой души человек. Он особенно любил простых евреев-трудяг, делил с ними свой скудный кусок и чуждался «почётных евреев» – глав общин, богачей и домохозяев.

Несколько лет он жил в нашем доме, и я имел возможность проследить его скрытые пути. Меня ошеломили скромность и простота души этого ламед-вовника*, который обособился от суеты и витал в таинственном мире каббалы.

Он просыпался около полуночи, после кратковременной дремоты, тихо вылезал из комнаты через окно, чтобы не поднимать шум и не беспокоить спящих, и бежал – даже в суровую зимнюю пору – к реке Случь. Окунался и тотчас спешил в близлежащий бес-медреш мясников. Там он учил целую ночь до полудня. После скудного обеда, который сам себе готовил, немного дремал в своей комнате и затем продолжал учёбу допоздна. Какое спокойствие, свежесть и внутреннюю радость излучали его красивое лицо и здоровое тело! С какой готовностью общался он с простым евреем, спрашивавшим у него совета!

Через некоторое время р.Дувид Бецалель целиком посвятил себя трудовому народу, грузчикам и водовозам, которые сделали его своим раввином. Он на несколько часов прерывал свою учёбу, которая была ему дороже всего, сидел с ними и обучал с удивительной простотой недельной главе Торы и отрывкам из «Хок ле-Исраэль». В это же время он вёл переписку с великими раввинами, обсуждал с ними серьёзные проблемы или углублялся в тайны каббалы. Ненавистники подвергали его нападкам и превращали в полное ничтожество за дружбу с простыми людьми. А народ любил его и защищал от врагов. Это была великая личность с чистой душой праведника. В последние годы жизни он занимал пост раввина в местечке Рогачёве.

1 Вторая половина 1896 г. – первая половина 1897 г.

2 Ныне г.Дубровица Ровенской обл.

3 9 августа (по другим источникам – 11 ияра, т.е. 13 мая)

Дувид Рубинфайн – кающийся грешник

Это был сын жены Арона Ческиса от её первого брака. Своё детство и юность провёл в бес-медреше и воспитывался в хасидской среде. Когда наступили бурные годы Гаскалы, он начал заглядывать в светские книги и стал немножко безбожником, впал в ересь, хотя никогда не примыкал ни к маскилим, ни к социалистам. Но через некоторое время, особенно после погрома, разочаровался в идеалах «весенних» революционеров и стал кающимся грешником, человеком, который окончательно отрёкся от всего материального. Он оставил жену и маленьких детей, начал изнурять себя длинными еженедельными постами. А затем, валяясь на глазах у всех на пороге бес-медреша, требовал от богобоязненных прохожих топтать его ногами, пороть на раввинском суде. Это очистит его грешную душу. Он просто сошёл с ума. Дети насмеялись над ним. Успокоившись, этот человек мог в ясном уме вести с другими беседы о Торе. Его постоянным местом пребывания был бес-медреш.

Я помню сцену, которая меня потрясла. Проходя однажды мимо бес-медреша, я услышал душераздирающие крики и, подойдя ближе, увидел его лежащим у порога бес-медреша. Одежда разорвана, глаза полны ужаса. Он весь дрожал от глубоких страданий и умолял, чтобы ему помогли избавиться от внутренней скверны. Вокруг собралась толпа, сильно шумели дети, а он, кажется, никого не замечал и молился за чистоту своей души. И эта молитва была искренней, чистой. Душа его жаждала Бога, искала смысл в жизни.

На склоне лет он вместе с семьёй репатриировался в Эрец-Исраэль, поселился в Старом городе Иерусалима и остаток жизни проводил у Стены Плача в постах и молитвах.

Видные патриоты переломного периода

В 80-е годы, в так называемый «период бури и натиска», период пробуждения еврейской интеллигенции, годы первых царских погромов в Южной России, из Звягеля после тяжёлой борьбы с хасидами в бес-медрешах вырвались две видные персоны: Аврум Людвиполь и Шмоль-Аба Пен. Проявили они себя, главным образом, за пределами города.

Аврум Людвиполь

Родился в хешване 5626 г.¹ (1866). Отец, р.Дувид-Бэр, был потомком р.Пинхаса из

1 21 октября – 18 ноября 1865 г.

Корца. Сына воспитывали, как и всех, сначала в хедере, а затем в Тальновском клойзе, где молился отец. Когда ему исполнилось 16 лет, он начал скрытно читать книги Гаскалы. Когда это обнаружилось, его выгнали молельни. После службы в армии поселился в Одессе и начал работать журналистом в русско-еврейской газете «Восход»* и ежедневной газете «Одесский листок».

Это было время «Билу», весенняя пора «Хибат Цион». Он с большим воодушевлением увлёкся их идеями и ещё в 5650 г. (1890) поехал в Эрец-Исраэль, однако не смог получить от турецких властей разрешения на въезд в страну и остался в египетском городе Александрии. Там в течение шести месяцев работал простым портовым рабочим. А когда стало ясно, что ему не удастся попасть в Эрец-Исраэль, он уехал в Париж. Там начал учиться в Сорбоннском университете, познакомился с несколькими писателями и учёными, которые помогали ему совершенствоваться в учёбе. Вскоре он выучил французский язык, начал писать статьи в крупные французские газеты, издавал ежемесячник “L’echo sioniste”. Одновременно писал и в ивритские газеты «Га-Цфира», «Га-Мелиц», «Га-Дор»*, «Га-Шилоах». Но сердце его было на Востоке, и в начале 5657 г. (1897) он, наконец, прибыл в Эрец-Исраэль. Оттуда примерно через четыре месяца выехал на I Сионистский конгресс в Базеле. Он участвовал во всех сионистских конгрессах до 5668 г. (1908), когда постоянно поселился в Эрец-Исраэль. Его впечатления о пребывании в стране были опубликованы в «Луах Ахиасаф»*, 5659 г.¹ под названием «От берегов Иордана до берегов Рейна».

Во время процесса Дрейфуса принимал активное участие в его защите и сблизился с борцами за его освобождение: Эмилем Золя, Пикаром, Клемансо*, Жозефом Рейнаком* и особенно с д-ром Герцлем, Максом Нордау* и Бернаром Лазаром*. О суде он писал в крупную российскую прессу. Особенное впечатление производили его статьи в московской либеральной газете «Русские ведомости». В «Луах Ахиасаф» опубликовал интересные монографии о Бернарде Лазаре, Нордау и на русском языке о Герцле и Нордау.

Главным его достижением было создание в 5663 г. (1903) в Варшаве ежедневной газеты «Га-Цофэ»*, которая сконцентрировала все молодые журналистские силы. Эта образцовая, современная литературная газета отличалась свежестью духа и прочной сионистской позицией во время кризиса Уганды и происшедшего затем раскола.

В 1907 г. по поручению «Ховевей Цион» он выехал в Эрец-Исраэль с целью создания в стране фундамента для приличной ежедневной газеты. Газета, правда, не была создана из-за трудного положения в стране, но он осел в стране, участвовал во многих общественных учреждениях, был депутатом первого учредительного собрания и публиковал статьи в местной прессе. Майский погром в Яффе в 1921 г. потряс его до основания. Он не смог прийти в себя от горечи и умер на третий день погрома, 25-го нисана 5681 г.² в Тель-Авиве.

1 Вторая половина 1898 г. – первая половина 1899 г.

2 3 мая 1921 г.

Шмуль-Аба Пен

Почти ровесник Людвиполя, вместе с ним учился в Тальновском клойзе и уже тогда отличался своими умственными способностями. Когда он увлёкся Гаскалой, его с позором прогнали из молельни. Поехал в Житомир для поступления в раввинское училище, но это ему не удалось. Он уехал в Одессу, прославился как талантливый журналист в русской ежедневной прессе, активно действовал среди еврейской общественности и был избран казённым раввином. Но местный губернатор не хотел утверждать его как политически неблагонадёжного. И киевский губернатор по упомянутым соображениям не хотел его после этого утверждать в качестве раввина Бердичева.

Ему затем удалось в возрасте 40 лет получить аттестат адвоката и добиться большого признания. Он принимал активное участие в различных общественных судебных процессах, в том числе в юридических совещаниях во время процесса Бейлиса. Одновременно публиковал статьи в «Га-Шилоах», «Га-Цфира» и «Луах Ахисаф», а также в русской прессе.

После русской революции много работал в Еврейском общественном комитете помощи беженцам, был избран вице-председателем Одесской еврейской общины и делегатом национальной конференции Украины. Позже был арестован Евсекцией. Когда большевики временно покинули Одессу, ему удалось вырваться оттуда и репатриироваться в Эрец-Исраэль. Здесь он снова занял видное место в общественной жизни и публиковал статьи в «Гаарец»*, «Га-Поэль га-цаир», «Кунтрес»*. Умер 26-го сивана* 5683 г.¹ (1923) в Тель-Авиве.

Компания Фейерберга

Гордостью Звягеля была маленькая группа молодёжи, которая появилась в нашем городе в конце 90-х гг. прошлого столетия. Во главе её стоял одарённый юноша Мордехай-Зезв Фейерберг, сын Шимона-шойхета, который вскоре прославился как писатель, оказавший большое влияние на своё поколение. Он наложил отпечаток на дальнейшую жизнь своих друзей, хотя часть из них отошла затем от сионизма, а некоторые вообще покинули ряды еврейской общественности.

Особые нити соединяли эту компанию ещё при жизни Фейерберга с литературными кругами в Одессе, особенно, с Ахад Гаамом, который относился к ним как отец и покровитель. Я отмечу нескольких выдающихся личностей из этой компании.

1 10 июня

Ш.-Ц.Зецер

Он родился в 1876 г. Свои юношеские годы описал в воспоминаниях о Фейерберге, вышедших из печати в виде книги. Сразу после смерти Фейерберга покинул Звягель и переехал в Житомир. В 1901 г. опубликовал в «Га-Дор» Фришмана* свою первую статью «Культура еврейская – культура национальная», в которой дискутирует с Ш.Бернфельдом*, опубликовавшим ранее в «Га-Дор» статью под таким же названием. В этом номере и нескольких продолжениях были опубликованы также его статьи «Люди и писатели» о Максе Штирнере* и Фридрихе Ницше. Он также принял активное участие в ежедневной газете «Га-Цфира» и литературном приложении к ней.

Через несколько лет стал сотрудничать с газетами на идиш «Дэр фрайнд»*, «Гайнт»*, «Телеграф»*, в которых писал под разными псевдонимами. В 1912 г. уехал в Америку и начал издавать ежемесячный журнал «Га-Тхия»*, который из-за сложившегося в то время положения долго не продержался. С 1922 г. издавал журнал на идиш «Дос Ворт»*, который вначале был еженедельником, а затем – ежемесячником.

Зецер писал, главным образом, о еврействе древности, средневековья и эпохи хасидизма, а также критические статьи о литературе на иврите и идиш. Главные его произведения: 1) «Всеобщие принципы и правила, касающиеся гражданского вещного и уголовного права»; 2) «Снисхождение согласно Талмуду, мидрашам, Рамбаму и Зогару»; 3) «Важнейшие фигуры и моменты еврейской истории: от Вавилонского изгнания до эпохи Хасмонеев» – в 4 томах; 4) «О возникновении христианства» – в 6 томах; 5) «Фигуры» – критические статьи о Бялике, Бренере, Лесине*, Брайнине*, Моррисе Розенфельде*, Нордау, проф. Калере*, Зангвиле* и И.А.Гурвице*; 6) «Сказания р.Нахмана Брацлавского*»; 7) «Рэб Йегуда Галеви»; 8) «Рэб Авраам ибн Эзра*». Он также перевёл на идиш главы из «Зогара», мидраши*, «Мишну Тору» Рамбама, «Схар вэ-Онеш», а из новой ивритской литературы произведения Фейерберга. Подробная оценка его творчества дана в статье доктора А.Мукдони*, опубликованной в этой книге.

Находясь в Житомире, Зецер также занимался организационной работой в окружном сионистском комитете. Во время выборов во Вторую Государственную думу, когда велась тяжёлая борьба за выдвижение сионистского кандидата на Волыни г-на Жаботинского*, он приезжал в наш город и вёл агитацию за сионистский блок.

Его разносторонняя литературная деятельность особенно усилилась в последние годы, и в последнем письме нам он пишет: «Как назло, сейчас, на старости лет, я стал как будто сильнее. В моей голове каждый день созревает масса идей, которые я не успеваю записать, и во мне растёт стремление учиться и исследовать. Хотелось бы заниматься, по крайней мере, шесть часов в сутки, но у меня нет возможности исполнять своё желание. Меня отягощает эта серьёзная проблема, с которой я столкнулся и над которой много размышляю. Идеи постоянно наполняют моё сознание, пока мне не удастся переварить их и насытить свою душу. Одним словом, мне теперь хватает забот. Но они для меня – „страдания любви“, которых я жажду и по которым тоскую.»

Последнее время он мечтал о приезде в Израиль. Дай Бог, чтобы это ему удалось.

Аврум Ческис

В компании Фейерберга он выделялся своим аналитическим умом. После смерти Фейерберга уехал в Одессу и был там частым гостем Ахад Гаама, который ценил его и возлагал большие надежды. Ахад Гаам материально поддерживал его несколько лет, даже когда тот переехал в Париж и учился в Сорбонне. Ещё в юности склонялся к марксизму и старался обосновать на основе этого учения развитие новой ивритской литературы (в своей статье «Наша литература» в «Га-Дор» Фришмана – 1902 г.)

Был раньше активным в сионистском движении и участвовал как представитель демократической группы в знаменитой сионистской конференции в Минске. Находясь в Париже, перешёл в «Бунд». На шестой конференции «Бунда» в Цюрихе (октябрь 1905 г.) был избран членом ЦК. Участвовал также во всероссийской конференции социал-демократов в Таммерфорсе¹ (Финляндия). Сразу после приезда в Россию был арестован и заключён в Двинскую тюрьму. После освобождения активно работал в Варшаве членом бундовского окружного комитета. Организовал выборы на конференцию российских социал-демократов в Лондоне и участвовал в ней. После этого поселился в Париже и написал серию статей в социалистическом научном ежемесячнике «Revue socialiste». Опубликовал книгу на французском языке о П.Лаврове*. Вместе с видными социалистическими деятелями организовал лигу защиты евреев, редактировал ежемесячный журнал «Emancipation Juive». В Сорбонне защитил диссертацию по философии на тему «Исторический материализм в России».

В начале первой русской революции вернулся в Россию и как член ЦК «Бунда» возобновил свою организационную и литературную деятельность. Был редактором «Фолкс-цайтунг» в Вильно. После провала революции опять уехал в Париж, а в начале второй революции (1917 г.) вернулся в Россию. В это время он побывал в нашем городе и навестил своего пожилого отца р.Арона, выступал на нескольких собраниях «Бунда» с докладами о революции. После большевистского переворота вступил в коммунистическую партию, но избегал работы в Евсекции. Поселился в Киеве и был одним из основателей «Культур-Лиги»* и народного университета при ней. Затем переехал в Москву, редактировал «Эмес»* и «Красную новь»* на русском. Был назначен доцентом факультета философии Московского университета. Опубликовал философский

1 Нынешнее название – Тампере

очерк о Людвиге Фейербахе.

Согласно сообщениям, он погиб в автомобильной аварии.

Янкель-Йосиф Вол

Родился в Турийске и воспитывался в хасидской среде, близкой двору местного цадика. В юности изучал языки и много путешествовал по России. В Баку окончил среднюю школу и начал учиться в университете. После женитьбы переехал в Звягель и примкнул к компании Фейерберга. Он был одним из первых ивритских учителей в нашем городе, по инициативе которого и при поддержке группы общественных деятелей была основана первая усовершенствованная школа на иврите. После погромов 1919 г. уехал в Америку и занялся там преподаванием иврита: сначала в Бостоне, а затем в различных школах Нью-Йорка, включая учительскую семинарию, в которой работал до конца жизни.

Литературную деятельность начинал в «Га-Мелиц» и «Га-Цфира» статьями о литературе и проблемах современности, затем продолжал в «Луах Ахисаф», «Га-Цофэ», «Га-Зман»* и виленском «Га-Олам»*, а в Америке – в «Га-Доар»*, «Сэфер га-Шана ли-Егудей Америка»*, «Масад»*, «Шевилей га-хинух»* и «Цукунфт»*. Пользовался разными псевдонимами: рэб Моше, Волынский и др.

Умер 10-го нисана 5704 г.¹ Книга под названием «Штэй рэшуот», в которую включены его критические статьи об ивритской и всеобщей литературе, вышла из печати посмертно. О его литературной деятельности – в статье Ш.Галкина*.

Эзра Брахман

Один из друзей Фейерберга. Родился в селе Городище и воспитывался у своего деда в Звягеле. Получил традиционное хасидское воспитание. Достигнув совершеннолетия, уехал в Одессу, учился в местном университете, а затем в парижской Сорбонне.

В годы первой русской революции был в «Бунде», дважды арестовывался и несколько лет провёл в Шлиссельбургской крепости. В годы реакции покинул «Бунд», стал беспартийным. Но и тогда продолжал заниматься важной общественной деятельностью в интересах народных масс, особенно в области экономики.

В тяжёлые годы гражданской войны был назначен на ответственный пост заведующего отдела продовольствия Москвы и ближайшей округи, хотя руководство знало, что он не является членом коммунистической партии.

Умер в 1928 г. в Москве. Некоторые подробности о нём – в статье Гирша

¹ 3 апреля 1944 г.

Розенфельда.

Борух (Бузя) Ческис

Известный член ЦК эсеров. Вместе со своим другом Нусе Капланом организовал и возглавил эсеровские круги в нашем городе. Отличался разносторонним образованием, очаровывал всех своей утончённой душой и отвагой, был популярен среди рабочих.

Борух (Бузя) Ческис

Являясь членом всероссийского ЦК эсеров, он действовал, главным образом, в Киеве, а затем на Кавказе. В 1908 г. его арестовали в Баку как председателя Кавказского краевого комитета эсеров. В тюрьме сидел вместе с Йосифом Сталиным, а затем был сослан на вечную каторгу в Сибирь, но бежал оттуда во Францию и служил во время первой мировой войны офицером французской армии.

После второй русской революции, во времена Керенского, приехал в Россию и со свойственным ему энтузиазмом опять занялся революционной работой, посетил наш город и воодушевлял широкие массы на многочисленных собраниях своими речами о новой жизни. Вскоре вспыхнул большевистский мятеж, и ему как бывшему активисту центра партии эсеров пришлось снова уйти в подполье и скитаться с места на место. Но он был арестован и заключён в известную тюрьму Бутырки. В 1927 г. встретился со своим братом Йосифом Ческисом (профессором университета Брандаиса в Бостоне), который посетил тогда Россию. Он страдал физически от допросов, дух был подавлен. Горьким было его разочарование от революции, ради которой были отданы лучшие годы жизни. В полном отчаянии он выразился, что «третья революция», советская, выглядит кровавым трагическим фарсом для предыдущих поколений революционеров. Его, как и многих других организаторов эсеров, ликвидировала НКВД.

Айзик Арбетман

Один из замечательных людей нашего города. Знаток как в старой, так и новой литературы на иврите и идиш, был одарён ясной логикой и острым юмором, предан всей душой сионизму. У него была мастерская по производству бумаги и картона, и он тяжело работал, чтобы содержать свою большую семью. Вместе с тем предавался безгранично общественной работе, особенно в области культуры. Вместе со своими друзьями

Я.-Й.Волом и Йосифом Гилбергом основал усовершенствованную школу и вёл решительную борьбу с ортодоксальными кругами за воспитание в талмуд-торе.

У него был облик выдающегося учёного: широкий лоб, чёрные беспокойные глаза, чёрная борода. Большим было его влияние на близкие нам круги «Цеирей Цион». На целый вечер (а иногда даже на целый день) покидал он свою мастерскую и направлялся на бывшие рабочие биржи, где наравне с нами, юными, вступал в жаркие дискуссии и осиливал своего соперника остроумными речами.

После погромов в 1919 г. он присоединился к беженцам и уехал в Ровно, а оттуда вместе с несколькими общественными деятелями с помощью «Джойнта» был переправлен в Америку. О его деятельности в США рассказывает в своей заметке дочь.

Доктор Торговец

Этого знаменитого врача отличали преданность и добросердечность по отношению ко всем людям, любившим его. Особенно это касалось убогих и страждущих, которых он бесплатно лечил. В случае опасности самоотверженно ухаживал за больным, сидел у его постели целую ночь и нередко оставлял под подушкой немного денег на покупку лекарств и еды. После выздоровления больного заботился о материальном благополучии его семьи. Люди доверялись ему, несмотря на то что он их часто по-отцовски ругал и с наигранной злостью требовал больше предприимчивости.

Вначале доктор был сионистом от народно-демократической фракции, участвовал в сионистских конференциях и на Минском съезде. В качестве гостя побывал на I Сионистском конгрессе. Однако в годы первой русской революции изменил свои взгляды и примкнул к «Бунду». На одной из манифестаций был жестоко избит царской полицией. Во время реакции покинул «Бунд» и остался беспартийным. Он плодотворно действовал в области просвещения масс, прививал народу жажду к учёбе и совершенствованию. Под его влиянием несколько юношей поехали учиться и впоследствии стали выдающимися личностями, борцами и писателями.

Вместе с доктором бурной натурой и благородным духом выделялась его сестра Ольга. Подробно о нём в статье Г.Розенфельда.

Доктор Кенигсберг

Один из самых известных врачей в городе и округе. Его приглашали на консилиумы в ближние местечки и даже большие города. В юности учился в ешиве, выделялся острым умом и глубокими знаниями. Затем бросил ешиву, увлёкся светскими науками, экстерном выдержал экзамен на аттестат зрелости и учился в университете. Но даже тогда не порывал с Талмудом и авторитетами еврейского закона, знал наизусть различные религиозные тексты и законы. Посещая знатоков святого Писания, с воодушевлением участвовал в галахических дискуссиях, особенно о трефном и ритуальной чистоте, имеющем отношение к медицине.

В те годы в русской прессе происходил спор с антисемитами о запрете убоя. Из печати вышла известная книга об убое профессора Хвольсона*, которая произвела большое впечатление. Появилась также книга доктора Й.-Л.Каценельсона «Йесодей тума вэ-тагара»* о здравоохранении в талмудической Галахе. Доктор Кенигсберг как врач с энтузиазмом отнёсся к разъяснениям д-ра Каценельсона о медицинских познаниях в древности и во время своих визитов нередко обсуждал эти темы со знатоками еврейского закона. Он соблюдал религиозные обычаи и субботу.

Доктор отказывался брать плату у бедных пациентов и даже оставлял им деньги на

дальнейшее содержание. Он пользовался исключительной популярностью в народе, хотя и не занимался общественными делами.

Персонал еврейской больницы «Бикур Холим». 1918-1919 гг.

Доктор Островский

Д-р Островский был всей душой предан трудящимся. Как общий социал-демократ был склонен к ассимиляции. В годы первой русской революции примыкал к «Бунду». В начале второй революции, в эпоху Керенского, был избран председателем демократической общины, представляя социалистический блок. Как член правления отделения «Культур-лиги» участвовал в культурной работе. Во время погромов 1919 г. был очень активным в местном комитете помощи «Джойнта», хлопотал об оказании конструктивной помощи. Был одним из лучших врачей города и заведующим еврейской больницы «Бикур Холим», о которой проявлял заботу и довёл до высокого уровня. Во время страшных погромов и эпидемии тифа предпринимал неимоверные усилия, чтобы спасти больных. Занимался также попечением и снабжением детей-сирот в Звягеле и затем в Ровно, вплоть до их отъезда в Эрец-Исраэль.

Многие ценили его за добрые дела, благородство и преданность.

Меценаты и анонимные жертвователи

В пожертвованиях особенно выделялся старый р.Пейсах Кутман (Пейси Пини

Мордкелэс), тальновский хасид. Его дом был постоянно открыт для всех нуждающихся. Много преданий ходило о его добрых дел и трагической гибели от рук погромщиков в 1919 г. Подробно о нём в этой книге пишет г-н Ш.-Ц.Зецер.

Рэб Лейб Ротенберг

Вторым великим анонимным жертвователем был р.Лейб Ротенберг. Он арендовал водяную мельницу в соседнем селе Александровке, часто приезжал в город, справлялся о нуждающихся в помощи, особенно о так называемых «скрытых», которые из-за скромности не желали публично обнажать свою нищету, и присылал им каждую неделю муку, дрова и деньги. Его хозяйский дом был открыт для бедных. Тот, кто находил дорогу к его доброму сердцу, был уверен в том, что не уйдёт с пустыми руками. Всё это делалось справедливо и с большой скромностью.

Такой образ жизни он продолжал вести и в Бостоне, куда переселился на старости лет после погромов 1919 г. вместе с детьми, от милости которых теперь зависел. Но размах уже был не тот.

Мордке-Шмулик из преступного мира

Кроме тех замечательных евреев, которых я назвал – эрудитов, родовитых людей и жертвователей, торговцев и деловых людей, отличавшихся своей честностью, простых евреев-тружеников, ремесленников, водовозов, грузчиков, мясников и мелких торговцев – очаровывавших каждого своей чистой душой, хотелось бы также вспомнить одного из главарей преступного мира, чья жизнь была покрыта тайной.

Мордке-Шмулик был тогда молодым, всегда наряженным и держался с наглым высокомерием со своими дружками, потому что знал о многих вещах из «скрытого мира», которые для других были непостижимы. Иногда и знатым евреям приходилось обращаться к нему и просить покровительства. Он был главарём конокрадов и карманников, которые называли себя «плодами труда». Все члены шайки боялись его и подчинялись беспрекословно. Мордке-Шмулик следил, чтобы они (Боже упаси!) не украли по ошибке у простолюдинов и бедняков. Если такое случалось, обращались к нему. Он знал, как вернуть украденное. аА чтобы подобное больше не повторялось,

налагал на своих дружков строгие наказания, которые надолго сохранялись в их памяти.

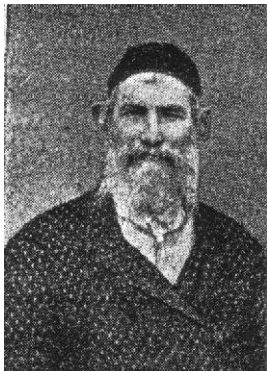
Мордке-Шмулик любил приходить в ешиву, когда та ещё находилась в Нидере, слушал, как учащиеся напевают Гемору, и получал от этого удовольствие, а самых прилежных учеников тайно поддерживал еженедельным пособием. Прежде чем идти на дело, он приходил помолиться в ешиву. Многие относились к нему хорошо, хотя и побаивались, принимая во внимание его ремесло.

Помню, как он появлялся на больших ярмарках в штанах-галифе, высоких, начищенных до блеска сапогах и особой шапке со сверкающим козырьком на курчавой голове, с нагайкой в руке и наблюдал издали за работой «братвы» в толпе крестьян. Бывало, что крестьяне сильно напивались и дрались между собой, а торговавшие на базаре евреи в страхе упаковывали свои товары. Тогда Мордке-Шмулик подавал особый знак своим дружкам, и они быстро разбороныли дерущихся и наводили порядок. Таким образом он неоднократно оберегал покой людей на базаре и освобождал их от страха погрома.

Рэб Фроим-шойхет и его сын р.Аврум

В одном почтенном местечке Аннополе, недалеко от нашего города, в то время, когда над ним ещё витал дух цадика р.Зуси, шойхетом и контролёром был р.Фроим Никольсбург. У него была поэтическая душа, полная страстного желания подаяния и гостеприимства.

Хотя он не был зажиточным, любой путник находил пристанище в его доме, а семья заботилась об удовлетворении его нужд. Рэб Фроим служил хазаном в Турийском клойзе и был одним из главных хасидов в местечке. Его душевные напевы с плясками в полночь поражали гостей и вдохновляли их радостью.

Как-то раз, в связи с назначением нового раввина после смерти старого, вспыхнула большая ссора между местечковыми богачами и знатными домохозяевами, с одной стороны, и тружениками, с другой стороны, что нередко случалось в местечках. В местечко прибыло издали множество раввинов. Каждый старался увлечь за собой как можно больше людей. После того как знать выбрала своего раввина, разгорелся спор. Рэб Фроим был на стороне тружеников, избравших раввином почитаемого ими р.Дувида Бецалеля. Поддержка р.Фроима ободрила их. Знать не могла этого простить и хулила его за измену, хотя он был выдающимся эрудитом и принадлежал к местечковой знати. Но р.Фроим не обращал внимания на их гнев.

Во время первой мировой войны в Турийском клойзе прятался дезертировавший из армии солдат, который постоянно питался в его доме. Через некоторое время солдат был схвачен, и р.Фроима обвинили в пособничестве дезертиру. В Киеве состоялся суд. Но он

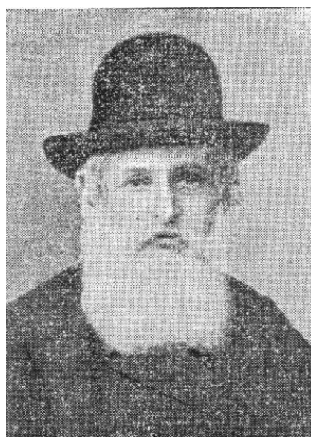
не испугался и успокаивал свою семью. Этот суд лишь испытает его на прочность. На суде р.Фроим набрался смелости и заявил, что действительно приютил на некоторое время этого еврея, но, по своему обыкновению, не допытывался о его делах. Он только выполнил заповедь: давать пищу и ночлег всякому, кто постучит в дверь его дома. И так будет продолжаться до конца его жизни. Произошло чудо. Судьи прониклись справедливостью довода и освободили его. Поведение р.Фроима на суде имело большой резонанс во всей округе. В приговоре суда видели руку Божественного Провидения, которое вознаграждает по заслугам праведных.

Во время страшных погромов р.Фроим ободрял пострадавших и призывал их не терять веры в спасение Божье. Он умер, оставив после себя добрую память.

Сын его, р.Аврум, зять р.Пейсаха Пини Мордкелэс, шёл по стопам своего покойного отца. Он был одним из глав общины местечка в те ужасные дни, когда вокруг кишели банды, и отважно стоял на посту, стараясь всеми силами выполнить их бесконечные требования, бесстрашно совершал поездки по делам обороны местечка. Но однажды по дороге в Звягель на него напала банда и зарубила топорами. По рассказам крестьян, вначале он успешно защищался, выхватил у одного из них топор и убил нескольких нападавших. Но силы были неравными. Им удалось потеснить его к дереву и прикончить.

раввин Цви Негор-Купчик
(сын раввина-гаона р. Симхи блаженной памяти)

Раввин р. Симха Купчик (из его биографии)

Мой отец и учитель блаженной памяти р. Симха Купчик родился в 5598 г.¹. Его отец, раввин-гаон блаженной памяти праведника р. Арон-Шмуль, служил тогда в раввинате местечка Орынина Подольской губернии и считался одним из великих раввинов своего времени. Этот эрудит и богобоязненный человек происходил из знатной еврейской семьи. Со стороны отца он потомок цадика блаженной памяти праведника р. Цви-Гирша из Чорткова, отца раввина-гаона блаженной памяти праведника Шмуэль-Шмельке из Никольсбурга* и раввина-гаона блаженной памяти праведника р. Пинхаса из Франкфурта-на-Майне*. И со стороны матери он потомок блаженной памяти праведника Мордехая-Мордуша*, автора комментария к Магарам Шиф*. Раввин Арон-Шмуль прославился не только в своём городе, но и во всей округе, и жители Каменца неоднократно просили его занять почётную должность раввина города. Но он не выполнил их просьбу, сказав, что у раввина большого города очень много хлопот, и ему не будет хватать свободного времени для занятий Торой.

Ещё в детстве он выделялся своим остроумием и чудесной памятью. Достигнув возраста бар-мицвы, уже знал 6 частей Талмуда и авторитетов еврейского закона, и ему пророчили большое будущее.

В 5612 г.² умер его отец, раввин блаженной памяти праведника Арон-Шмуль, и мать, ребецн Малка (мир праху её), переехала в город Звягель, где жили её родственники, внуки раввина-гаона Симхи из Лудмира³. В тот период в раввинате города Звягеля служил раввин-гаон Мойше-Шмуль, который воспитывал моего отца и был его учителем.

В Звягеле развивались его дарования, и он приобрёл широкие и глубокие познания во всех отраслях еврейского закона и мудрости, включая тайное учение. Достигнув восемнадцатилетия, получил звание раввина от великих раввинов эпохи, во главе которых был гаон блаженной памяти праведника ребе Шлоймэ Клугер из Брод.

1 Вторая половина 1837 г. – первая половина 1838 г.

2 Вторая половина 1851 г. – первая половина 1852 г.

3 Владимир-Волынский (идиш)

С 5618 г.¹ и до 5652 г.², года кончины гаона из Брод, отец вёл с ним переписку и переговоры о Торе. Гаон из Брод много раз отвечал на его письма в те годы, однако лишь немногие из этих ответов были опубликованы в книге «Кинат софрим», а большинство писем и ответов на них осталось в архиве вместе с остальными ответами, которые давал гаон в последние годы перед кончиной, и не увидели свет (см. книгу «Кинат софрим» раввина-гаона р.Шлоймэ Клувера, с.32-33, издана в Лемберге³ в 5620 г.⁴).

В Звягеле мой отец проживал до 5630 г.⁵ В те годы он прославился как один из замечательных раввинов и был удостоен чести занять пост в раввинате Белой Церкви. В этом большом городе раввином прежде служил председатель бес-дина, блаженной памяти праведника гаон р.Нафтулэ Герц га-Коген из Острога*. Но со времени его кончины в 5556 г.⁶ и до 5630 г. раввина не было, и служителями культа в городе были даены (см. книгу «Мазкерэт ли-гдолей Остро», знаки 68 и 213).

В 5630 г. слава о моём отце дошла до Белой Церкви, и городские благодетели во главе с филантропом блаженной памяти р.Йегудой-Лейбом Прицкером обратили свой взор на отца и избрали его раввином и председателем бес-дина. Размеры города в это время расширились, а число его жителей возросло до 30 тысяч душ. Духовные потребности его были большими, и ощущалась нужда в великом раввине. Отца любили все горожане. Он пленил сердца словами Торы и мудрости, которые оглашал по субботам и на праздники, приятным голосом и благообразным обликом.

30 лет мой отец служил в Белой Церкви и прославился как выдающийся раввин. Многие раввины округи обращались к нему с вопросами относительно еврейского закона и жаждали услышать Тору из его уст. Он заново организовал и расширил талмуд-тору, ввёл новые порядки в правлении благотворительных учреждений города. Много сил было им затрачено, чтобы посеять в сердцах горожан любовь к Торе и еврейскому народу.

Особенно следует отметить его усилия пробудить в сердцах жителей Белой Церкви любовь к Святой Земле. Он очень любил Эрец-Исраэль и был одним из немногих раввинов своего времени, которые высоко несли знамя Сиона*. Отец переписывался с раввином-гаоном блаженной памяти праведника р.Шмулем Могилёвером, и в книге «Шиват Цион» были опубликованы его высказывания, в которых он выражал свою любовь к движению «Хибат Цион».

Под влиянием отца и его руководством в городе был организован, начиная с 5649 г.⁷, сбор денег в пользу «Ховевей Цион». В канун Йом-Кипур во всех синагогах и бес-медрешах выставлялись миски для пожертвований. Это вызвало большое одобрение, и сумма денег, собираемых ежегодно в городе в это время, была намного больше, чем в других городах Киевской губернии.

В 5651 г.⁸, когда раввины России выступили с известным воззванием против использования этрогов из Корфу мой отец был одним из первых, подписавших его. Но он не довольствовался своей подписью на воззвании, а вёл войну против продавцов этрогов из Корфу в городе и округе. А в 5657 г.⁹, когда несколько торговцев из Бердичева и Белой Церкви, сговорившись, распространяли лживые слухи о том, что запрет якобы снят, и пытались возобновить продажу этрогов из Корфу, отец мужественно боролся против этих

1 Вторая половина 1857 г. – первая половина 1858 г.

2 Вторая половина 1891 г. – первая половина 1892 г.

3 Ныне Львов

4 Вторая половина 1859 г. – первая половина 1860 г.

5 Вторая половина 1869 г. – первая половина 1870 г.

6 Вторая половина 1795 г. – первая половина 1796 г.

7 Вторая половина 1888 г. – первая половина 1889 г.

8 Вторая половина 1890 г. – первая половина 1891 г.

9 Вторая половина 1896 г. – первая половина 1897 г.

торговцев и раскрыл их злой умысел.

В 20-й день нисана 5660 г.¹, пребывая на вершине своего величия и влияния, мой отец, мой господин, которому накануне исполнилось 62 года, скончался. Вся община скорбела о кончине своего обожаемого раввина и вождя.

Перед смертью он велел не устраивать траурных церемоний, а на камне высечь только его имя и имя отца, без каких-либо титулов и похвал.

Хешван 5715 г.²

1 19 апреля 1900 г.

2 Ноябрь 1954 г.

Раввин-гаон р. Йоэль Сорин

У меня нет намерения дать в этой статье исчерпывающее описание этого выдающегося святого человека. Я не способен на это, поскольку знал его лишь один год, когда учился в ешиве, во главе которой он стоял. Но некоторые черты его образа, которые врезались в мою память с юности, всё же опишу для выходцев из Корца и Звягеля, которым выпала честь наслаждаться светом его учения в течение целого периода.

Помню, когда мне было 14 лет взял меня отец блаженной памяти в дальнюю дорогу в город Звягель на Волыни, чтобы я учился в ешиве «Даровитого из Полтавы». Я ехал с большим желанием, поскольку ехать на чужбину учиться было привычным делом для многих в Литве. Город Звягель был больше и красивее нашего маленького местечка Делятичей. Я получил удовольствие от его красоты места, был весел и доволен. Но через короткое время, когда папа уехал домой, а я остался сам на чужбине, радость пропала, и на меня напала тоска по дому. По природе я был неженкой и привязан к своим родителям, особенно к маме (да будет душа её в раю!). Меня охватило раскаяние: зачем я согласился по воле отца ехать в такую даль? О чём думал раньше? Как я не предвидел заранее последствий? Эти мысли огорчали меня, учёба мне надоела, казалась «принудителькой». Однако я не вернулся домой, потому что это было связано с большими расходами. И разве можно причинить денежный убыток родителям, и без того стеснённым? Да и как поступить наперекор отцу? Ведь ещё в детстве ощущал я ответственность за свои поступки. Я решил-таки остаться в ешиве на целый год. Здание ешивы было убогим. Оно служило и местом учёбы, и ночлегом для части учащихся. Они питались по «дням»*, как было принято в прошлом. Большинство ешиботников были бедными и поэтому довольствовались таким положением ... Самые прилежные учили днём и ночью. Керосиновые лампы в ешиве гасли только на несколько часов во второй половине ночи, а некоторые учили во время «ночного бдения» всю ночь без передышки. Какой была система обучения? Ученики должны были учить наизусть все листы Геморы и в совершенстве знать их содержание. Эта система была обязательна для всех ешиботников. Таков был порядок обучения, установленный «Даровитым» и другими главами ешив, которые были выдающимися эрудитами. Эта система обучения требовала от учащихся чрезмерного прилежания и была связана с тщательным надзором и строгой дисциплиной, вроде военной. Это железное ярмо вместе с суровыми условиями на чужбине жизни легли тяжёлым бременем на мою шею.

Несмотря на это, я молча терпел и привыкал к порядкам ешивы. Побудила меня к тому личность «Даровитого». Его отеческое отношение ко всем ешиботникам было ощутимо даже таким юношей, как я. Как настоящий отец он заботился об их успехе в учёбе и материальных нуждах. Это отношение выражалось в его поведении, в его беседах и в его взгляде. Верно, он старался иногда выглядеть педантом и в некоторой степени устрашал учеников. Но это продолжалось недолго. Его педантичность была искусственной и быстро исчезала. На смену ей приходили лёгкая улыбка, а излучающий добродушие взгляд.

Ко мне он относился с любовью и милосердием, что находило выражение не в словах, а в тёплом чувстве. Он понимал душу юноши, который находится на чужбине, и занёс это мне в заслуги. Хотя строгий порядок обременял меня, я не убегал как мальчик из хедера. Хотя я только год видел этого выдающегося человека, его духовный образ врезался в моё

сердце на всю жизнь и переполнил любовью к нему.

Когда я учился затем в Воложинской ешиве, которой руководил тогда Рафаил Шапиро, то слышал, что «Даровитый из Полтавы» в юности тоже учился в этой ешиве, которой руководил тогда Нецив. Мне рассказывали, что Нецив любил «Даровитого» за остроумие и возвышенные качества, потому что «Даровитый» был человеком ума и вместе с тем человеком сердца, и оба типа сочетались в нём в абсолютной гармонии.

Величие его проявлялось как в Торе и набожности, так и в толковании и даре речи. Помнится мне один вечер Тишебов. После исполнения траурных песен нельзя было учиться, и многие ешиботники легли спать. «Даровитый» остался в ешиве, направился в уголок, уселся на полу и начал комментировать «Мидраш Эха»* небольшой группе юношей, среди которых был и я. Его слова были слаще мёда. Во время проповеди он расплакался, и мы, слушатели, рыдали вместе с ним.

Из Звягельской ешивы многих потянуло в ешивы Литвы и Польши. Там они стали со временем выдающимися в Торе. Волянь тоже обогатилась знатоками еврейского закона. «Даровитого» можно считать одним из избранных, которые самоотверженно, без корыстных целей, внедряли Тору и пользовались симпатией своих учеников и всех окружающих подобно р.Элеазару бен Араху* «Добросердечному».

Рэб Зеэв-Вольф, шойхет и инспектор блаженной памяти

На меня возложена приятная обязанность увековечить память замечательного человека, эрудита, хасида, мудреца и всесторонне образованного человека, р.Зеэва-Вольфа блаженной памяти, шойхета и контролёра в Звягеле. Когда отец блаженной памяти привёз меня, 14-летнего, в Звягельскую ешиву, он позаботился, чтобы меня ежедневно устраивались трапезы в домах уважаемых в городе богачей из числа своих друзей и знакомых в Звягеле. По субботам мне предстояло гостить у его уважаемого друга р.Вольфа, шойхета и инспектора. Большая семья (чтоб не сглазить). Дом полон гостей, и глаза каждого сверкали от субботнего наслаждения. Я видел, что этот дом богат сокровищами Торы и хасидизма, и владельцем этих кладов был глава семьи р.Вольф. Все члены семьи внимательно прислушивались к его рассказам, и он управлял ими не сильной рукой, а приятными словами. Я испытывал перед ним благоговение. С детства у меня был «нюх» на эрудитов, которым я очень завидовал и мечтал достичь их уровня. К их числу принадлежал и р.Вольф.

Отец блаженной памяти разъезжал каждый год по Украине, хотя был литваком и вхож в дом гаона р.Ицхака Эльханана. В Ковно он завёл себе верных друзей и знакомых среди знаменитостей, которые относились к нему с симпатией. Отец с почтением упоминал трёх знаменитостей. Первым был ребе из Горностайполя Киевской губернии р.Шолэм-Бэр Тверский, зять р.Хаима Цанзера*, знаток Торы, столп честности и выдающийся человек. Второй – р.Гершл Гинзбург из Златополя, псевдоним известного киевского богача, как говорят, с приятными манерами, учёного, лингвиста. Ремеслом его была торговля, но к своим помощникам и слугам в торговом доме он относился как к партнёрам и в торговлю не вмешивался. Третьим был р.Вольф, шойхет и контролёр, которого очень ценили за эрудицию и мудрость.

Счастлива семья, которую он возглавлял, и счастливы близкие ему люди, получавшие удовольствие от его сияния. Благодаря своему сыну Мордехаю Бонэ р.Вольф репатриировался на Святую Землю и достиг там глубокой старости.

Да будет благословенна его память!

Мой дед раввин блаженной памяти р.Мойше-Шмуль

Он занимал пост раввина и председателя бес-дина в городе Звягеле. Получил известность как один из знаменитых гаонов Волыни и Украины. Многие раввины обращались к нему с вопросами относительно Галахи, и его осведомлённость была удивительной. Он был одарён непостижимой памятью и остроумием. По словам хорошо знавших его людей, р.Мойше-Шмуль помнил наизусть слова, которые слышал или читал в книге, и повторял их слово в слово десятки лет спустя.

Он родился в Житомире. Отец его, р.Элиягу, был в городе уважаемым человеком. Ещё в юности он прославился и получил прозвище «Даровитый из Житомира». Свой первый пост в раввинате занимал в местечке Бышеве Киевской губернии. Стараниями цадика р.Янкеля-Ицхока из Макарова он был принят главой бес-дина в Звягеле и занимал там пост в раввинате до конца своих дней. Оставил после себя много произведений, которые сгорели во время большого пожара города в 1918 г.¹ Одной из них была большая книга «Беэр Моше» о 4 разделах «Шулхан арух», вторая – книга комментариев к трактату «Кала рабати»* и третья – книга под названием «Тагарат маим» о миквах и различных законах в 6 частях Талмуда и у авторитетных учёных-талмудистов. Он сочинил также книгу с новшествами Торы к книгам «Ваикра»* и «Бемидбар»*. В этой книге автор проявил большую эрудицию в Талмуде вавилонском и иерусалимском, а также в первых и последних авторитетах еврейского закона. Этот неиссякаемый источник мудрости имел обыкновение сидеть, опираясь лбом о большой палец правой руки, и диктовал так быстро, что записывавший не поспевал за ним.

По своей натуре р.Мойше-Шмуль был скромным, молчаливым. В предисловии к одному из своих сочинений он пишет читателю: «Ни в коем случае не опирайтесь на меня, как на источник Галахи. Постоянно изучайте все галахические источники, которые я упоминал, и если осознаете и убедитесь в том, что это правильно, тогда можете опираться на меня». Долго колебался р.Мойше-Шмуль, пока решил распространять плоды своих размышлений. Он опасался, как бы кто-нибудь не высмеял его и не сказал: «Разве это заимствовано у пророков?» А с другой стороны, успокаивала мысль, что его сочинение доставит кому-то удовольствие. У него была потребность в словах Галахи, и ради этого трудился.

Всю жизнь он был погружён в учёбу. И все горожане чтили его, особенно прихожане Макаровского клойза. Каждую субботу за его столом ели шалэшудэс* прихожане близких синагог, и он проповедовал им о злободневных вопросах до тех пор пока не наступала мелавэ-малка*.

Помню, как я, будучи подростком, учеником ешивы, которой руководил «Даровитый», блаженной памяти р.Йозля Сорина, временно жил у деда. Мои родители жили тогда в близлежащем к Звягелю местечке Барановке. После молитвы в субботу вечером дед попросил меня спеть «Га-Мавдил»*. Стесняясь публики, я отказался. А он сказал мне: «Ученики из хорошей ешивы должны быть вежливыми», – и добавил: «Если ты слушаешься и расскажешь мне отрывок, который учил на этой неделе в Талмуде, я его использую при произнесении „Га-Мавдил“». Я поддался его уговорам и исполнил отрывок из главы «Эйзегу нэшех»*. Он сел тогда в кресло, примерно час произносил эту главу и вплетал её в «Га-Мавдил». Все слушавшие удивлялись его большому остроумию

1 Пожар был в 1919 г.

и особенно сочетанию содержания текста из Талмуда с пением «Га-Мавдил».

Он считался сторонником «Ховевей Цион» в нашем городе и говорил, что еврейский народ возродится лишь на Земле Израиля, обещанной нашим праотцам. Обсуждая кошерность скотины, р.Мойше-Шмуль неоднократно просматривал все источники, пока не находил возможность признать её кошерной. Так он берёт деньги евреев.

Перед смертью р.Мойше-Шмуль приказал посадить в раввinate моего отца блаженной памяти, засвидетельствовав, что тот достоин этого поста. А на своём памятнике он велел не написать никаких титулов, кроме слов: «Раввин Звягеля, который с юных лет усердно трудился в Божественной Торе». Его непорочная душа вознеслась 5 ияра 5663 г.¹ Жители Звягеля соорудили на его могиле склеп, в котором горел неугасимый огонь.

1 2 мая 1903 г.

Рэб Алтер-даен

Старейшиной духовных вождей города был рэб Алтер-даен. Следует помнить, что со времени кончины ребе Мойше-Шмуля, который служил на высоком посту раввина Звягеля, никто другой не был назначен на его место. Город находился в религиозной власти лиц, имевших скромный титул даенов, хотя каждый из них исполнял обязанности раввина в зоне своего влияния.

Все обращались к рэбу Алтеру: рэб Вольф, глава шойхетов и контролёров, обычно нуждавшийся в его советах по важным делам, домохозяйка, приходившая по вопросу мяса в молоке*. К нему обращались даже в конфликтных ситуациях с просьбой вынести «справедливый приговор». Рэб Алтер принимал своих просителей с серьёзным выражением лица. Хотя он скрупулёзно знал дело, по которому должен был вынести приговор, большой была ответственность. Рэб Алтер не уклонялся от своего долга, внимательно слушал, спрашивал, расследовал и листал книги. Его решение не нуждалось в комментариях, было всегда обдуманным, коротким и ясным.

Круг просителей р.Алтера расширялся. Многие его уважали. Рэб Алтер был равнодушен к почёту, который ему оказывали. Он остерегался расширять своё влияние, чтобы (Боже упаси!) не вытеснить других. Использовать в полной мере духовное влияние р.Алтер позволял себе только в Тальнер клэйзл (синагоге хасидов Тальновского ребе). Как духовный вождь этой маленькой общины и хасидский старожил, он знал и чувствовал, что здесь нет места чванству. Ведь его общественное положение и почётное место у восточной стены признано всеми без возражений.

У рэба Алтера, высокого и стройного, был облик патриарха: длинная борода старца, опускавшаяся волнами на грудь, длинные холёные пейсы. Каждое его движение выражало важность, а взгляд – милосердие. С момента появления он не покидал своего места возле орн-койдеш и не повышал голос во время молитвы (и вообще не повышал голос). Его шёлковый чёрный капот всегда блестел и, казалось, только что выглажен. Он подпоясывался широким шёлковым кушаком, а голову, почти всегда покрытую талесом, украшал тяжёлый серебряный венок.

Медленным, полным важности шагом направлялся он к биме для восхождения к Торе, подобным же образом шествовал во главе общины со свитком Торы в обнимку во время кружения* в день Симхас-Тойре, а также с этрогом и лулавом в руке в дни праздника Сукойс.

Почитание р.Алтера как главы общины находило своё выражение в последний день Пейсах, когда члены общины приходили на кидуш* в его скромную квартиру. В этот день, когда можно было в изобилии кушать мацу, гости угощались традиционными кигелэх*, поднимали блестящие стаканы, наполненные кошерной пасхальной водкой, пили «лехаим», пожимали друг другу руки и желали здоровья, заработка, избавления и утешения всем евреям.

Второй раз приходили к р.Алтеру на Симхас-Тойре после кружения с Торой. На этот раз пили сваренную на меду водку. Этот напиток готовили особые доверенные лица, которые были в этом ремесле специалистами и не уступали этого права «ни за какие богатства». Напиток готовили с благоговением, словно занимались святым делом. На вечеринках пели печальные хасидские мелодии, постукивая пальцами, закрыв глаз и подняв вверх головы. Симхас-Тойре завершался короткой пляской, к которой

присоединялся сам р.Алтер, держа в одной руке вверх красный носовой платок.

* *

*

Помню, какое негодование у большинства горожан вызвало назначение раввином р.Сруля-Янкеля Корфа (тогда молодого человека). Высказывали мнение: если городу нужен раввин и вождь общины, то неужели р.Алтер не самый достойный этот на пост. Но этот благородный, утончённой души человек не участвовал в склоках, хотя и чувствовал себя, наверное, самым оскорблённым. К сожалению своих почитателей, составлявших тогда большинство горожан, р.Алтер покинул город и переехал в Бердичев, где жил его шурин.

Авраам Бару

Раввин Шая, сын р.Бенциона Бару блаженной памяти
(5627 г.¹– 5697 г.²)

Это была яркая, многогранная и деятельная личность, выдающийся знаток святого Писания, посвятивший себя общественным делам со дня восхождения на пост раввина, когда ему было двадцать с лишним лет. Он также знал и ценил научную литературу «мудрости Израиля» эпохи Гаскалы. Однако это не только не уменьшало его верности Торе и традиции, но и расширяло его кругозор. Он был «из учеников Гилеля*» и находил оправдание даже для невежественных, но в то же время решительно сохранял свою независимость от богатых, желавших добиться для себя привилегий, и заставлял их повиноваться своему решению.

Рэб Шая сильно страдал от духовного раскола в городе, мелочного соперничества глав общин. Высокие помыслы этого необыкновенного человека были направлены на процветание существующих и создание новых общественных учреждений, призванных оказывать помощь нуждающимся. Сначала он занимался основанием ссудо-сберегательного общества, прилагал усилия в сборе паев первых членов, но отказался быть членом правления этого учреждения. Большой была его помощь в создании банка взаимного кредита. Много времени и денег тратил р.Шая на поездки в Харьков и Киев, пока правление крупных банков не согласилось, наконец, давать ссуды под закладные на выгодных условиях для строительства домов в Звягеле. Таким образом, он спас многих домохозяев от банкротства и ростовщиков.

Рэб Шая трудился также в сфере общественной юридической помощи. Когда был принят указ об изгнании евреев из сёл³, он, не щадя сил, ездил в Петербург к адвокату Грузенбергу* и Слиозбергу*, встречался с другими еврейскими адвокатами и убеждал их открыть в Звягеле юридическую консультацию от имени Всероссийского комитета

1 Вторая половина 1866 г. – первая половина 1867 г.

2 Вторая половина 1936 г. – первая половина 1937 г.

3 Имеются в виду т.н. «Временные правила» от 3 мая 1882 г.

еврейских адвокатов. Изгнанных сельских евреев приглашали в контору в Звягеле с личными документами, и адвокаты делали всё возможное, чтобы добиться для них разрешения на проживание в селе. Это лишь немногие примеры полезных дел р.Шаи по оказанию помощи нуждающимся.

Он не мог ограничиться только рамками своей общины и обывательскими заботами, а усердствовал в решении национальных проблем. Будучи пламенным сионистом, р.Шая в начальный период сионистского движения сумел повлиять на проф. Мандельштама*, когда поехал в Киев к нему на лечение. Профессор выступил затем с открытым воззванием против тех раввинов, которые вели необузданную травлю сионизма. Рэб Шая доказал ему, что многие набожные вступили в сионистский лагерь и совсем не слушают раввинов. Он смягчил затем текст воззвания, которое было написано профессором в весьма остром стиле и способно было усугубить раскол.

Рэб Шая был сдержанным человеком, любившим покой. В ожесточённой борьбе против компании «вольнодумцев», сплотившихся вокруг блаженной памяти Фейерберга, он занял на умеренную позицию и поддерживал молодого писателя, приносившего ему первые пробы своего пера, в том числе рассказ «Телёнок» и другие.

Несмотря на сионистские убеждения, сердце его разрывалось после увеличения потоков эмиграции. Убедившись, что эмиграция в Аргентину не удалась и что большинство эмигрантов, бежавших из своих разрушенных очагов, не могут ждать, пока представится возможность для репатриации в Эрец-Исраэль, он искал выход из создавшегося положения. Благодаря его стараниям, правительство Англии приняло разрешение поселить еврейских эмигрантов на очень хороших условиях в Канаде, что было официально сформулировано в соответствующем договоре. Первые евреи, эмигрировавшие в Канаду по этому соглашению, получили официально все льготы, освоились в земледелии и весьма успешно пустили там корни.

Многие общественные круги заинтересовались этой информацией, которая была опубликована в еврейских и всероссийских газетах. Но тут внезапно разразился гневом министр-деспот Плеве, выступивший с официальным заявлением в правительственной газете: «Принимая во внимание, что какой-то раввин, провинциальный еврей по имени Бару, выступает официально как представитель английского правительства и способствует эмиграции евреев в Канаду, мы заявляем, что эта деятельность является незаконной, и запрещаем ему продолжать её. Иначе он будет признан виновным и наказан». Это неожиданное заявление угнетающе действовало на его здоровье. Много лет он тяжело болел и вынужден был поехать на лечение в Германию.

Из-за активного участия р.Шаи в вышеупомянутом процессе его несправедливо обвинили в принадлежности к территориалистам*. Но он продолжал с большим энтузиазмом сионистскую деятельность. Его дом был местом встречи сионистов разных направлений. Рэб Шая написал несколько сионистских сочинений, но не успел их опубликовать и не смог вывезти их из России во время выезда в Эрец-Исраэль.

После погромов и большого пожара в Звягеле в 1919 г. он уехал из города, пробыл в Варшаве до мая 1921 г. и в начале августа того же года приехал в Эрец-Исраэль. В Тель-Авиве поселился среди простых евреев и отказался пользоваться званием раввина. Его дети, прибывшие тогда в страну, поддерживали его, а р.Шая корпел над Талмудом и успел издать две книги толкований «Шиват Цион» и «Га-Санэгор», в которых прославил строительные работы в стране. Полный энергии, он готовил к печати ещё несколько книг, но был настигнут внезапной смертью.

Рэб Шая любил Эрец-Исраэль и радовался каждому замеченному успеху, хотя не был доволен некоторыми повадками молодёжи, мечтая увидеть страну, построенную на старинных основах. Но вместе с тем он был счастлив наблюдать за началом строительства

и первопроходцами страны.

После его смерти остались сын и две дочери в Эрец-Исраэль, два сына в Америке и одна дочь в России.

Рэб Шая-Фишл-даен и другие

Рэб Шая-Фишл-даен

Этот представительный человек был олицетворением великолепия и величия. Он следил за своей одеждой и строго относился как к чистоте материальной, так и духовной.

Его дом стоял в предместье, в углу широкой площади, на которой были сосредоточены синагоги. Дом был построен в современном стиле и украшен изнутри, что свидетельствовало о развитом эстетическом чувстве его хозяев.

В этой части города, где находилось множество синагог и бес-медрешей, возле которых стояли низкие, убогие и мрачные избы, лишь один красивый дом р.Шаи-Фишла был окружён садом. Он служил как бы связующим центром различных слоёв горожан, перекрёстком, на котором пересекались их пути. Фасад дома вместе с синагогами и бес-медрешами выходил на большую широкую площадь. На ней р.Шая-Фишл впитывал мелодии молитв и излияния душ перед Богом о горьком изгнании, тяжёлой жизни, нехватке средств для существования и пр. Узкий переулок справа от дома, скрытый между двумя рядами зданий, вёл на улицу Гутинскую, в ту её часть, где проживала аристократия и состоятельные горожане: Зейдель Печеник, семья Шопник, Вольф Беруль, Меир Каплан, Ицхок Файгенгольц, Шмуль-Дувид Мармер и др.

И действительно, р.Шая-Фишл-даен как бы связывал воедино эти два мира: мир святости и мир материальный. В его личности сочетались величие и благородство с чистотой будничности. Он строго выполнял заповеди. Великолепную сукку украшал этрог. Предметы религиозного обихода были красивыми и отборными: талес сверкал белизной, тфилин хранился в дорогом футляре. Служение Господу молитвами и изучением Закона было проникнуто величием и великолепием, радостным воодушевлением и напевами.

Рэб Шая-Фишл был пламенным хасидом, близким к цадику из Чернобыля. Его принимали и другие цадики. Турийский цадик, находясь в Звягеле, ночевал у него в доме после встречи субботы и оставался там до тех пор, пока в Турийской синагоге за столом, накрытым в его честь, не собирались турийские хасиды.

Его хасидская приверженность как служителя культа особенно ощущалась в отношении к ближнему и беседах с людьми у себя дома и за его пределами. Вольнодумцы при нём гораздо больше остерегались богохульствовать, нежели при тех, кто приобрёл себе монополию на хранение священных ценностей. Его чтили самые разнообразные круги города, включая интеллигенцию и молодёжь. У него в доме было много гостей. Торговцы и деловые люди приходили за советом (он разбирался также в бизнесе и торговле), другим нужен был его приговор в спорных вопросах, некоторые любили поговорить с ним о Торе и жизненной практике. Он был приятным собеседником, мастерски рассказывал о прошлом, хасидах и цадиках или говорил о злободневных делах. Люди были буквально очарованы его речами.

Он много трудился над реформами в воспитании бедных детей. Изучение еврейского закона в городе было чем-то вроде взломанной стены и бесхозного имущества для каждого возмнившего о себе хвастуна и меламеда-бездельника, не преуспевшего в ином ремесле. Рэб Шая-Фишл не уклонялся от борьбы с этой распущенностью, пока не преодолел её и не навёл мало-мальский порядок в изучении Торы. Его заботой было также

снабжение одеждой и обувью детей, изучающих Тору. Во время приезда в город д-ра Турова он стоял на стороне молодых общественных деятелей, занимавшихся модернизацией обучения.

Рэб Шая-Фишл много работал для приёма в больницу бедных больных, заботился о снабжении городской еврейской больницы лекарствами и инструментами.

Он не жалел времени для оказания помощи еврейским солдатам, проходившим военную службу в 18-м полку имени Короля Румынского, который дислоцировался в Звягеле. Благодаря ему удалось предотвратить многие наказания, ожидавшие солдат за воинские проступки. Многие солдаты пользовались его помощью, вплоть до полного освобождения от армии. Он также заботился о питании солдат и их размещении в домах горожан.

В первом письме после своего прибытия в Эрец-Исраэль наш друг Шмуль Шлаен блаженной памяти рассказывает о встрече с Йосифом Ароновичем*, одним из руководителей партии «Га-Поэль га-цаир» и редактором одноименного еженедельника. В частности, Аронович рассказал о своей службе в 18-м полку, стоявшем тогда в городе, и о том, что часто бывал в доме р.Шай-Фишла и тоже проникся к нему чувством любви и почитания.

Рэб Шая-Фишл по своей сущности был человеком из народа, завоевавшим своей праведностью любовь горожан разных сословий.

Раввин р.Гершон Йозель Садэ-Лаван и его дом

После того как в 5663 г.¹ этот мир покинул старый раввин р.Мойше-Шмуль, пост раввина перешёл по наследству к его сыну, молчаливому по натуре, скромному в поведении и благонравному в изучении Торы и Галахи. Он обучал братства 6 частей Талмуда и Мишны в синагоге макаровских хасидов, приятным голосом читал проповедь, доставляя удовольствие слушателям. Обладая даром разъяснения, облегчал изучающим понимание проблемы. Многие приходили послушать его поучения. Он удалялся от будничных дел общества, заботился о нравственности и честности в благотворительных учреждениях города и, поскольку его влияние на общественных деятелей было большим, преуспел в этом, наслаждаясь общественным обожанием. Своих сыновей он воспитывал в

1 Вторая половина 1902 г. – первая половина 1903 г.

духе Торы и традиции, но не противостоял ветрам перемен, проникавших в его дом. И действительно, сыновья впитывали в себя европейскую культуру в дополнении к старинной еврейской. Старший сын погиб в цвете лет, был человеком большой эрудиции, знатоком Торы, естественных наук и философии.

Раввин р.Йозель поддерживал сионистское движение. Дом его служил как бы клубом сионистской молодёжи, которая сосредоточилась вокруг его младшего сына, проживающего сейчас с нами в Израиле, и дочери Суры блаженной памяти. Многие из нас помнят долгие зимние вечера в канун субботы в маленькой тёплой комнате в доме раввина. Мы, тогда ещё юноши и девушки, теснились в комнате и слушали чтение рассказа или стихотворения, опубликованного на этой неделе, беседовали, спорили и под конец затягивали песню. Нас угощали лакомствами, и в маленькой комнате установилась теплая атмосфера.

Раввин умер, не будучи удостоен репатрироваться в, хотя ему была предоставлена виза. Он планировал по приезду в Эрец-Исраэль заняться чем-нибудь для своего утверждения в стране, кроме службы на должности раввина.

Раввин р.Янкель-Сруль Корф

Уроженец Подолии, из династии цадииков и гаонов. Внук цадика р.Боруха из Меджибожа и р.Аарона из Карлина блаженной памяти. Родился в конце 70-х годов прошлого столетия в очень набожной семье. Несмотря на тщательную опеку, вырвался из дома, уехал в Новогрудок и был принят на учёбу в ешиву. В то время хасиды избегали посылать своих сыновей изучать Тору в ешиве, поскольку почти все ешивы были под влиянием литовских раввинов, противников хасидизма. В этой ешиве его учителем был раввин-гаон р.Ихил-Михл га-Леви Эпштейн.

В начале нашего столетия он женился на Гитель, дочери цадика р.Михелэ, старшего сына цадика р.Мордкелэ из Звягеля. Жена Гитель, излучавшая благородство, была убита во время погрома 1919 г.

После женитьбы он поселился в Звягеле, жил несколько лет на иждивении у своего тестя и занимался изучением Торы. Тем временем р.Михелэ в силу своего положения в городе и влияния на определённую часть общества готовил почву для назначения зятя городским раввином.

Это вызвало волнения в общине. Лично к р.Янкелю-Срулю претензий не было, но в этом видели ущемление прав даенов, которые служили в в Звягеле, и никто из них не требовал для себя поста раввина.

После кончины раввина р.Мойше-Шмуля пост раввина должен был наследовать его сын и преемник р.Йозель-даен, служивший раввином в местечке Барановке. Он переехал в Звягель, но из-за большой скромности не согласился возлагать на свою голову корону раввина. Из-за этого остальные даены тоже не осмеливались возлагать на себя раввинскую корону. И даже старейшина, рэб Алтер-даен, человек благородного духа и чистой души, которому, конечно, подобала большая слава и пост раввина, не считал для себя приличным возложить на себя этот пост, если настоящий преемник не захотел быть удостоенным этого высокого сана. И вот молодого человека, ещё не достигшего расцвета сил (30 лет), уговаривают возглавить большую еврейскую общину.

Это событие вызвало замешательство в городе. Нельзя же было вести войну против ребе Михелэ, слава и родовитость которого служили прикрытием, и за ним последовали многие простолюдины.

Назначение ребе Янкеля-Сруля Корфа городским раввином осуществилось и стало фактом. Молодой, энергичный, инициативный человек покорила вскоре сердца горожан, и

его противники стали друзьями.

Он проявлял активность в различных общественных делах, проводил благотворительные мероприятия и старался установить порядок в существовавших в городе учреждениях. Во время войны много трудился в организации помощи беженцам, а во время погрома вынужден был уехать в Америку. Там он тоже сосредоточил вокруг себя разные слои общества. Но наши земляки в Соединённых Штатах не снабдили нас информацией о его дальнейшей деятельности. Поэтому нам пришлось довольствоваться этим.

Мой отец р.Буним-Вольф блаженной памяти

«Сын чтит отца» (Книга Пророка Малахии 1:5)

Он происходит из разветвлённой семьи раввинов, цадииков, писателей и деловых людей. Со стороны отца – пятое поколение вельможи р.Симхи Бибера, сына Авраама-Ицхока из Острога, который во время запрета русским правительством печатания Талмуда и других священных книг выложил из собственного кармана 10000 червонцев и напечатал книги во Львове. На титульном листе вышеупомянутых книг мы читаем: «Напечатано стараниями вельможи р.Авраама-Ицхока Бибера, который источал золото из своего кармана, чтобы ...» («Мазкерет ли-гдолей Остро» р.Менделя Бибера). А со стороны матери он был правнуком цадика р.Йегоше из династии р.Мойше Иш-Гурвица.

В детстве воспитывался в доме раввина из Острога р.Меира-Эли, впитывал в себя дух Торы и Гаскалы одновременно. Острог прославился великими людьми Торы и Гаскалы и их комментаторами, как, например, МаГаРШа,* МаГаРШаЛ*, ТаЗ* и т.д. В этот город, расположенный поблизости от Дубно и Кременца, тоже проникал дух Гаскалы. Поэтому несмотря на то что папа принадлежал к служителям культа, ему не была чужда «логика» (выражение, которое дали Гаскале ультраортодоксы). С того дня, как я открыл глаза (свыше 50 лет назад), помню, что дом был полон светских газет и книг. А ведь в то время это считалось ересью. Может быть, этот дух проник в сердца других служителей культа, но они не осмеливались делать это в открытую, и только папа блаженной памяти не боялся. Ясность ума и твёрдость нравов обязывали его не скрывать свои познания, мысли и мотивы поступков.

Папа был человеком Торы. Не будет преувеличением, если я употреблю выражение «не прерывал учения». Он любил Тору и знания, был врагом безделья и в таком духе воспитывал своих детей. Помню, как в детстве он будил меня на рассвете. Разумеется, мне хотелось ещё спать, и его просили не будить меня так рано. На это он отвечал, что спящий человек подобен мертвецу. А как же смотреть отцу на мёртвых сыновей? Он был

действительно полон жизни. Бодростью духа проникнуты были его речи. Отец был одарён здоровым юмором и любил рассказывать разные анекдоты или истории. Поэтому люди относились к нему с симпатией и желали находиться в его обществе. Дом был полон гостей, которые сидели за столом, пили чай и слушали его речи. В конфликтных ситуациях многие обращались к нему за примирением, в чём он имел большой успех.

Слава о папе распространялась за пределы города. Все сборщики пожертвований или раввины, случайно оказавшиеся в городе, останавливались у него на ночлег. Он принимал их с почётом. Если гость был знатоком священного Писания, папа беседовал с ним о Торе. Некоторые сборщики пожертвований из Литвы были удивлены, видя перед собой эрудита из Волыни. Это дошло до р.Ицхока-Эльханана Спектора*, который переписывался с папой.

Городские раввины привлекали его к участию в решении сложных вопросов. Помню, он много сотрудничал с р.Алтером-даеном, который прислушивался к его мнению. Отец принадлежал к турийским хасидам, с благоговением беседовал о старом магиде из Турийска и говорил, что после его смерти невозможно найти достойного преемника. Он интересовался общественными нуждами, главным образом, вопросами воспитания, проявлял заботу о городской талмуд-торе, особенно в снабжении детей одеждой и обувью. В нашем доме было полно одежды и обуви, которую папа доставал для бедных детей. Его также занимал вопрос о характере воспитания в талмуд-торе. Выступив в поддержку д-ра Турова, который посетил наш город по поручению общества «Мфицей Гаскала» с целью улучшения воспитания в городе, отец вновь вышел за рамки дозволенного и нажил себе немало врагов. Но он не отступил перед гневом фанатиков, которые противились переменам в воспитании бедных детей. А когда открылась новая талмуд-тора под руководством маскила Я.-Й.Вола, папа был на его стороне.

Несмотря на все эти достоинства, папа не стремился к величию. Своё предназначение он видел в служении простым людям, любил находиться среди них, дружил с ними и часто пользовался народными выражениями. Поэтому неудивительно, что во время выборов в Первую Государственную думу социал-демократы Звягеля вели в Житомире переговоры о представлении его кандидатуры в качестве «избирателя».

Во время репатриации в Эрец-Исраэль папа стал очевидцем большого почёта, оказанного ему земляками, которые пришли проводить его в дальнюю дорогу. Он воспринял это как поощрение к предстоящей деятельности в стране предков, возрождаемой потомками. Папе было семьдесят лет, когда он прибыл в Эрец-Исраэль. В этой стране для него тотчас нашлось место. Несколько «добрых евреев» решили использовать его имя в качестве вывески своего учреждения. Чувствуя отвращение, отец всё же согласился и был приглашён на должность шойхета и контролёра в селение Магдиель.

В Эрец-Исраэль он тоже завоевал большую популярность, был вхож в дом раввина Ааронсона, который очень уважал его. В Магдиеле вокруг него сосредоточился круг евреев бес-медреша, которых отец обучал их в будни и особенно по субботам. Он стал в селении любимцем молодёжи. Комнаты своего дома сдавал исключительно рабочим. Из газет, выходивших тогда в Эрец-Исраэль, выбирал «Давар»*, публиковал в ней свои исследования и постигал оттуда некоторые сведения. Это привлекло внимание редакции «Давар», и они вели при встречах с ним беседы. Блаженной памяти Бэрл Кацнельсон*, Закай* и Шазар* (да продлятся их дни) были под большим впечатлением от него. В беседах он защищал молодое поколение, особенно рабочих, и превозносил славу халуцим. Будучи набожным, отец, разумеется, не мог спокойно воспринимать пренебрежение традицией и верой, но противился «священной войне». Своими приятными манерами и добрым юмором он не допускал вспышек, которые могли произойти на этой почве в

Магдиеле. Молодёжь ценила его и относилась к нему с почтением.

Папа был человеком труда с юности и до конца своих дней. Своих детей он тоже приучал к Торе и труду, радовался каждой игрушке или инструменту, сделанному руками ребёнка, словно радовался знанию текста из Геморы. Был у него в доме уголок, служивший мастерской. В этом уголке были столярные и слесарные инструменты. Он сам мастерил в доме и сам изготавливал инструменты. Часто покупал пилы, которые заржавели и вышли из употребления, и изготавливал из них ножи. У него в доме была точильный станок, на котором он точил ножи. Папа занимался домашним хозяйством, учился и работал. Основой учёбы у него считался труд. А труд способствовал пониманию и знанию. Работая, он учился и изобретал новшества, способные облегчить труд. Папа неоднократно изготавливал кухонную посуду для варки и выпечки, экономившую время и площадь.

Его кончина имела в некоторой степени знаковый характер: он оказался жертвой несчастного случая. В селении Раанане, расположенном поблизости от Магдиеля, нужно было зарезать большого быка. Мясник не хотел полагаться на местного шойхета и пригласил для убоя папу, который откликнулся на приглашение. Во время убоя развязалась верёвка, и бык лягнул папу. Через несколько дней на месте удара образовался гнойник. Это привело к параличу, длившемуся ровно четыре года. Он умер в возрасте 84 лет.

Рэб Пинхас (р. Пиня Лэйбишес), шойхет и контролёр

Он был тальновским хасидом, из родословной семьи Шапиро из Славуты. Богобоязненный еврей, религиозный фанатик. Боролся самоотверженно с группой молодых носителей Гаскалы в Звягеле. Вместе с тем слыл в обществе человеком возвышенной морали, честным и справедливым, который всю свою жизнь помогал нуждающимся. В таких случаях он не делал различий между религиозными и вольнодумцами, каждому уделял время для оказания помощи. Общество ценило его преданность. Он был назначен старостой «Бикур холим»* и «Линас га-цедек», а в конце жизни стал старостой погребального братства.

Рэб Аврум Шапиро

Младший брат вышеупомянутого р.Пини тоже был шойхетом и контролёром. Но это ремесло не связывало его по рукам, в отличие от остальных коллег. Он соблюдал традиции и в то же время сохранял тесные отношения с теми, кто не соблюдал их. Привело к этому сионистское движение. Распространение сионистской идеи вызвало у него симпатию, вырвало из мира иллюзий, которыми он был поглощён, и поставило его на почву еврейской действительности, описанной Герцлем. Рэб Аврум Шапиро был единственным сионистом в городе с длинной бородой и пейсами. Он открывал двери своего дома для собраний сионистов, и эти собрания проходили почти каждую субботу. Это было великолепное зрелище: молодые парни со сбритыми бородами и остриженными пейсами, которым не было и 20, сидели вместе с ним за столом, вдумчиво вели беседу о современном сионизме и под конец затягивали сионистские песни. А старый р.Аврум Шапиро им подпевал.

Рэб Мойше Аврумкэс, шойхет и инспектор

Еврей-эрудит, «вовлечённый» в Гаскалу. Смышлённый и остроумный, с чувством

юмора, весёлый и приветливый к людям. Владея ремеслом шойхета и контролёра, он к тому же обладал приятным голосом и служил хазаном в Большом бес-медреше. Умел петь по нотам. Хотя люди его любили, он не желал заниматься общественной деятельностью. Обладая поэтической душой, стремился к одиночеству. У себя в комнате любил предаваться музыке и пению, и эти звуки пробивались на улицу и в соседние дома. Сионистская идея тоже была ему близка. Его младший сын был активен в сионистских кругах города.

Рэб Пиня Аврумкэс (Маляр), шойхет и инспектор

Это был богобоязненный остроумный еврей-эрудит. Увлечённо читал, в том числе научную и философскую литературу, книги Гаскалы и поэзии. Был усердным и внимательным в учёбе. По своей натуре скромный и благородный. Сионист до мозга костей, беспокоившийся о духовных ценностях народа. Новые веяния ворвалось и в его дом. Старшие дочери присоединились к компании Фейерберга и вели войну с ортодоксами. Несмотря на свою набожность, ему удалось постичь благородный пламенный дух этой компании, и он не чинил ему препятствий в своём доме.

Рэб Пиня Аврумкэс понимал необходимость сплочения нации. Приятно было наблюдать, как отец и 15-летний сын склонились над «Га-Цфира», взволнованно читали статью Соколова* или глубоко «изучали» в «Га-Шилоах» заметку Ахад-Гаама, а также «Ялкут катан» или «Коген вз-нави». Глаза отца блестели от удовольствия, когда сын проникал в суть идей, выраженные в статьях, а его улыбка как бы выражала похвалу автору статьи.

Ребе Тэвье Сахарбройт (Тэвл-меламед)

Рэб Тэвл – не раввин и не сын раввина. Его ремеслом было обучение. Долгие годы он учил малышей, и поэтому его всю жизнь звали Тэвл-меламед. Ему выпала честь стать ребе и учителем Звягельской ешивы. Эту высокую должность он занимал наряду с такими великими людьми как глава ешивы ребе Йоэль Сорин («Даровитый») и ребе Мордке Нисенбойм. Среди знатоков Торы и меламедов рэб Йоэль Сорин не нашёл в городе лучшего кандидата для преподавания в ешиве, чем рэб Тэвл. В своё время в городе пользовался доброй славой меламед р.Бениминке Близовский, выделявшийся своей эрудицией и остроумием. Лишь особо одарённые удостоились слушать его уроки. А он был весьма привередливым в наборе учащихся и больше шести не принимал. И ребе Хаим-Мэйшелэ Ройтберг славился знанием Торе и мудрости, а также своей добротой. М.З.Фейерберг тоже был его учеником. Говорили, что только два меламеда заслужили любовь – ребе Бениминке и ребе Хаим-Мэйшелэ. Они воспитали в городе целые поколения знатоков святого Писания. Но ребе Тэвл, кроме эрудиции, обладал возвышенными свойствами, и они перевешивали.

Воистину велик был ребе Тэвл в ремесле преподавания. Он обладал замечательным педагогическим даром. Глаза его источали любовь и нежность. В его звучном радостном голосе ощущалась бодрость и заинтересованность в обучении. Разум и сердце были отданы ученикам даже после урока, чтобы внедрить в их умы сложные темы. О каждом из них он проявлял отеческую заботу. Неудивительно, что ученики его настолько любили, что и по сей день, через пятьдесят лет после его смерти, вспоминают о нём с благоговением. Один из учеников, господин Ш.Миллер, в своей книге «Дор га-мидбор» посвящает несколько строк этому чудесному человеку:

«Он стоял, опираясь на стендер, и говорил тихим мелодичным голосом как бы про себя ... Из-под ермолки виднелся высокий лоб, тонкие выющиеся пейсы ... Ребе отрывает глаза от стендера, обводит взглядом лица всех учеников, ловит взгляд Аврума и останавливается на его лице ... После урока ребе подозвал его:

– Как тебя зовут, мальчик?

... Ребе ущипнул его за щёчку ... Аврум исподлобья поглядывал на ребе, видел его щёки. На скулах, сразу под глазами, проступали розовые пятна, похожие на клубнику. А лоб белый, синеватый, как снятое молоко. Такой красивый лоб! Нужно хорошо учиться. Ему нравился ребе. Он говорит так тихо, так ... хорошо.»

Это краткое описание, принадлежащее перу писателя-мастера, соответствует действительности. Именно такой была личность ребе Тэвье. Он был высоким и представительным, говорит тихо. Продолговатое лицо увенчано заострённой бородкой, глаза излучают доброту, а улыбка не сходит с лица. Речь его спокойна и приправлена острым юмором. Бедность и нужда были участью всей его короткой жизни. Но никогда не слышали от него жалоб и не замечали в нём каких-то признаков озлобления. Человек веры и оптимист, обладавший достоинством и вдохновением, он стоял на страже веры и, к огорчению многих, умер преждевременно.

Йонатан Шлаен

Рэб Айзик Арбетман
(ветеран сионистской группы в Звягеле)

С трепетом в сердце вспоминаю я р.Айзика Арбетмана, вызывавшего большое уважение своими благословенными делами. Ему выпала доля испытать в жизни трагические разочарования.

Знаменосцем сионизма в городе была маленькая группа молодёжи. Правда, были ещё сионисты старшего поколения или сионистски настроенные евреи, но активно действовали лишь считанные. Руководил этой группой р.Айзик Арбетман. Для нас, сионистской молодёжи, его сотрудничество было источником вдохновения. Следует помнить, что к сионизму в Звягеле в общем и целом относились отрицательно. В нём видели утопию, а в его приверженцах – фантазёров. Сионистская деятельность р.Айзика, таким образом, укрепляла наши позиции в городе, потому что р.Айзика знали как практичного, далёкого от грёз человека ...

Частная и сионистская деятельность

Начинал р.Айзик с маленькой мастерской по обработке бумажных изделий и производству резиновых штампов. Понемногу бумажное производство развивалось, и мастерская стала значительным промышленным предприятием (по масштабам Звягеля, разумеется) с машинным оборудованием. Положение его укреплялось. Но и тогда из-за любви к ручному труду он не прекращал производства штампов.

Отца р.Айзика в городе называли «Аннопольским меламедом». Это был седовласый низкорослый старик в длинном капоте, у которого из-под шёлковой фуражки выглядывала бархатная ермолка. Разумеется, р.Айзик не был воспитан в большом богатстве. Даже улучшив своё положение, он не позволял себе слишком много от «мира сего». Как и в

старые времена р.Айзик «грешил» пренебрежением к рабочему времени ради сионистской деятельности.

Кто не помнит времена распространения брошюр «копеечной сионистской библиотеки», сионистских марок и т.п.? Ещё с детства помню я, что р.Айзик был сионистом. Бывало, в горячие рабочие часы среди бела дня стоял он у своей конторки занятый, напряжённый, серьёзный, и к нему застенчиво заходил по делу мальчик из нашей сионистской компании. Словно по волшебству р.Айзик менялся в лице: исчезала напряжённость и появлялась привлекательная улыбка. Наш товарищ чувствовал себя как дома. Более того, у него было такое ощущение, что серьёзный р.Айзик совсем не прочь покинуть «тленную жизнь» и заняться делами, которые являются для него «вечной жизнью».

Его мастерская всегда в нашем распоряжении. Там проходят совещания, встречи, заседания и т.п., решаются серьёзные партийные вопросы (тогда собрания были запрещены). В субботние дни это место служило молодёжным центром. До сих пор я поражаюсь, с каким доверием этот взрослый человек передавал в распоряжение нас, подростков, свою мастерскую с машинами, разными товарами и т.п., уверенный в том, что всё будет в порядке (и действительно, в нас он не разочаровался). Самые лучшие воспоминания о детской «культурной деятельности» связаны с этим местом и личностью р.Айзика.

Сионистский миньян

Рэб Айзик всегда сторонился саморекламы, избегал публичных выступлений, но во время традиционного сионистского миньяна Симхас-Тойре был в центре внимания. В этот день стекались все наши «силы»: как активные сионисты, так и симпатизировавшие. В таком случае р.Айзик соглашался, в виде исключения, играть первую скрипку. Он произносил вместе со всеми «Ата гарэта»¹, руководил восхождениями к Торе и прочими церемониями. После молитвы – традиционный кидуш с лэках* и водкой (на меду), сионистские песни и поздравления. При случае р.Айзик произносит короткую, но острую речь об актуальных делах. Речь его изобилует пословицами, юмором, афоризмами, которые не забываются и после праздника. Мы, молодёжь, гордились тем, как раскрывался перед публикой одухотворённый образ нашего р.Айзика.

Национальное воспитание

Особенно активен р.Айзик в области национального воспитания. Естественно, что самые младшие из нашей компании были нетерпеливы, сразу хотели наслаждаться плодами своих дел. Рэб Айзик как старший товарищ подчёркивал, что только молодые резервы могут укрепить сионизм, и призывал, таким образом, к делам. В первую очередь, необходимо основать современную ивритскую школу (т.е. «еврейский язык на иврите»). Трудностей было много: большинство родителей относились к этому равнодушно, другие выступали против.

Я вспоминаю пламенные речи о национальном воспитании сионистского проповедника р.Йегуды-Лейба Левина* (ЙегаЛеЛ из Слуцка) перед большой толпой в бес-медреше. В то время в город вернулся после учёбы в Одессе мой брат Шмулик (Шмулик Ушер-Эликс), который понравился народу своими выступлениями по обсуждаемой теме перед узким кругом родителей и большой публикой в Большом бес-

1 «Ты указал ...» (древнеевр.) – слова, произносимые перед открытием орн-койдеш и извлечением свитков Торы

медреше. Борьба велась против чуждого воспитания, которое распространялось среди разных слоёв горожан. Из-за отсутствия мест в городском (русском) училище видные домохозяева отдавали своих детей в школы окрестных сёл, даже в церковно-приходские, хотя уровень этих школ низким, а к еврейским детям в них относились враждебно. Таким образом родители надеялись со временем достичь желанной цели – городской русской школы. Пропагандой и практической подготовкой к созданию ивритской школы руководил сам р.Айзик.

Несмотря на его авторитет, тогда это мероприятие, к великому сожалению, закончилось провалом. Клерикальные круги города, которые почти не противодействовали христианскому воспитанию, активно выступали против национальной школы и р.Айзика лично. Под их влиянием оказалась часть родителей. Но р.Айзик, по своему обыкновению, тоже проявил упрямство, и школа через некоторое время всё же была основана.

Экономические и общественные достижения

Первая мировая война была началом разрушения еврейских поселений в черте оседлости. С другой стороны, она стимулировала развитие торговли и промышленности в прифронтовых районах. Рэб Айзик как торговец и производитель преуспевал. Незадолго перед февральской революцией он приобрёл типографию Гершонова (одну из трёх существовавших тогда в городе), расширил производство бумаги, и перед ним открылись новые возможности. Ведь печатное дело тесно связано с бумажным производством.

Главной его целью в жизни всегда была репатриация всей семьи в Эрец-Исраэль. Теперь он готов к этому и экономически, и духовно. Его потрясли упадок еврейской жизни и всеобщие разрушения. Однако он надеялся, что, по крайней мере, жители Звягеля, и его семья в том числе, уже избавились от ужасных несчастий, которые принесла другим война. По возрасту он был освобождён от военной службы. И его любимый единственный сын Йосэлэ, который ещё молод, тоже вне опасности.

В то время была, наконец, открыта ивритская школа под руководством писателя и учителя Я.-Й.Вола. Благодаря подходящему учительскому персоналу это учебное заведение функционировало как современная национальная школа. Рэб Айзик – постоянный член школьного совета. Но, как обычно, он держался в тени. Между прочим, именно благодаря этой кратковременно существовавшей школе многие звягельские дети получили современное национальное воспитание и не испытывали в школьном возрасте антисемитских нападок.

Никому не приходило в голову, что р.Айзик в старшем возрасте будет работать воспитателем и даже проявит способности в этой области.

Февральская революция

Революция началась с первыми признаками весны. Многие верили, что вместе с избавлением от холодной зимы пришла свобода всем народам России. Партийная работа струилась мощным потоком, не ведая преград. Прежней сионистской молодёжи, с которой р.Айзик действовал рука об руку с 1905 г., в городе больше не было. Одни находились за границей (мой брат Шмулик репатриировался в Эрец-Исраэль), другие были призваны в армию или разъехались. Перед р.Айзиком предстала новая группа полных энтузиазма юных сионистов. Он помнит их застенчивыми детьми, певшими на собраниях сионистские песни, мальчиками на побегушках, радовавшимися любому партийному поручению. А теперь, к его большому изумлению, они выросли и при встрече с ним

выдвинули широкий план сионистской деятельности. Средний возраст новых сионистов – 17 лет. Их появление очень взволновало р.Айзика, который обещал своим юным друзьям полную поддержку.

Я вспоминаю эпизод, который характеризует усердие р.Айзика. Было решено обнародовать сионистское воззвание, чтобы популяризировать новоявленное сионистское движение. Напечатать воззвание на русском – не проблема. Но к народу нужно обратиться на идиш. К сожалению, даже в типографии р.Айзика сортимент еврейских букв был бедным и не соответствовал нашим потребностям. Но р.Айзик не отчаивается, и мы сочиняем вместе воззвание, приспособившись к имевшемуся у нас печатному набору. Рэб Айзик сам набирает воззвание, которое начинается словами: «Старая власть пала, подкопанная сама собой» и т.д. Это было нашим первым обращением к звягельским евреям, вызвавшим гнев справа и слева: как посмели эти наглецы выступать с сионистскими грёзами в разгар золотой эпохи «великой исторической освободительной революции»?

Затем настала пора бурной партийной борьбы, митингов, празднеств и т.п. Рэб Айзик разочарован. Он верит только в усердную, серьёзную культурную деятельность и не переносит шума. А когда появляются новые сионистские деятели, так называемая «группа Мелуфа» (упоминается в книге отдельно) во главе с Л.Пинесом, р.Айзик остаётся в тени.

Сионистский клуб

Зима 1918-19 гг. Прошли праздничные дни революции вместе с суетой партийной борьбы. Вместе с ними также исчезли большие надежды. Звягель уже успел пережить настоящий погром. Немцы тем временем успели оккупировать Украину и отступить. Правят украинцы во главе с Петлюрой. Настроение предпогромное. Карманы людей наполнены пачками «керенок» и «лопат», чья ценность на базаре падает с каждым днём. Словно протрезвившиеся пьяницы не понимают люди своего прежнего революционного энтузиазма. Евреи хватаются за сионизм как за единственное спасение.

Молодёжь объединилась в рабочую партию «Цеирей Цион» и действует в городском сионистском комитете вместе с общими сионистами. («Поалей Цион» упрямо стоят в стороне от совместного участия в сельскохозяйственном труде). Необходима широкая организационная работа. Евреи вдруг «влюбились» в сионизм. Во главе «Цеирей Цион» снова стоит р.Айзик, по чьей инициативе возникает сионистский клуб на Тамаровской улице. На сей раз евреи действительно хотят «переправиться» в Эрец-Исраэль. Они не могут больше переносить горькое изгнание. Каждый из них добивается «права» быть среди первых и с трогательной наивностью приносит «шекели» и разные квитанции, чтобы доказать свою принадлежность к сионизму. В работе клуба участвуют сотни как старых, так и новых общественных деятелей.

Некоторые типы активных членов клуба:

Рэб Аврум-шойхет (о нём в книге есть отдельный рассказ). Один из сионистов «старой гвардии». Еврей с патриархальной чёрной бородой и детскими голубыми глазами. Сионизм – радость всей его жизни – настраивает против него «пожирателя сионистов» раввина р.Шлёмкэ со своим клерикальным окружением, которое мечет на р.Аврума гром и молнии. Это в немалой степени наносит ущерб заработку и постоянно угрожает его профессиональному статусу шойхета. В прошлогоднем партийном шуме р.Аврума, разумеется, не было слышно, но здесь, в сионистском клубе, он занимает почётное место.

К нему прислушиваются. В клубе ведут дебаты о декларации Бальфура*, обсуждаются слухи о сионистском правительстве в Эрец-Исраэль. Каждая беседа заканчивается песней «Ди сохэ» и другими сионистскими песнями, которые пел приятным низким голосом р.Аврум. Он гордится песнями периода «Хибат Цион», когда был ещё совсем молод.

Рэб Мойше Гехт – тоже старо-новый сионист. Маскил прежних времён. Много лет назад покинул Звягель вслед за женой, а во время войны вернулся в город. В клубе был тепло принят. Убит во время погрома.

Рэб Дов Анцелевич (он тоже отдельно упоминается в книге) – беженец, сын раввина из Мозыря, знаток святого Писания и сознательный сионист. Быстро стал местным активистом.

Особенно гордились мы **р.Мойше Дверисом**, по профессии заготовщиком. Его многолетняя связь с сионизмом опровергала упреки левых, что мы представляем собой только молодых домохозяйчиков.

Всеми любим был **р.Пинхас Мильруд**¹, простой задушевный человек. Больше всех его увлекали дебаты о подготовке к репатриации в Эрец-Исраэль.

Рэб Шейлык Кушнир (гончар), уже пожилой человек, с хасидским самозабвением был привязан к клубу днём и ночью.

Рэб Лейзер-каменщик (зимой – литейщик галош) был сейчас особенно уважаем в связи со строительными работами в стране.

Разумеется, р.Зельман Беруль, р.Сруль Цифанский, р.Арон Ставницер, р. Борух Костров² и другие, которых я не помню, тоже оказывали помощь клубу.

Но, к сожалению, до осуществления плана исхода из Звягеля ещё далёко. Город, как и вся страна, был отрезан от мира. Нет никаких фактических вестей о сионизме и Эрец-Исраэль. Рэб Айзик использует свой авторитет, чтобы удержать людей от легкомысленных шагов – преждевременных сделок, прекращения деятельности и т.д.

Сионистский клуб – фактически последний очаг сионистской деятельности в городе. Обстоятельства не позволяли организовать массовую репатриацию в Эрец-Исраэль. Произошли трагические события, которые не приходили в голову даже самым отчаянным пессимистам. Все члены клуба, которые с такой надеждой и стремлением стояли «на пороге Эрец-Исраэль», не достигли своей цели.

(Кстати, считанные звягельские семьи, которым всё же удалось достичь цели – Эрец-Исраэль –приспособились к местным условиям, укоренились в стране и стали её продуктивными элементами, ни на что не жалуясь, даже во время тяжёлых испытаний).

Всеобщее разрушение

Смена властей, погромы, беспорядки и, наконец, большой пожар разрушили город. Среди разорённых был и р.Айзик. Внешне он, как будто, не изменился. Мудрое лицо слегка побледнело, плечи немного согнулись, а в чёрной бороде пробивались седые волосы. Но он по-прежнему относился ко всем приветливо и добродушно. Ах, как важны были сейчас дружеская встреча, слово утешения для впавших в отчаяние горожан!

После завоевания города поляками прибыла щедрая помощь от «Джойнта». Эта неожиданная братская помощь спасла евреев от гибели и духовного вырождения, воодушевила их. Появляются честные, дееспособные общественные деятели. Рэб Айзик, по своему обыкновению, не брал на себя никаких формальных обязательств, но его советы и разъяснения приносили большую пользу.

В связи с предоставлением конструктивной помощи пострадавшим для встречи с

1 В тексте на идиш – Лейзер Мильруд

2 В тексте на идиш – Ицхок Костров

руководством «Джойнта» в Варшаве послали делегацию во главе с р.Айзиком. С ним едет р.Зельман Беруль и один наш юный товарищ. Когда делегация прибыла в Ровно, сюда дошли слухи о том, что польские войска под натиском большевиков отступили из Киева. Под сомнением была их способность удержаться в Звягеле. Старшие решили продолжить поездку, а младший (20-летний парень) вернулся в Звягель. Опасения подтвердились. Город в очередной раз заняла Красная Армия, и наши посланцы были отрезаны от него. Через некоторое время мы узнали, что, находясь в безвыходном положении, они с помощью «Джойнта» уехали в Америку.

Непонятно, как р.Айзик, всегда благоразумный, верный муж и преданный отец, рискнул продолжать поездку в Варшаву. Может быть, он надеялся, что слухи преувеличены, и, ощущая важность своей миссии, решил идти до конца. А там – будь что будет.

Так или иначе, но в этот раз р.Айзик поступил вопреки своему обыкновению. Этот шаг имел для его семьи роковые последствия. Жена умерла от тифа. Единственный сын, Йосл, вырос и устроился печатником. А когда появилась возможность покинуть Звягель и воссоединить семью в Америке, он отказался уезжать с сёстрами. То ли власть привязывала рабочих к месту, то ли он стал приверженцем нового строя.

В сложившейся ситуации у р.Айзика больше не было интереса начинать жизнь заново и восстанавливать своё экономическое положение. Потеряв цель жизни и семью, он стал равнодушным к экономическим достижениям.

*

Рэб Айзик умер на чужбине, в Америке, вдали от друзей и поклонников, так и не увидев страну своей мечты.

А.Ури

Эли Ротенберг
(по рассказу его брата Ушера)

Он обладал большой энергией и порывом, никогда не удовлетворялся достигнутым, путешествовал по странам трёх континентов, пока не осел в Советской России. Впервые побывав в 1910 г. в Эрец-Исраэль, попал под чары этой страны и всё время стремился туда, однако был схвачен и казнён Советской властью.

Эли Ротенберг в Эрец-Исраэль. 1910 г.

Он происходил из знатной состоятельной семьи, глубоко укоренившейся в городе и округе. Дед, р.Ици Кунес (по имени своей энергичной жены Куне), арендовал у дворянина фольварки, пивоварни и винокурни. Во время русско-турецкой войны (1877-1878 гг.) он отправился как военный подрядчик вместе с русской армией, сопровождал её во время наступления и поселился в Галаце. Осуществил выгодные сделки и, вернувшись домой, построил фаянсовую фабрику в селе Могильне. Из-за сильного наводнения фабрика была разрушена, и р.Ици Кунес потерял большую часть своего состояния. Тогда он, уплатив все долги, взял в аренду новый фольварк. Вскоре вышел приказ министра Дрентельна* о выселении евреев, и его изгнали из села и конфисковали всё оставшееся имущество. От больших страданий и горестей он внезапно умер, оставив маленьких детей. Его зять и глава семьи, Нехемия Штерн, простудился и тоже умер, оставив жену с маленькими детьми. Все мучения свалились на его жену Куне, которая переселилась в деревню Александровку, где арендовала водяную мельницу. Завязав торговлю с помещиком, она обеспечивала свою семью, пока не выросли дети и не взяли на себя бремя заработка. Своим простым образом жизни, логикой и гибким умом Куне вызывала уважение у местных крестьян и обслуги помещика, которые облегчали её усилия. Я помню её в глубокой старости, согбенную, слепую на один глаз, в высоких простых сапогах. Несколько раз в неделю она отправлялась в 5-6-километровый путь из Александровки в Звягель, привозила часто своим родственникам всякие молочные продукты и с мягкой

улыбкой на устах рассказывала несколько новых, полных жизненной мудрости анекдотов. Её сыновья, старший Аврум и младший Лейб, занимали важное место в экономической жизни города. Аврум Ротенберг был богатым домохозяином, владел чугунно-литейным заводом. А Лейб остался с матерью в деревне и арендовал мельницу. Он особенно выделялся своей порядочностью и благотворительностью. Эли Ротенберг, сын р.Аврума (которого звали по имени родителей Аврум Ици Кунес), учился у хороших меламедов. В 1904 г., когда ему было 16 лет, его увлекла революционная волна, всколыхнувшая тогда значительную часть молодёжи. Родители раньше не замечали перемен в его душе. Но однажды отец нашёл во дворе своего дома, расположенного напротив уездного полицейского управления, оружие и боеприпасы. Напуганный этой находкой, он разозлился на сына и потребовал от него объяснений, на что Эли сердито ответил: «Это оружие я собрал для нашей самообороны. Ты что думаешь: мы так просто сдадимся на милость погромщикам и не будем сопротивляться?» Спор обострился, и оружие пришлось спрятать в другом месте. Он исчез из дома и через некоторое время дал знать, что находится в Житомире и решил стать рабочим. Отец, мечтавший о том, что сын станет студентом университета, тщетно просил его заняться учёбой. Через некоторое время родители, опасавшиеся преследования и ареста их сына полицией, сумели убедить его покинуть Россию и уехать в Америку.

Однако работа в американской мастерской ему надоела, и, достигнув призывного возраста, он вернулся в Россию. После увольнения из армии выразил желание продолжить службу и был направлен в кавалерию, но долго не мог жить в казармах и дезертировал. Загнанный, скрывался у своих родственников, а затем перешёл границу и прибыл в Лемберг, несколько месяцев работал на большом заводе сельскохозяйственных машин. Оттуда переехал в Борислав, стал нефтяником. Но и там долго не продержался и переселился в Грецию. В этой стране чувствовал себя чужим и одиноким, некоторое время был безработным, переехал в Египет, работал на монтажных работах и довольно хорошо зарабатывал. Весной, в начале жатвы, приехал в Эрец-Исраэль и устроился механиком по наладке и ремонту сельхозмашин. Казалось, что здесь он поселится окончательно. Задумав усовершенствования, Эли установил связи со своим братом Ушером, владельцем литейной в Звягеле, и заказал у него модели сельскохозяйственных машин.

Но тяга к странствиям и приключением привела его в Париж. Там он стал шофёром, женился на знакомой из Борислава и имел от неё дочь. Однако не смог приспособиться к новой обстановке и решил обратно ехать в Эрец-Исраэль. Обстоятельства заставили его временно увезти жену с дочкой в Америку и репатрироваться в Эрец-Исраэль без семьи. Перед репатриацией Эли поехал повидаться с родными в Звягеле. Был конец лета 1914 г. Разразилась первая мировая война, и он уже не смог покинуть Россию. С большим трудом получил справку об освобождении от военной службы и уехал из Звягеля. Несколько месяцев о нём не было никаких вестей. Позже узнали, что он работает специалистом на судоверфи в Севастополе. Затем около двух лет о нём ничего не было слышно, и уже оплакивали его кончину. Но оказалось, что он сблизился с рабочими и вёл среди них революционную пропаганду. Заводская инспекция застала его с поличным во время выступления на тайной рабочей сходке и арестовала. Закованного в цепи, его повезли по этапу через Сибирь к месту заключения на острове Сахалине. Перевозка, затянувшаяся примерно на год, доставила ему большие страдания.

После освобождения в 1917 г. он приехал в Петроград и начал работать механиком на Путиловском заводе. Со временем его назначили комиссаром машиностроения, затем послали на рыбоперерабатывающие предприятия Царицына, где он проявил свой талант и ответственное отношение к работе. Это обратило на него внимание советского

руководства, которое в начале гражданской войны поручило ему конфискацию зерна и другого продовольствия в богатом Поволжье и перевозку по рекам в города Центральной России. Он успешно выполнил эти задания и получил много благодарностей. Во время своего приезда в Царицын Сталин встретился с Эли и тоже выразил ему благодарность, но при этом добавил с добродушной улыбкой: «Ну, и сколько ты на этом заработал?» Эти слова задели его за живое, и он отказался от дальнейшей работы. Его друг Орджоникидзе, тогда министр тяжёлой промышленности, узнав об этом инциденте, пытался представить сталинское выражение как безобидную шутку, и убеждал продолжать работу. Эли после этого встретился со Сталиным, который извинился перед ним и перевёл в Москву. Там он был назначен ректором института металлургии.

Примерно через полгода Эли осознал отсутствие высшего технического образования и попросил направить его на учёбу в Харьковский политехникум. Просьба была удовлетворена. Там Эли отличился своими исследованиями, и через год руководство политехникума назначило его членом торговой делегации, отправившейся в 1925 г. в Детройт с целью приобретения оборудования для металлургических заводов. В США он провёл примерно полтора года, изучая технологию производства на крупных металлургических заводах. После развода с женой взял с собой в Россию дочь, которая к тому времени стала взрослой. Вернувшись, дал подробный отчёт обо всём, что видел на заводах Детройта, их оборудовании и технологии производства, предложил внедрить американский опыт на российских заводах. Главное управление металлургии с большим интересом отнеслось к этому отчёту, некоторые предложения были использованы на практике. Его назначили главным инспектором тракторных заводов России.

Он тогда объездил много центров металлургии, тщательно исследовал их состояние и после подведения итогов каждый день в письменном виде или по телефону давал инструкции относительно модернизации производства. Однажды, во время телефонного разговора с директором металлургического предприятия о необходимости исправления технической ошибки в одном из сооружений, с его уст невольно сорвалась фраза, что эта ошибка, возможно, сделана по инструкции Сталина. После этого разговор прервался, и об этом инциденте тут же доложили в Центральный Комитет партии. На следующий день его исключили из партии. Почувствовал нависшую над ним опасность, он пытался оправдаться тем, что случайно оговорился в сложном техническом разговоре, и просил простить его за это. Но никто не хотел его слушать. Не помогли также хорошие отношения и дружба с известным членом исполкома Фрунзе (которого Сталин тоже вскоре ликвидировал). Тот лишь посоветовал ему официально просить прощения у партийного руководства и обещать, что такое больше не случится. Он так и сделал, и его восстановили в партии. С тех пор каждый его шаг находился под жёстким контролем. Ответственность за техническое управление заводов лежала, как и прежде, на нём. Надзиратели ждали его промаха, и он хорошо ощущал на себе это тяжёлое бремя.

В то время старший брат Ушер, который работал в Москве, получив специальное разрешение от Калинина на выезд в Эрец-Исраэль. Родные, в том числе и Эли, провожали его до вокзала. Перед расставанием Эли вдруг бросился брату на шею, расплакался и выразил сожаление о том, что не остался в своё время в Эрец-Исраэль и не стал строителем этой страны. Эти неожиданные сетования поразили всех.

После гитлеровского нападения на Советский Союз он был арестован НКВД по приказу Сталина вместе с другими большевистскими ветеранами, которых безосновательно обвиняли в совершении дерзких преступлений. Приговор суда, однако, был не очень суровым, но через несколько недель из тюрьмы пришло сообщение о его внезапной кончине без указания её причины. Как стало известно позже, он был расстрелян.

После этой казни дочь больше не могла оставаться в Советском Союзе и как американская подданная получила разрешение на выезд к матери в Америку.

Зельман Беруль

Вспоминая р.Зельмана Беруля, я вижу в своём воображении, как он в эпоху Керенского выступает на митинге во дворе Большой синагоги. Большая толпа заполняет двор. Выступают ораторы от всех партий и классов. Мы, группа молодых сионистов, гордимся своим представительством на ораторской трибуне, которое не уступает остальным партиям. Рэб Зельман сражался как лев с соперничающими партиями и зачастую пользовался их же оружием. В отличие от многих сионистских ораторов того времени, он не изливал душу еврея, стремившегося в Эрец-Исраэль, и не сетовал на горькое изгнание. Наоборот, р.Зельман превозносил достижения русской революции и указывал на большую пользу, которую она принесла и ещё принесёт в будущем народам России и евреям в том числе. Как яркий шахматист, уверенный в слабости соперника, он не только жертвовал заранее какую-нибудь фигуру на шахматной доске, но и рад был пожертвовать сопернику саму ферзь. Используя логику и здравый смысл, без излишней сентиментальности доказывал р.Зельман силой полемики, что евреи способны построить Эрец-Исраэль и должны энергично взяться за это в ближайшее время, несмотря на выгоды, которые могут извлечь сейчас в странах рассеяния. И доводы его были вескими ...

Стоя на трибуне (квадратный стол, который выносили из прохода Большой синагоги и ставили в углу двора), р.Зельман не знал страха перед публикой и не испытывал своей неполноценности. Низкорослый и худой, он громко произносил слова, откликавшиеся эхом, жестикулировал, словно хотел с содроганием воскликнуть горькую правду своим слушателям. Его язык, на первый взгляд, обыкновенный идиш, но приправленный литературными выражениями и иностранными словами, производит впечатление на публику, убеждает её, может быть, не меньше, чем выводы, вытекающие из его размышлений. Однако наша молодёжь, наблюдавшая всегда за дискуссиями до и после собраний, наострила уши и жадно ловила слова оратора. Ведь мы в дискуссиях не позволяли себе таких резких высказываний по отношению к противнику и не были такими смелыми, как он во время сражений на трибуне.

В кругу молодёжи р.Зельман казался новым лицом, а люди постарше считали его ветераном, поскольку он определился как сионист ещё во время первой русской революции 1905-06 гг. С тех пор р.Зельман доказывал свою принадлежность к этому кругу частым присутствием на сионистском миньяне на Симхес-Тойре, приобретая сионистский «шекель» и сионистские периодические издания, которые распространяли мы, сионистская молодёжь. Публичное неучастие в сионистской деятельности было,

очевидно, связано с его профессией частного поверенного в судебных инстанциях. Язык его, на первый взгляд, обыкновенный идиш, был приправлен соответствующими юридическими понятиями. Авторитет он завоевал не дипломом адвоката, а благодаря тому, что не боялся говорить в глаза горькую правду. В этих условиях от него требовалась особая нравственная чистота, а партийная деятельность могла запятнать его имя.

По возрасту р.Зельман принадлежал к поколению Фейерберга и любил сдабривать свои разговоры воспоминаниями о той эпохе. Он рассказывал, как Фейерберг читал ему некоторые свои произведения, желая услышать его мнение, и немало страниц было выброшено из-за отрицательной оценки. Критическое отношение к этому писателю до сих пор не вызывало у него сожаления. Рэб Зельман тоже мечтал о литературной карьере и посылал корреспонденции в русские газеты в Киеве. Он упоминал не раз об одном своём литературном сочинении эпохи Фейерберга, которое, как видно, было напечатано в одном из альманахов, и в субботу утром, пребывая в хорошем настроении, читал из тетради в узком кругу свои произведения.

Его занятие юриспруденцией не было рутинным. Он углублял исследования, изучал законы страны и старался обосновать свои доводы в судах не только параграфами закона, но и прецедентами в принципиальных решениях судов, как это принято у адвокатов. В судах восторгались его доказательствами, несмотря на случавшуюся порой излишнюю казуистику. А судьи, приученные к справедливости и неподкупности (непривычное явление для общего быта царской России) высоко ценили его умение погружаться без труда в глубины юридической науки, хотя он не достиг полного совершенства в юридическом образовании.

Простое происхождение было, по представлению того времени, серьёзным препятствием в его общественном продвижении. Он это признавал, но не придавал большого значения, веря, что блестящей логикой и профессиональными навыками проложит себе дорогу. Нас, молодых, р.Зельман покориł безоговорочно, хотя между нами происходили дискуссии на общественной почве. Он считал себя общим сионистом, а мы были активистами «Цеирей Цион».

После погрома и большого пожара р.Зельман проявил инициативу в местном комитете помощи «Джойнта». Большое наступление армии Будённого застало его на пути в Варшаву в составе делегации комитета помощи. Эти обстоятельства вынудили его эмигрировать в США.

О его жизни в Америке нам известно мало. Из разрозненных сведений, дошедших до нас, можно сделать вывод, что р.Зельман до конца жизни был полон сил, и его общественные амбиции не ослабли. Он занимался сбором материала о евреях Волыни, особенно о евреях нашего города, планируя создать литературное произведение для увековечения их памяти. Но осуществить этот план ему не удалось. Мы ценим его инициативе в этой области, но, несмотря на все усилия, не смогли достать материал, который он собрал для книги.

Содержательный материал пришёл к нам о его агитации в последние годы жизни среди делегатов 21-го Сионистского конгресса (первого после основания Государства Израиль) против «сионизма, признающего существование Изгнания», т.е. против «истинного возвращения в Сион». Этот эпизод, характерный для р.Зельмана, доказывает, что на старости он не позорил свою молодость.